

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 9
2017-2018

Учредители:

Российская Ассоциация международного права
Министерство юстиции РТ
Верховный суд РТ
Уполномоченный по правам человека в РТ
Университет управления «ТИСБИ»
Редакционная коллегия журнала

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Д.ю.н., проф. кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета Г.И.Курдюков (*Председатель*), заведующий кафедрой международного права Томского государственного университета д.ю.н., проф., А.М.Барнашов (*Томск*), заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф. С.В.Бахин (*Санкт-Петербург*), заведующий кафедрой международного права Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. П.Н. Бирюков П.Н. (*Воронеж*), заведующий кафедрой международного права Южного федерального университета д.ю.н., проф. Л.И.Волова (*Ростов*), заведующий кафедрой международного права Дальневосточного федерального университета д.ю.н., проф. В.В.Гаврилов (*Владивосток*), к.ю.н., доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета А.М.Ибрагимов (*Махачкала*), д.ю.н., проф. кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета Н.И.Костенко (*Краснодар*), заведующий кафедрой международного права Уральской юридической академии д.ю.н., проф. Л.А.Лазутин (*Екатеринбург*), директор Института государства и права Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. С.Ю.Марочкин (*Тюмень*), д.ю.н., профессор Российского государственного университета правосудия (Казанский ф-л) Ю.В.Самович; заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. Т.Ю.Сидорова (*Красноярск*), заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета д.ю.н., проф. В.Л.Толстых (*Новосибирск*), заведующий кафедрой мировой политики и международного права Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. О.О.Хохлышева (*Нижний Новгород*), профессор кафедры международного права Белгородского государственного университета д.ю.н., проф. Е.В. Сафронова (*Белгород*).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», профессор А.Б. Мезяев

Ответственный секретарь – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ» Е.Ю. Мотрохин

Члены редколлегии: доктор юридических наук, профессор Р.М. Валеев; доктор юридических наук, профессор Г.Р. Шайхутдинова; доктор юридических наук, профессор Л.Х.Мингазов; доктор юридических наук, профессор А.Г.Гатауллин, кандидат юридических наук, доцент Е.Ю.Мотрохин; доктор юридических наук, доцент Н.Е. Тюрина; кандидат юридических наук, доцент Р.Ш. Гарипов; доктор юридических наук, доцент А.Р.Каюмова; кандидат юридических наук, доцент Н.Г.Нугаева; кандидат юридических наук Р.А.Шарифуллин.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

*Почтовый адрес:

420012, г. Казань, ул. Муштары, 13. Университет управления «ТИСБИ». Юридический факультет. Кафедра международного права. Заведующему кафедрой д.ю.н., проф. Мезяеву А.Б.

*Адрес электронной почты: alexmezyaev@gmail.com

*Факс: 8 – (843) – 294-83-23

*Телефон: +79050-21-49-67 (Мезяев А.Б.)

*Интернет-сайт: www.kjil.ru

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителей журнала.

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 9 (2017-2018)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ

К 60-летию установления дипломатических отношений между СССР и Ганой

**Мезяев А.Б.* Об истории независимости Ганы и установления дипломатических отношений между Республикой Гана и СССР 4

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ГАНЫ К.НКРУМА

*Кваме Нкрума. Биографическая справка..... 11
**Денисова Т.С.* Лидер независимой Ганы Кваме Нкрума 13
**Мартышин О.В.* Политические концепции нкрумаизма..... 25
**Smertin Yu.* Nkrumaism: The Theory 42
**Kwame Nkrumah.* The Hour of Triumph..... 50

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

**Сафонов Д.Ф.* Из мемуаров об установлении дипломатических отношений СССР с Ганой..... 55
**Островенко Е.Д.* Из мемуаров бывшего Посла СССР в Гане 57

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ДРАМАТУРГИЯ

*Пьеса о судебном процессе генерала А.Ндиндилииманы в Международном трибунале по Руанде..... 62
**Deep Delusions, Bitter Truth. The Trial of A Rwandan General. A Courtroom Drama in Two Acts*..... 62

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ

Мезяев А.Б. Мемуары Ю.В. Дубинина о подготовке международных договоров с Украиной 90

«ПРЕСТУПНЫЕ» КНИГИ

О новой рубрике «Казанского журнала международного права» и «Дневнике» профессора И.И. Потехина 108
Мазов С.В. Ганская миссия профессора И.И. Потехина..... 109

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Мирзаев Ф.С.* Опыт применения принципа *Uti Possidetis* на Ближнем Востоке 118
**Plesanmi M.A.* International Law and its Response to Ebola, HIV and H1N1 Outbreaks..... 124
**Shezi W.* South African Nuclear Energy Policy: National and International Dimensions 130

БЕСЕДА С АВТОРОМ

Брутенц К.Н. «30 лет на Старой площади» 142

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

*Российская инициатива по запросу консультативного заключения Международного Суда ООН.....	147
*Российская инициатива по правилам поведения в области обеспечения международной информационной безопасности.....	148
*Российская инициатива по подготовке антинаркотических кадров в Комиссии ООН по наркотическим средствам	152

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Из Послания Президента РФ Федеральному Собранию России 1 марта 2018 г.	153
---	-----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

<i>Мезяев А.</i> Поэзия Ганы	161
------------------------------------	-----

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW JUBILEE

To the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the USSR and Ghana	
* <i>Mezyaev A.B.</i> On the History of Ghana's Independence and the establishing of Diplomatic Relations between the Republic of Ghana and the USSR	4
<u>ON THE ROLE OF THE PERSON IN THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS</u>	
<u>THE FIRST PRESIDENT OF GHANA K. NKURUMAH</u>	
*Kwame Nkrumah. Biographical information	11
* <i>Denisova T.S.</i> Leader of independent Ghana Kwame Nkrumah	13
* <i>Martyshin O.V.</i> Political concepts of Nkrumaism	25
* <i>Smertin Yu.</i> Nkrumaism: The Theory	42
* <i>Nkrumah K.</i> The Hour of Triumph.....	50
<u>PAGES OF DIPLOMATIC HISTORY</u>	
* <i>Safonov D.F.</i> Memoirs on the establishment of diplomatic relations of the USSR with Ghana	55
* <i>Ostrovenko E.D.</i> Memoirs of the former Ambassador of the USSR in Ghana.....	57

INTERNATIONAL LAW DRAMATURGY

*Deep Delusions, Bitter Truth. The Trial of A Rwandan General. A Courtroom Drama in Two Acts	62
--	----

INTERNATIONAL LEGAL MEMORIES

<i>Mezyaev A.B.</i> Memoirs of Y. Dubinin on the preparation of international treaties with Ukraine	90
---	----

“CRIMINAL” BOOKS

On the new rubric “Kazan Journal of International Law” and the book of I. Potekhin “Ghana today. A diary.....	108
<i>Mazov S.V.</i> The Ghana mission of Professor I.I. Potekhin.....	109

QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW

* <i>Mirzayev F.</i> Application of the Principle of Uti Possidetis in the Middle East.....	118
* <i>Ilesanmi M.A.</i> International Law and its Response to Ebola, HIV and H1N1 Outbreaks.....	124
* <i>Shezi W.</i> South African Nuclear Energy Policy: National and International Dimensions	130

CONVERSATION WITH THE AUTHOR

<i>Brutents K.N.</i> , “30 years on the Old Square”	142
---	-----

RUSSIAN INTERNATIONAL LAW INITIATIVES

* Russian initiative at the request of the advisory opinion of the International Court of Justice	147
* Russian initiative on rules of conduct in the field of international information security	148
* Russian initiative on preparation of anti-drug personnel in the UN Commission on Narcotic Drugs	152

OUR RESPONSE TO CHAMBERLAIN

From the Address of the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018	153
--	-----

INTERNATIONAL LAW POETRY

<i>Mezyaev A.B.</i> Poetry of Ghana	161
---	-----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ

К 60-летию установления дипломатических отношений между СССР и Ганой

**Мезяев А.Б.* Об истории независимости Ганы и установления дипломатических отношений между Республикой Гана и СССР.....4

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ГАНЫ К.НКРУМА

*Кваме Нкрума. Биографическая справка 11
*Денисова Т.С. Лидер независимой Ганы Кваме Нкрума 13
*Мартышин О.В. Политические концепции нкрумаизма25
*Smertin Yu., Nkrumaism: The Theory42
*Kwame Nkrumah. The Hour of Triumph.....50

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

*Сафонов Д.Ф. Из мемуаров об установлении дипломатических отношений СССР с Ганой.....55
*Островенко Е.Д.Из мемуаров бывшего Посла СССР в Гане57

РОССИЯ – ГАНА

**ОБ ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ГАНЫ
И УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ ГАНА И СССР**

Мезяев А.Б.¹

14 января 2018 г. министры иностранных дел России и Ганы обменялись поздравительными телеграммами в связи с 60-летием установления дипломатических отношений между нашими странами.

Однако установление этих отношений было непростым делом. Архивные документы показывают, что западные спецслужбы проводили активную работу с целью предотвратить установление таких отношений и им во многом удалось осуществить свой саботаж. Между признанием Ганы в качестве независимого государства и установлением дипломатических отношений прошел почти год. А если говорить об открытии дипломатических представительств – то почти два года.

В своих мемуарах бывший советский дипломат Д.Ф. Сафонов писал: «В середине 1957 г. в Лондон пришло указание из Москвы – командировать меня ... в Гану, для переговоров с местным руководством об открытии советского посольства в Аккре. Дипломатические отношения с этой страной были уже установлены. ... [Президент Ганы] Кваме Нкрума принимал нас в своей постоянной резиденции на окраине Аккры. Принимал приветливо, внимательно выслушивал, расспрашивал о Советском Союзе. ... Мы без труда договорились с Нкрумой о времени открытия нашего посольства, о численности его штата, об условиях предоставления посольству соответствующих помещений и по другим вопросам. Принимал нас Нкрума

¹ Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ», главный редактор «Казанского журнала международного права и международных отношений».

и перед нашим отъездом из Ганы, интересовался, довольны ли мы тем, как нас привечали в его стране, все ли интересовавшие нас вопросы удалось разрешить. ... Спустя примерно пару месяцев или что-то около этого в Гану прибыла небольшая группа – человека три или четыре – советских дипломатов во главе с назначенным в эту страну первым нашим послом М.Д. Сытенко. Это была первая ласточка, направлявшаяся в Черную Африку. За ней, как грибы, стали возникать советские посольства во многих других странах этого континента. Для СССР началось открытие настоящей, глубинной Африки...».

Однако эта безмятежная картина не совсем отражает тот накал страстей, который, как оказалось, стало возможным восстановить лишь по недавно рассекреченным архивным документам. Кстати, значительная часть документов, прежде всего касающаяся советской политики в Африке, все еще не рассекречена.

Миссия Д.Ф. Сафонова вызвала большой интерес западных спецслужб.¹ Еще за год до провозглашения независимости Ганы помощник государственного секретаря США сообщил консульству в Аккре, что перспектива приглашения делегации СССР на празднования и установление дипломатических отношений «вызывает глубокую озабоченность». Причина этой озабоченности была сформулирована следующим образом: «Характер советской политики после Второй мировой войны дает веские основания считать, что главной целью России при учреждении посольств и консульств в Африке является подрывная деятельность против незрелых политических институтов стран, освободившихся от колониальной зависимости. Главным инструментом коммунистического проникновения в эти страны и на соседние территории будут предложения советской экономической помощи, обусловленной значительными политическими условиями».²

Следует отметить, что архивные документы ясно показывают, что сама возможность установления дипломатических отношений между СССР и Ганой вызывала сопротивление Запада. Так, еще 20 февраля 1956 г. помощник Государственного секретаря США Г.Гувер сообщал своему консульству в Гане, что перспектива приглашения делегации СССР на празднование провозглашения независимости Ганы в марте 1957 г. «вызывает глубокую озабоченность». Причиной такой озабоченности было названо опасение в том, что Гана может стать плацдармом для коммунистического проникновения в «глубинные районы Западной Африки».³

Любопытно отметить такие строки из указаний правительства США: «В Государственном департаменте с особым интересом ознакомились с донесением 150, в котором вы указали, что благодаря усилиям государственного министра Коджо Ботсио весьма вероятно, что Советский Союз будет приглашен на церемонию празднования независимости Золотого Берега...».⁴ Удивительный факт: новое государство обретает независимость, но лишь усилиями (именно так: «*усилиями!*») одного министра удается решить вопрос о приглашении на празднование делегации из СССР! В конечном итоге премьер-министр К.Нкрума направил советскому правительству приглашение принять участие в торжествах по случаю провозглашения независимости, однако оговорил размер делегации «одним представителем с супругой или двумя представителями без супруг».⁵ В результате СССР направил в Конакри двух представителей и одного переводчика.

¹ Despatch from American Embassy in Accra to the Department of State. № 200, December 12, 1957. Confidential. Views of United Party Leaders. File 745J.00/12-1257. General Records of the Department of State. Central Decimal Files. R.G. 59, NARA. – P. 4.

² Цит. по документу, опубликованному в: Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке. 1956-1964. Незвестные страницы истории холодной войны. – М.: Наука, 2008. – С. 43.

³ Мазов. С.В. Указ. соч. – С. 43.

⁴ Указания Госдепартамента Генеральному консульству США в Аккре в связи с возможным установлением дипломатических отношений между СССР и Ганой, 20 февраля 1956 г. // История Африки в документах. 1870-2000. – Т. 2 (1919-1960). – М.: Наука, 2007. – С. 506.

⁵ Премьер-министр Золотого Берега Кваме Нкрума – председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину. Информация о предстоящих торжествах по случаю провозглашения независимости Золотого Берега, 4 января 1957 г. Архивный документ // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII век – 1960. – Т. 2 (1918-1960). Институт всеобщей истории РАН. – М., 2002. – С. 179.

В моих исследованиях по истории советско-африканских отношений неоднократно приходилось убеждаться в том, что несмотря на постоянные утверждения в западной литературе о наличии не только отдельных планов, но и целой стратегии советского проникновения в Африку, в реальности таких планов не было. Об этом, в частности, в очередной раз подтвердил бывший первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС (а ранее – зав. сектором Африки того же отдела) К.Н. Брутенц, интервью с которым опубликовано в этом же номере настоящего журнала (с. 142-146). И вот ещё одно доказательство отсутствия не только стратегии, но даже использования подворачивающихся под руку возможностей: приглашенный К.Нкрумой Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин в Аккру не поехал, поручив возглавить «делегацию без супруг» министру совхозов И.А. Бенедиктову.¹ При этом американцы прислали вице-президента Ричарда Никсона...

Предпринимались и прямые попытки воспрепятствовать установлению дипотношений между СССР и Ганой. Так, посольство США обсуждало с госсекретарем Либерии «совместные действия» для предотвращения установления не только дипломатических, но и вообще любых контактов между Советским Союзом и Ганой. В частности, планировалось, что либерийские власти донесут до правительства Ганы некую информацию, которая бы создала негативное отношение Ганы к СССР. Ту же враждебную деятельность проводил посол США в Аккре У.Флейк, который докладывал в госдеп о том, как он постоянно при встречах с Нкрумой «тактично убеждает ганцев в опасности СССР».²

Вопрос о наличии или отсутствии советской стратегии проникновения коммунизма в Африку является весьма важным. Анализ архивных документов показывает, что США и другим странам Запада удалось, используя, в общем-то, примитивную ложь, убедить независимые страны Африки в злонамеренности планов русских. К.Нкрума говорил: «Я и мои сторонники *прекрасно осознаем реалии нашего времени*. Мы бы не хотели иметь хозяев ни в лице англичан, ни в лице русских, ни в лице кого бы то ни было. В наши намерения не входит заменить один империализм на другой».³ Несмотря на кардинально отличный характер отношений между СССР и Африкой, с одной стороны, и отношениями между странами Африки и странами Запада, с другой (Запад финансирует частный капитал, СССР – государственные проекты; Западная финансовая помощь направлена на закабаление государств, финансовая помощь СССР не обуславливается никакими условиями и часто просто списывается),⁴ пропаганда действует и даже такие прогрессивные и образованные государственные деятели верят в то, что СССР хочет стать «новым хозяином»! Какая ирония и какая историческая слепота! И какое самомнение: «*Я прекрасно осознаю реалии...*»! В этой связи вспоминается африканская пословица: «Ум и глупость рядом идут». К.Нкрума стал выдающимся политическим философом, но не смог рассмотреть разницу между типами западной и русской империй. Даже если и предположить, что Нкрума мог рассматривать СССР как империю (что для середины XX века выглядит не слишком убедительно), то удивительно, как можно было не выявить принципиальную разницу между *паразитическим* типом западных империй и *протекционистским* типом российской империи, которая защищала и даже спасала, а не подавляла народы, входящие в нее!..

¹ Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин – Премьер-министру Золотого Берега Кваме Нкрума. Благодарность за приглашение на торжествах по случаю провозглашения независимости Золотого Берега, 23 января 1957 г. Архивный документ // Россия и Африка. – Т. 2. – С. 180.

² Мазов С. В. Указ. соч. – С. 48-49.

³ Bankole T. Kwame Nkrumah. – L.: Intern. publ., 1955. – P. 164. Цит. по: Размыслов С.С. Внешнеполитические приоритеты СССР / Российской Федерации в Африке на примере Ганы и Гвинеи (1957-2015 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – М. 2015. – С. 37.

⁴ Последним примером такого списания – как подтверждения принципиально иной политики России в отношениях с развивающимися странами – следует назвать решение российского руководства по списанию 200 млрд. долларов долга африканских стран России. (См.: Заявление Президента РФ В.В. Путина для прессы по итогам российско-гвинейских переговоров 28 сент. 2017 г. // <http://kremlin.ru/catalog/countries/GN/events/55725>)

Дипломатические отношения между СССР и Республикой Гана были установлены только 14 января следующего 1958 г. Об этом стало известно из газеты «Правда», которая 15 января 1958 г. сообщила, что, оказывается, неофициальное решение об установлении дипломатических отношений было принято еще во время переговоров И.А. Бенедиктова с К.Нкрумой. Но само соглашение было достигнуто в результате длительных переговоров в ... Лондоне! Эти переговоры проходили между исполняющим обязанности высокого комиссара Ганы Дж. Джанута с послом СССР в Британии Я.Маликом.¹

О том, как проходили переговоры И.А. Бенедиктова с Нкрумой, неизвестно. Крупнейший российский ученый-африканист, специализирующийся на работе с архивами, С.В. Мазов пишет, что доклад Бенедиктова до сих пор засекречен. Некоторая информация просочилась через американские источники: министр финансов Ганы К.Гбдема докладывал в посольство США о том, что русские якобы «оказывали сильное давление», добиваясь согласия на обмен посольствами. При этом правительство Ганы оправдывало свой отказ тем, что у него нет средств на содержание посольств.²

Однако и формальное установление дипломатических отношений не привело к быстрому открытию посольств и началу активного развития отношений. Атташе посольства СССР в Британии Н.А. Макаров в своей депеше в МИД в октябре 1958 г. сообщал, что «правительство Ганы явно тормозит обмен этими представительствами между двумя странами». В качестве возможных причин такого поведения правительства Нкрумы советский атташе называет «сильную зависимость Ганы от Англии», но также намекает на то, что ситуация может измениться, если «правительству Ганы не удастся добиться в ближайшее время получения значительной финансовой помощи от США и Англии, оно может пойти на известное изменение своей позиции в вопросе об отношениях между нашими странами и даже обратиться к СССР с просьбой об оказании финансовой помощи».³ Как показало дальнейшее развитие событий, предположение Н.А. Макарова оказалось абсолютно точным.

Посольство СССР в Аккре было открыто в августе 1959 г. При этом правительство Ганы установило ограничение числа советских дипломатов – 18 человек. Несмотря на активное начало работы первого советского посла Сытенко, который организовал практически немедленное предложение экономических проектов, правительство Нкрумы стало тормозить и этот процесс. Так, оно отказалось от условий, предложенных СССР и которые охотно принимались другими развивающимися странами (закупка советских товаров в качестве частичной оплаты импорта СССР какао-бобов – главного и единственного экспортного продукта Ганы).

Посольство Ганы в Москве было открыто в марте 1960 г. Это событие ознаменовало новый этап в отношениях между СССР и Ганой: позиция Кваме Нкрумы в отношении Запада и СССР изменилась. В январе 1960 г. в советское посольство в Гане прибыла новая группа сотрудников, которая нарушила численное ограничение, установленное ганцами еще 2 года назад (18 человек). Однако, как полагает С.В.Мазов, это, скорее всего, было негласно одобрено лично К.Нкрумой.⁴

Проблемы, с которыми столкнулся Советский Союз при попытке установить дипломатические отношения с Ганой в 1957-1959 годах, во многом были связаны с особенностями как политического положения Ганы (как первого государства Тропической Африки, завоевавшего независимость), так и личности самого К.Нкрумы. Хотя метания Кваме Нкрумы между США и странами социалистического блока могут рассматриваться как проявление его способностей к политическому маневрированию (или, напротив, отсутствия четких политических взглядов), они, по мнению известного российского ученого-африканиста Т.С. Денисовой, несомненно, показывают нежелание Нкрумы становиться марионеткой тех или иных блоков:

¹ Сообщение об установлении дипломатических отношений между СССР и Ганой. Сообщение газеты «Правда» // СССР и страны Африки, 1946-1962. Документы и материалы. – Т. 1 (1946-1960). – М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1963. – С. 379.

² Мазов С. В. Указ. соч. – С. 47.

³ Мазов С. В. Указ. соч. – С. 185.

⁴ Мазов С. В. Указ. соч. – С. 105.

«При тщательном исследовании внешней политики Нкрумы становится ясно, что он пытался использовать противостояние холодной войны, чтобы создать своего рода афроцентристскую идеологию. Его разрыв с Западом не повлек за собой полное принятие советской идеологии. Нкрума пытался стать посредником между двумя системами, в то же время создавая для Африки ее собственную нишу».¹ Тем не менее, история установления дипломатических отношений и развития двусторонних связей между СССР/Россией и Ганой дает возможность для весьма интересных выводов. Знание и – самое главное – понимание этой истории поможет для дальнейшего укрепления наших связей со странами Африки.

В настоящем выпуске журнала большое внимание уделяется личности и философским взглядам первого президента Ганы Кваме Нкрумы. Он является автором значительного числа серьезных трудов в области политической философии.

Ряд его произведений переведен на русский язык, в частности, его книги «Автобиография», «Я говорю о свободе» и «Африка должна объединиться». Особый интерес представляет собой история издания «Автобиографии» Нкрумы в СССР. Эта книга стала первым в Советском Союзе источником по истории Африки, написанным непосредственным участником освободительного движения, ставшим, к тому же, главой государства. В то же время эта книга могла никогда не увидеть свет на русском языке, если бы не настойчивая инициатива Министерства иностранных дел. МИД СССР предложил такое издание накануне планировавшегося визита К.Нкрумы в Москву, что, однако, получило негативную реакцию со стороны Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Архивные документы свидетельствуют, что руководство отдела сочло, что книга «не представляет интереса для советских читателей».² Была предпринята попытка сократить объем книги примерно в пять-шесть раз (!), исключив из нее не вполне «канонические» (в отношении социализма) высказывания президента Ганы. Однако подобного конфуза удалось избежать и книга все-таки была издана. Решение принималось на высшем уровне. Свою визу «Согласиться» поставил член Политбюро ЦК КПСС М.А. Сулов.

Труды К.Нкрумы по достоинству занимают важное место в мировой политической философии. Определяя типологию философской мысли современной Африки, известный специалист по этому вопросу Клод Самнер отмечал, что К.Нкрума является одним из главных представителей африканской политической философии наряду с К.Каундой и Дж. Ньерере. К.Самнер подчеркивает, что народы соответствующих стран рассматривали указанных лидеров как учителей, мудрецов и платоновских царей-философов (king-philosopher).³ Следует также заметить, что восприятие лидеров (безусловно, не любых, а действительно выдающихся) в таком платоновском ракурсе сохраняет свое значение и в настоящее время. Так, недавно вышедшая книга Адекейе Адебаджо о президенте ЮАР Табо Мбеки так и называется «Царь-философ»...

Кваме Нкрума создает собственную философскую концепцию *коншиенсизма*. В отечественной литературе сложилось несколько вариантов перевода данного термина («сознание», «сознательность», «философская сознательность», «философия сознательности»). Однако следует согласиться с В.Ф. Ковальским, который предлагает вообще не переводить термин, а использовать его транслитерацию. Сам К.Нкрума отмечал, что философский коншиенсизм не

¹ Денисова Т.С. Кваме Нкрума – первый президент независимой Ганы // Гана: 60 лет независимости. Сб. статей. Институт Африки РАН, 2017. – С. 26.

² Цит. по: Мазов С.В. Неизвестная история издания в СССР «Автобиографии» Кама Нкрумы // Электрон. научно-образоват. ж-л «История». – 2016. – Т. 7. – Вып. 3 (47).

³ См.: Summer C. Assessment of Philosophical Research in Africa: Major themes and undercurrents of thought // Teachings and Research in Philosophy: Africa. UNESCO. – Paris, 1984. – P. 156-157. Цит. по: Корнеев М.Я. Африканские мыслители XX века. Эскизы с интеллектуальными портретами. – Санкт-Петербург, гос. ун-т, 2012. – С. 63.

утверждает единственной реальности материи. Скорее, он утверждает первичную реальность материи. Сознание выступает для Нкрумы в качестве категории бытия.¹

Однако создав свою теоретическую конструкцию, Нкрума базирует свои построения на достижениях мировой философской мысли. В своей «Автобиографии» он пишет, что «читал Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина, Мадзини» и что их труды во многом повлияли на его «революционные взгляды и деятельность». К.Нкрума особо отмечает, что в особенности на него произвели впечатление Маркс и Ленин, поскольку он был «уверен, что их философия может разрешить эти проблемы».²

Кстати, данная цитата из «Автобиографии» вызвала особую критику одного из рецензентов Издательства иностранной литературы, который сделал вывод о том, что одним из недостатков Нкрумы является то, что он «не вполне политически четко отмежевывается от национальной буржуазии Ганы», но иначе и быть не могло, ведь Нкрума «изучал великие творения Маркса и Ленина как-то вперемежку с Гегелем, Мадзини, а также различными вариантами пессимистических и психологических течений в философии и социологии XIX и XX веков».³

Философия коншиенсизма была изложена К.Нкрумой в его труде «Коншиенсизм: философия и идеология для деколонизации и развития со специфической ссылкой на африканскую революцию». По оценке российского исследователя М.Я. Корнеева, данная концепция Нкрумы стала «итогом мучительного поиска наиболее рационального способа для синтеза историко-философских, теоретико-философских, социально-философских и идеологических взглядов».⁴ Н.С. Илларионов относит коншиенсизм к таким философским системам, которые «трансформировали типы традиционного мировоззрения, приспособлявая их к требованиям новой эпохи».⁵

Возможно наиболее точную оценку – с прагматической точки зрения – книге К.Нкрумы дал британский исследователь Идрис Кокс, назвав ее «творческим вкладом в философию в сфере применения марксизма к специфическим условиям Африки».⁶

Весьма глубокий анализ политической философии К.Нкрумы представлен в статье Ю.Г. Смергина «Нкрумаизм: теория», кстати, являющаяся переводом на английский язык русского текста части диссертации известного советского специалиста по Гане. В этой работе четко выделяются «три источника и три составные части» философской концепции К.Нкрумы. К основным источникам относят: 1) историко-философские и социально-философские (Аристотель, Ибн-Хальдун, Гоббс, Руссо, Маркс, Мадзини, Ганди, аль-Афгани); 2) философию и идеологию panaфриканизма (М.Гарвей, У.Дюбуа); 3) марксизм-ленинизм (в особенности ленинскую теорию империализма).⁷ Соответственно, к трем составным частям следует отнести антиимпериализм, panaфриканизм и африканский социализм.

Стоит также отметить и другую книгу Кваме Нкрумы – «Неоколониализм как последняя стадия империализма», вышедшую в 1965 г., где он проанализировал такие методы восстановления империалистического господства в форме неоколониализма, как навязывание «оборонительных» соглашений и открытие военных баз; поддержка марионеточных правительств; экономический контроль посредством предоставления финансовой и технической «помощи» и займов; неравноправные условия торговли и удушение местного хозяйства междуна-

¹ Ковальский В.Г. О влиянии научного социализма на взгляды африканской революционной демократии // Идеология революционных демократов Африки. – М., 1981. – С. 10.

² Нкрума К. Автобиография. – С. 47-48.

³ Цит. по: Мазов С.В. Неизвестная история издания в СССР «автобиографии» Кваме Нкрумы // Электрон. научно-образоват. ж-л «История». – 2016. – Т. 7. – Вып. 3 (47). – С. 5.

⁴ Корнеев М.Я. Африканские мыслители XX века. – СПб.: Изд. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1996. – С. 73.

⁵ Илларионов Н.С. Проблема веры и знания в современной философской и религиозной мысли стран Тропической Африки // Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 199.

⁶ Hiron V. Communalism and Socialism in Africa: The Misdirection of C.L.R. James. – P. 34 // <https://www.marxists.org/archive/hiron/1989/clr-james.htm>

⁷ См.: Косухин Н.Д. Формирование идейно-политической стратегии в африканских странах социалистической ориентации. – С. 90.

ными корпорациями; проникновение в общество путем формирования местной буржуазии; идеологическая пропаганда и т.п.¹ Для К.Нкрумы «социализм в Африке предлагает новый социальный синтез, при котором современные технологии мирно уживаются с человеческими ценностями без вопиющего социального неравенства и противоречий, свойственных капиталистическому индустриальному обществу».²

Более детальное исследование философии Кваме Нкрумы во всех его аспектах представлено в опубликованной в настоящем выпуске нашего журнала статье доктора юридических наук, профессора Московской государственной юридической академии Ореста Владимировича Мартышина.

При этом важно отметить, что изучение философских учений К.Нкрумы следует проводить с учетом замечания, сделанного бенинским философом П.Хунтонджи на этот раз в отношении не самого Нкрумы, а его исследователей: «Его работы читают как нечто, написанное в одно и то же время, и извлекают из них странным образом абстрагированную, упрощенную и догматическую систему под названием «нкрумаизм». Хунтонджи отмечает, что читать Нкруму необходимо с учетом эволюции взглядов автора и в конкретном историческом контексте. Особо ярко показывает эффективность такой методологии С.В. Мазов, который верно отмечает, что философия коншиенсизма была разработана «для идеологического оснащения Народной партии конвента в условиях, когда она стала правящей».³

¹ Шленская С.М. «Африканский социализм» Кваме Нкрумы и Джулиуса Ньерере // Гана: 60 лет независимости: Сб. статей. Институт Африки РАН, 2017. – С. 38.

² Нкрума К. Еще раз об африканском социализме // Африка. История и историки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. – Издат. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 172-179.

³ Мазов С.В. Африканский Геркулес и «колониальная гидра». Проблема колониализма в трудах Кваме Нкрумы // Африка. История и историки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. – Издат. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 161.

**О РОЛИ ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ГАНЫ К.НКРУМА**

КВАМЕ НКРУМА. БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Кваме НКРУМА – первый премьер-министр¹ и президент² Республики Гана. Идеолог panaфриканизма и национально-освободительного движения.

К.Нкрума родился в сентябре 1909 г. Пожалуй, он единственный политический лидер, чей день рождения всегда упоминается также и по дню недели (суббота). Дело в том, что всех мальчиков народа *фанти*, рождавшихся в субботу, называли Кваме (Kwame).

К.Нкрума закончил миссионерскую школу, в которой остался в качестве преподавателя. С 1930 г. – по окончании колледжа Ачимота – становится преподавателем католической школы второй ступени в Элмине. В это же время он знакомится с Ннамди Азикиве, который призывал молодых африканцев ехать на учебу в США и возвращаться для использования полученных знаний на родине. В 1935 г. Нкрума уезжает в США, где заканчивает сначала Университет Линкольна, став бакалавром экономики, социологии и богословия, а затем Пенсильванский

¹ 1957-1960 гг.

² 1960-1966 гг.

университет, где получает диплом магистра педагогики и философии. Для оплаты своей учебы Нкрума подрабатывает на верфи, мыловаренной фабрике, официантом...¹

Известный российский ученый С.В. Мазов отмечает, что философскую базу для решения «колониального вопроса в целом, а также проблемы империализма» Нкрума нашел в марксизме. В США он написал свою первую работу «Вперед, за свободу от колониализма». Нкрума считал, что наиболее полный анализ колониальной политики сделан в работе В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и доказывал, что завоевать независимость можно только путем борьбы: «Колониальные державы не могут экспроприировать самих себя. Сама мысль, что они добровольно поднесут своим колониям свободу и независимость на серебряном блюде, является верхом абсурда».²

12 июня 1949 г. К.Нкрума создал Народную партию конвента (НПК) и выдвинул лозунг: «Независимость немедленно!». Добиться поставленной цели предполагалось, реализовав программу «позитивного действия», которая предусматривала «законное применение забастовок, бойкота и несотрудничества на основе принципа полного ненасилия, каким пользовался Ганди в Индии».³ В январе 1950 г. НПК организовала крупные забастовки, но парализовать, как планировалось, всю хозяйственную жизнь страны не удалось. Нкруму и его ближайших соратников арестовали, его приговорили к трехлетнему тюремному заключению.

Вступившая в силу 1 января 1951 г. конституция Золотого Берега предусматривала проведение выборов и создание Законодательного собрания. На выборах внушительную победу одержала НПК, получив тридцать четыре места из тридцати восьми. На следующий день после победы на выборах К.Нкрума был освобожден из тюрьмы. Еще дважды (в 1954 и 1956 годах) партия НПК побеждала на всеобщих выборах.

В ночь с 6 на 7 марта 1957 г. Золотой Берег стал независимой Ганой, первым суверенным государством Тропической Африки, и К.Нкрума стал его первым премьер-министром.

В июле 1962 г. съезд НПК принял новую партийную программу, в которой строительство социалистического общества объявлялось конечной целью, а идеологической основой партии назывался нкрумаизм, основанный на «научном социализме».

С началом распада на континенте колониальной системы Нкрума выдвинул идею создания «Соединенных Штатов Африки». По инициативе Нкрумы в мае 1959 г. был создан Союз Ганы и Гвинеи как «ядро» Союза африканских государств. В 1960 г. в «ядро» вошла Республика Мали.

В 1960 г. Гана стала президентской республикой. В 1964 г. была законодательно введена однопартийная система, Нкрума был провозглашен пожизненным президентом. 24 февраля 1966 г. во время визита в Китай в Гане был совершен государственный переворот. После переворота К.Нкрума жил в столице Гвинеи Конакри, куда он приехал по приглашению Секу Туре. 27 апреля 1972 г. Кваме Нкрума умер в Бухаресте (Румыния).

(Подготовил А.Б. Мезяев)

¹ См.: История Африки в биографиях. Российский государственный гуманитарный университет. Институт всеобщей истории РАН. – М. – С. 612.

² Nkrumah Kwame. Towards Colonial Freedom. – L., 1962. – P. 16.

³ Там же. – С. 107.

ЛИДЕР НЕЗАВИСИМОЙ ГАНЫ КВАМЕ НКРУМА

Денисова Т.С.¹

Аннотация: в статье рассматриваются основные этапы жизни и деятельности первого президента независимой Республики Гана Кваме Нкрумы, анализируется его вклад в социально-экономическое и политическое развитие страны.

Ключевые слова: Гана, Кваме Нкрума, политическое лидерство, борьба за независимость, социально-экономическое и политическое развитие.

Leader of independent Ghana Kwame Nkrumah

Denisova T.S.

Abstract: The article examines the main stages of life and work of the first president of the independent Republic of Ghana, Kwame Nkrumah, and analyzes his contribution to the socio-economic and political development of the country.

Key words: Ghana, Kwame Nkrumah, political leadership, struggle for independence, socio-economic and political development.

На протяжении всей истории человечества лидерство играло большую роль в жизни отдельных индивидов и жизнедеятельности государств. Вожди, государи, политики веками вносили огромный вклад в развитие социумов. Феномен лидерства интересовал мыслителей еще в древние времена. Все философские и политические школы так или иначе изучали эту проблему. Уже в библейских сюжетах анализировались стили лидерства, влияние лидеров на своих последователей, рассматривались личностные качества, поведение в кризисных ситуациях, давались моральные и правовые оценки.

Африка как ни один другой континент страдает от «ненадлежащего руководства». По словам американского журналиста африкано-американского происхождения Дэвида Лэмба, «нигде в мире отдельные страны не отражают столь сильно характер их президентов, как в Африке. Какой становится страна, зачастую зависит исключительно от того, кто в ней президент. Приходит новый человек, и страна может начать двигаться совершенно в другом направлении»². Пока – в первые десятилетия после обретения независимости – африканские страны возглавлялись так называемыми отцами нации, вопрос о характере их лидерства вообще не ставился, хотя в одних случаях руководство сопровождалось ускорением экономического развития, а в других – приводило к экономическому спаду и обострению общественно-политической обстановки.

Как отмечал нигерийско-американский исследователь П.С. Ака, Африка переживает настолько сложные проблемы развития, что решить их могли бы только лидеры с редкими талантами – мудростью Соломона, харизмой Джона Ф.Кеннеди и храбростью Шака Зулу.³ Африканский опыт показывает, что отсталость и слабое руководство – вещи взаимосвязанные.

Примат политики над экономикой характеризует «философию» лидера, рассматривающего сохранение и упрочение национального суверенитета как путь к достижению успехов во всех остальных сферах. Эта «философия» радикально отличается от ориентации, прежде

¹ Денисова Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН.

² Lamb D. The Africans. N.Y., Vintage Books, 1984. – P. 24.

³ Aka P.C. Review Essay. Leadership in African Development // Journal of Third World Studies. – 1997. – Vol. XIV, No. 2. – P. 216.

всего, на экономическое развитие, которое зачастую сопровождается ограничением политической самостоятельности. Акцент на примат политики обычно иллюстрируется известным изречением Кваме Нкрумы – первого президента Ганы, которому посвящена данная статья и который перефразировал одну из библейских заповедей таким образом: «Ищите прежде всего царствия политического, а остальное приложится вам»¹. Под «царствием политическим» подразумевалась независимость. Известный кенийский историк Али А. Мазруи отмечает, что хотя Нкрума был отчасти прав в том, что Африка должна была добиться политического суверенитета прежде, чем к этому что-либо еще приложится, если бы он был «последовательным марксистом», он бы провозгласил иное: «Ищите прежде всего царствия экономического, а остальное приложится вам».²

История насчитывает крайне мало успешных лидеров-идеалистов. Возможно потому, что они ставят перед собой чрезвычайно сложную задачу: построить «новый Иерусалим». Идеалист стремится создать общество будущего, формирование которого требует радикальной трансформации настоящего, его миссия – создать в своем воображении новый, лучший мир и повести других по пути его построения. В отличие от прагматичного политика-реформатора идеалист озабочен не столько количественными, сколько качественными изменениями. Политический провал лидера-идеалиста обуславливается отсутствием преданности и веры в него. Политический успех зависит от появления последователей, которые должны сохранять приверженность идеалам независимо от возникающих трудностей. Если «ученики» проявляют личные политические интересы и материальную заинтересованность, миссия «идеалиста» оказывается в опасности. Если он не может сохранить преданность последователей (например, из-за падения его собственной морали), вера и лояльность становятся мнимыми, циничными. Если соратники предадут его, идеалист терпит неудачу или утрачивает харизму и силу видения.

Африканские идеалисты сталкивались с многочисленными проблемами, которые возникали, когда радикальные реформы должны были проводиться в консервативном социально-экономическом окружении. Естественно, у лидера появлялось искушение прибегнуть к принуждению в отношении исполнителей. Хотя идеалистическое правление нацелено на радикальную трансформацию общественного порядка, который может приобретать характер утопии, оно остается единоличным настолько, насколько его идеология ассоциируется с самим правителем.

Большинство африканских лидеров – реальных или мнимых идеалистов – были «марксистами» или «маоистами», призывавшими к революционным переменам и построению общества равенства и справедливости, но никто из них не реализовал свою подлинную или ложную цель. Среди причин этого – нехватка материальных ресурсов и компетентных учреждений, необходимых для построения «общества благоденствия». Другими словами, разрыв между идеологическими целями и возможностями руководства, как правило, оказывался слишком большим. Некоторые идеалисты в результате утрачивали власть, некоторые превращались в жестко авторитарных лидеров, другие, умерив свои ожидания, начинали призывать к терпению и настойчивости. Будущее, о котором они мечтали, оставалось столь же отдаленным, как и в момент их прихода к власти.

Национально-освободительные движения выдвинули на политическую арену лидеров, обладавших ореолом героя. Многие из них в колониальный период проявили себя как способные политики, создавшие антиколониальные коалиции и учитывавшие интересы различных этнических групп. Но их руководство было малоэффективным с точки зрения реальной политики. Не располагая достаточными ресурсами, националистические лидеры были не в состоянии обрести масштабную поддержку, но они могли рассуждать о светлом будущем и критиковать аморальную колониальную власть, которая стояла на пути к нему. В 1950-е годы в

¹ Существуют различные переводы этого высказывания К.Нкрумы. Данный перевод взят по: Мазов С.В. Кваме Френсис Нвиа Кофи Нкрума // История Африки в биографиях. – М.: РГГУ, 2012. – С. 616.

² Mazrui A.A. Seek Ye First the Political Kingdom // General History of Africa VIII: Africa Since 1935 (ed. A.A. Mazrui). – Berkeley (CA): University of CA Press, 1993. – P. 164.

идеи националистов можно было верить, так как независимость уже представлялась достижимой. В большинстве африканских стран независимость завоевывалась не с оружием в руках, а победой в борьбе с колониальной моралью: требовалось не изъять власть у колониальных правителей, а убедить их предоставить колонии независимость.

В постколониальной Тропической Африке появилось достаточно много лидеров-идеалистов – приверженцев (реальных или мнимых) марксистской идеологии и некапиталистического пути развития, оказавшихся неспособными к осуществлению твердого контроля над государством. Среди наиболее влиятельных лидеров-идеалистов, появившихся в эпоху антиколониальной борьбы и возглавивших независимые государства, Кваме Нкрума занимает едва ли не главное место.

Кваме Нкрума был первым президентом независимой Ганы и управлял этой страной в течение девяти лет – с 1957 по 1966 г. В конце 1950-х – начале 1960-х годов он сыграл важную роль в процессах африканской деколонизации. Идеологические воззрения Нкрумы, его видение африканского будущего стали важной частью африканской школы мысли и идейных направлений современности.

И до, и после его отстранения от власти (24 февраля 1966 г.) идейно-политическое наследие Нкрумы было предметом горячих научных дебатов. Гана как первое независимое государство Тропической Африки стала символом надежды на освобождение для колонизованных народов всего мира, а Нкрума – персонификацией этой надежды: стало популярным выражение: «Нкрума – это Африка, а Африка – это Нкрума». Даже его критики отмечали, что, по крайней мере, в определенный период времени он был самым влиятельным политическим лидером и мыслителем Черного континента. Его panafricanская идеология получила большое распространение в Африке и в мире, а его влияние на африканских политиков и политику привлекало внимание великих держав – СССР и США, в то время когда холодная война определяла политические приверженности африканских режимов. Как политический взлет, так и падение Нкрумы обусловили возникновение новых тенденций в африканской и мировой политике.

Главный вопрос, на который пытались ответить исследователи деятельности первого ганского президента: кем был Нкрума – жаждущим власти диктатором, высокомерие которого предопределило быстрый конец его режима, или революционером, строителем общества социальной справедливости, реализации целей и устремлений которого помешали силы реакции? Надо сказать, что сама постановка подобного вопроса сводит дискуссию к отрицанию заслуг Нкрумы или, напротив, к его «обожествлению». В результате отвергается право политического лидера на многогранность характера, способность делать ошибки и исправлять их, на проведение противоречивой политики, как это свойственно любому человеческому существу и политике. Кроме того, подобный подход не учитывает объективную политическую динамику.

Одни авторы напоминают о культе личности Нкрумы, его высокомерии, большом уровне концентрации власти в его руках, экономических просчетах и, соответственно, росте недовольства ганцев его правлением, повышением уровня репрессивности режима в ответ на критику и т.д.¹ Другие, несмотря на его ошибки, прославляют идеи Нкрумы, прежде всего призывы к объединению Африки. Нередко особое значение придается таким факторам, как падение мировых цен на какао – главный экспортный продукт Ганы, сопротивление других африканских лидеров нкрумовским объединительным предложениям и наличие консервативной оппозиции внутри страны, чтобы освободить его от ответственности за экономические и политические провалы.²

¹ Apter D. Ghana In Transition. – N.Y.: Atheneum, 1972; Davison B. Black Star: A View of the Life and Times of Kwame Nkrumah. – N.Y.: Praeger Publishers, 1973; Armah K. Ghana: Nkrumah's Legacy. – L., Rex Collings, 1974; Omari T.P. Kwame Nkrumah: The Anatomy of an African Dictatorship. – N.Y.: Africana Publishing Corporation, 1970.

² Bing G. Reap the Whirlwind: An Account of Nkrumah's Ghana from 1950 to 1966. – L., MacGibbon & Kee, 1968; Agyeman O. Nkrumah's Ghana and East Africa: Pan-Africanism and African Interstate Relations. – L., Toronto: Associated University Press, 1992.

Кваме Нкрума родился в сентябре 1909 г. в деревне Нкрофул в Западной области Ганы, по племенной принадлежности – нзима. Отец и мать были из одного племени, но из разных кланов: отец – из клана азона, мать – анона. По происхождению Кваме мог претендовать на троны вождей двух племен – нсаэум и дадьессо. Детство Нкрумы прошло в тихом захолустье на крайнем юго-западе британской колонии Золотой Берег.¹ Будущий президент закончил миссионерскую школу, где проучился 8 лет, крестился по обряду римско-католической церкви. Нкрума относился к религии очень серьезно, нередко прислуживал во время мессы. Он хорошо учился и по окончании школы в 17-летнем возрасте остался в ней преподавать. В 1927 г. поступил в колледж Ачимота, открывшийся неподалеку от Аккры и вскоре ставший самым престижным учебным заведением Британской Западной Африки. Помимо традиционных академических дисциплин, в колледже читался курс истории Африки; именно в Ачимоте у Нкрумы появилось «чувство национализма»².

В 1930 г. Нкрума окончил Ачимоту, работал преподавателем католической школы в Элмине, а в январе 1935 г. уехал в США, чтобы продолжить там образование. Он закончил Университет Линкольна (Пенсильвания), в котором проучился 10 лет, и получил дипломы бакалавра экономики, социологии (1939) и богословия (1942), а также магистра педагогики (1942) и философии (1943). На последних курсах обучения Нкрума начал читать лекции по философии и греческой истории. Постоянно нуждаясь в деньгах, он работал на верфи, чернорабочим на мыловаренной фабрике, официантом. Трудности закаляли его характер, он привык работать по 18 часов в сутки. При этом много читал – Канта, Гегеля, Декарта, Шопенгауэра, Ницше, Фрейда и др., установил контакты с рядом негритянских общественных деятелей.

В июне 1945 г. Нкрума переехал в Великобританию для изучения права и окончания докторской диссертации по философии, посещал Лондонскую школу экономики. Параллельно с учебной активно участвовал в политической жизни, вступил в Союз студентов Западной Африки и вскоре стал его вице-президентом. В Лондоне Кваме познакомился с известным деятелем международного коммунистического движения, одним из теоретиков panaфриканизма Джорджем Пэдмором (1903-1959), который привлек Нкруму к организации V Panaфриканского конгресса, состоявшегося в Манчестере в октябре 1945 г. На этом Конгрессе впервые был выдвинут призыв к народам колоний бороться за освобождение всеми возможными способами.

В это время в колонии Золотой Берег крупный общественный деятель Джозеф Данква создал Объединенный конвент Золотого Берега (ОКЗБ) – политическую партию, поставившую своей целью достижение независимости. Политическая деятельность Кваме была широко известна в колонии, и он получил приглашение занять пост генерального секретаря организации. Понимая, что этот шаг будет иметь огромное значение в его жизни, Нкрума некоторое время колебался, считая, что цели Конвента не совпадают с его замыслами, так как лидеры ОКЗБ были принципиальными противниками радикальных методов и хотели конституционными средствами обеспечить передачу власти в руки народа и его вождей, но, тем не менее, принял предложение. 17 ноября 1947 г. он покинул Лондон, чтобы возвратиться на родину.

Возвращение Нкрумы стало началом его блестящей политической карьеры. Он быстро превратил ОКЗБ в массовую партию, выступал на многочисленных митингах, объездил всю страну. Однако в 1948 г. произошел разрыв Нкрумы с ОКЗБ. В 1949 г. он основал Народную партию конвента (НПК) и выдвинул лозунг: «Независимость немедленно!». Добиться поставленной цели предполагалось путем реализации программы «позитивного действия», которая предусматривала «законное применение забастовок, бойкота и несотрудничества на основе принципа полного ненасилия, каким пользовался Ганди в Индии».³

В 1948-м и в 1950-1951 гг. Нкрума арестовывался за организацию забастовок и демонстраций. В 1951 г. состоялись первые выборы в Законодательное собрание, которые принесли

¹ Мазов С.В. Кваме Френсис Нвиа Кофи Нкрума // История Африки в биографиях. – М.: РГГУ, 2012. – С. 612.

² Кваме Нкрума. Автобиография. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961. – С. 21.

³ Там же. – С. 107.

победу НПК. На следующий день после выборов, 9 февраля 1951 г., Нкрума был освобожден из тюрьмы. Толпа донесла его до машины на руках. В 1954 и 1956 гг. НПК выигрывала всеобщие выборы в условиях жесткой конкуренции. 6 марта 1957 г. Золотой Берег стал независимой Ганой, а Нкрума – ее первым премьер-министром. 1 июля 1960 г. Гана стала республикой, а Нкрума – ее президентом.

Если во время борьбы за независимость Нкрума придерживался, как уже было сказано, тактики воинственного, но ненасильственного «позитивного действия», то по мере приближения независимости он становился все более умеренным в своих взглядах, так как хотя ликвидация колониального правления была неминуемой, характер будущей политической системы к тому времени еще не обрел для ганского лидера конкретных очертаний. Автобиография (на английском языке) Нкрумы была издана в 1957 г., но никаких сколько-нибудь четко артикулированных идей по поводу независимого развития в ней не содержалось, кроме размытых упоминаний «африканской личности», panaфриканизма и социализма. Более четкое оформление эти идеи получили в опубликованной четырьмя годами позже книге «Я говорю о свободе» (вышла на русском языке в 1964 г.).¹

В 1957 г. Гана не оказалась в политическом и экономическом вакууме. В стране все еще оставалось множество иностранных промышленных предприятий, специалистов и даже чиновников правительственной администрации. Представители ганской политической элиты, которые, как и Нкрума, в основном получили образование в США или Великобритании, сохранили тесные личные и политические контакты с американцами и англичанами. Хотя среди представителей новой политической элиты было мало согласия по какому-либо вопросу, кроме вопроса о государственном суверенитете, массы должны были представляться лидерами, действовавшими от их имени и в их интересах, ни у кого не вызывало сомнения. Этот принцип политического управления нашел свое отражение в том, что мнение простых ганцев редко учитывалось при принятии важных политических решений.

Интересно, что это относилось и к самому Нкруме, который в колониальный период претендовал на понимание проблем населения, а в постколониальный – полностью игнорировал, по выражению индийского историка Ранаджита Гухи, «граждан страны как субъектов их собственной истории».² Отчасти именно этим объяснялся резкий переход от широкой народной поддержки Нкрумы и НПК в 1950-е годы к не менее широкому недовольству его режимом в середине 1960-х годов. Политика НПК в целом противоречила интересам крестьян, промышленных рабочих и торговцев; при осуществлении амбициозных проектов не учитывались их интересы, хотя сам лидер утверждал, что действовал от их имени.

Безусловно, деятельность Нкрумы была ориентирована на «развитие», которое сам он понимал как преодоление отсталости в сфере образования, в сельском хозяйстве и промышленности. В целях модернизации нужно было строить дороги, создавать инфраструктурные объекты, и этот процесс требовал привлечения иностранного капитала, но осуществления посредством тщательного планирования и государственного контроля над экономической деятельностью. В годы правления Нкрумы были приняты две разных программы развития, различия в которых отражают новые тенденции и сдвиги в нкрумовской политике.

Первая постколониальная программа – Пятилетний план развития, реализация которого началась в 1957 г. и продолжалась по 1961 г. Вторая программа – Семилетний план развития – осуществлялась до свержения Нкрумы в 1966 г. Планы различались в акцентах, но в целом соответствовали принципам, сформированным двумя нкрумовскими британскими экономическими советниками – Артуром Льюисом и Робертом Джексонсом. Эти два человека убедили Нкруму в необходимости привлекать иностранные инвестиции в целях промышленного развития страны. Их идеи включали африканизацию управленческого аппарата иностранных

¹ Нкрума К. Я говорю о свободе. – М., 1964.

² Guha R. The Prose of Counter Insurgency // Selected Subaltern Studies. – N.Y., 1988. – P. 77.

компаний, преимущественное развитие экспортных отраслей, сотрудничество с иностранными предпринимателями и контроль над ценами.¹

Пятилетний план предполагал создание основ для ускоренной индустриализации. Большие средства были вложены в развитие инфраструктуры и систем связи, строительство дорог, мостов, аэропортов, морских портов. Развитие сельского хозяйства было особенно важным, поскольку государство зависело от экспорта какао и других культур – каучука и бананов. Сдвиг в сторону от выращивания сельскохозяйственных культур, предназначенных для питания населения, обусловил рост объема экспортной продукции, но попытки создания производственных кооперативов оказались неудачными. В тот же период наблюдалось бурное развитие системы образования и жилищного строительства. Одновременно осуществлялись амбициозные проекты расширения министерства иностранных дел, создания международного центра для проведения конференций, началось возведение плотины на р. Вольта. Эти проекты продемонстрировали желание Нкрумы повысить авторитет Ганы на международной арене, несмотря на ограниченные ресурсы.

Амбициозные цели Пятилетнего плана были достигнуты с точки зрения роста производства какао, которое давало 60% экспортных доходов, и создания масштабной инфраструктуры. Однако выход за пределы выделенных на реализацию проектов средств и отсутствие ожидавшегося объема иностранных инвестиций привели к росту внешнего долга и инфляции. В свою очередь, падение на мировых рынках цен на какао – считалось, что это был ответ международных монополий на социалистическую риторику Нкрумы,² – заставило ганского лидера пересмотреть стратегии развития. В Семилетнем плане акцент был перемещен с инфраструктуры на промышленность. Причем предполагалось развитие не только импортозамещающих отраслей и расширение добычи экспортных полезных ископаемых, но и создание предприятий тяжелой промышленности для производства конечных продуктов, в том числе на экспорт. В то же время огромные средства (около 15 млн. фунтов) были потрачены на строительство еще одного «дворца съездов», который должен был «поразить своим величием глав других африканских государств и иностранных посетителей».³ Однако опять в реализации плана главную роль должны были сыграть частные иностранные инвестиции.

Проект, который в наибольшей степени занимал мысли Нкрумы, – строительство дамбы на р. Вольта – должен был обеспечить достаточные объемы электроэнергии, чтобы позволить Гане заняться переработкой бокситов и производством алюминия на экспорт. Проект был реализован с помощью США в январе 1966 г. Однако бокситоперерабатывающий завод так и не был построен, т.е. главные цели проекта были принесены в жертву самому символу «развития», который получил большой отклик на международной арене, но мало повлиял на повседневную жизнь ганцев. Впрочем, он послужил удовлетворению международных амбиций Нкрумы, который на открытии плотины заявил: «...Этот проект осуществлялся не только в интересах Ганы. Действительно, я уже предлагал разделить наши энергоресурсы с другими африканскими государствами».⁴ То есть нкрумовские инициативы развития осуществлялись в panaфриканском контексте, в котором ганский лидер предпочитал мыслить и действовать.

Ко времени введения дамбы в эксплуатацию Семилетний план застопорился. В феврале 1966 г. Нкрума отказался от кредита МВФ из-за жестких условий его предоставления, а двумя днями позже он был свергнут.

В обоих планах почти полностью отсутствовали идеи экономического развития в его социалистическом, сфокусированном на государстве, варианте. Национализация, общественная собственность, производственные кооперативы почти не упоминались. Более того, Нкруме была свойственна четкая установка на получение внешней помощи: без поддержки развитых

¹ Asamoah A. Socio-Economic Development Strategies of Independent African Countries: the Ghanaian Experience. – Accra: Ghana University Press, 1996.

² Ibid. – P. 63-64.

³ Boahen A. Ghana: Evolution and Change in the Nineteenth and Twentieth Centuries. L., Longman, 1975. – P. 215.

⁴ Armah K. Ghana: Nkrumah's Legacy. – L.: Rex Collings, 1974. – P. 71.

государств африканские страны не могли стать «современными» нациями, и Нкрума сделал свой выбор между Западом и Востоком в пользу первого.

В 1957 г. Гана вышла на мировую политическую арену, и Нкрума сразу оказался в центре дипломатической борьбы между Западным и Восточным блоками. Обе стороны искали союзников в Третьем мире, который в основном состоял из недавно освободившихся государств, ставших зонами жесткого геополитического соперничества. Стремление африканских лидеров получить иностранную помощь было их главной политической стратегией, которую великие державы использовали, раскалывая мир на две части. Но Гана занимала уникальное положение: с одной стороны – как символ возможности освобождения для чернокожего населения всего мира; с другой – как авангардная сила в формировании африканской внешней политики в целом. И Запад, и Восток приветствовали новую Гану под руководством Нкрумы.

Между тем, разногласия между Западным и Восточным «блоками» и «политика сдерживания» в годы холодной войны превратили Гану и Третий мир в места для интервенции и геополитической экспансии. Поэтому важным для Ганы стало участие в Движении неприсоединения, которое пыталось привлечь ее в свои ряды в первые же годы после обретения независимости. Идеологическая война между социализмом и капитализмом, с одной стороны, и исконной африканской культурой – с другой, часто рассматривалась как столкновение мировоззрений. Но столкновение мировоззрений не объясняет, почему на привлечение в свой лагерь таких небольших стран, как Гана, были использованы столь огромные средства, и неадекватно квалифицирует противоречивые политические решения их лидеров как бессознательное движение вперед и назад.

Скорее, Гана оказалась на пересечении разных путей модернизации – высокого уровня технологического развития (США) и выстраивания общества социальной справедливости (СССР). Хотя эти два типа развития могут противоречить друг другу, в целом это, по выражению индийского лидера Дж. Неру, «ветви одного дерева».¹

В годы правления Нкрумы и Запад, и Восток представляли одинаково жизнеспособные системы развития, из которых можно было выбирать. Движение неприсоединения олицетворяло третий курс действий, способствовавший расколу между двумя властными блоками, сталкивая один с другим и предлагая тактику, удобную для недавно освободившихся стран, опасавшихся, что присоединение к одному блоку ограничит их суверенитет.

Это обоснование афро-азиатского неприсоединения получило признание на Бандунгской конференции 1955 г. Главной задачей конференции, организованной Неру и президентом Индонезии Сукарно, было выражение афро-азиатской солидарности в вопросах «мира во всем мире», антиколониализма и неприсоединения к военно-политическим блокам. Было провозглашено начало так называемой Бандунгской эры – борьбы с империализмом, в которой Нкрума намеревался сыграть важную роль. Бандунг стал поворотной точкой в мировом развитии, положившей начало новому этапу формирования афро-азиатских обществ, основанному на расширении неприсоединившегося пространства в рамках двуполярного мира. Движение неприсоединения было официально оформлено на Белградской конференции в сентябре 1961 г.

Между тем, Нкрума не считал цели неприсоединения жизнеспособными. Его позиции были намного ближе к Западу, чем, например, у Неру. Учеба в Великобритании и США, близкое знакомство с западными лидерами, в том числе с Джоном Кеннеди, заметно повлияли на его политическое мышление. Переговоры в 1950-е годы с колониальными властями по вопросам предоставления Гане независимости предопределили формирование тесных контактов с метрополией, которые не исчезли в постколониальный период, несмотря на опасения Нкрумы, связанные с появлением неоколониализма, пришедшего на смену колониализму. Как уже указывалось, в формировании экономической политики Нкрума опирался на англичан Льюиса и Джексона и регулярно прибегал к помощи западных экспертов при определении финансовой политики страны. Безусловно, обращение к западным специалистам свидетельствовало

¹ Chatterjee P. *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse*. – Minneapolis: Minnesota University Press, 1986. – P. 158.

о серьезном отношении Нкрумы к вопросам развития: не имевший экономического образования и окруженный преимущественно соратниками – общественными активистами, он понимал, что принятие ими решений в экономической сфере повлечет за собой многочисленные ошибки. Да и неинтересно Нкруме было заниматься экономикой, поэтому и экономические проекты при нем имели амбициозно-политический характер. Однако движение в сторону Запада в первые годы правления Нкрумы было очевидным.

Больше, чем к неприсоединению, Нкрума стремился к невовлечению в битвы холодной войны. Краеугольным камнем внешней политики Ганы стал «позитивный нейтралитет» – лавирование между Восточным и Западным блоками для отстаивания национальных интересов страны. Эта стратегия позволяла ему менять свои ориентации от Запада к Востоку и обратно без участия в конфликтах холодной войны и присоединяясь в разных вопросах то к одному блоку, то к другому. Подобное поведение, безусловно, смущало, если не вызывало открытое недовольство и США, и СССР. Он использовал идеологические рычаги, разыгрывая приверженность то социалистической, то капиталистической модели развития, таким образом получая – от обеих сторон – значительные объемы помощи, необходимой для реализации его планов развития. Несмотря на вынашивание идеи «панафриканского социализма», на самом деле с самого начала его правления прозападные симпатии Нкрумы проявлялись довольно отчетливо.

Как проекты развития, так и многочисленные международные конференции, нацеленные на объединение Африки, которые Нкрума так любил проводить, финансировались Западом. Его выдающаяся роль на международной арене была в значительной степени основана на способности сделать Аккру центром панафриканизма благодаря проведению в 1957 г. Конференции независимых африканских государств, в 1958-м – I Конференции народов Африки, в 1960-м – Конференции позитивного действия, на которой присутствовали известные африканские политические и идеологические лидеры – Патрис Лумумба, Секу Туре, Франц Фанон и др., то есть, как бы странно это ни звучало, но именно финансовая помощь со стороны Запада позволила Нкруме завоевать авторитет в Африке и во всем мире.

В 1960 г., во время конголезского кризиса, поддержка (хотя и нечетко артикулированная) Нкрумой Патриса Лумумбы скомпрометировала его практику неприсоединения в глазах Запада. Разрыв с США был усилен двухмесячным визитом в Восточную Европу и СССР летом 1961 г. По возвращении, в 1962 г., он заявил о своей приверженности «научному социализму». Эта трансформация политического мышления совпала с принятием Семилетнего плана и обусловила многие его положения. Интересно, что новое мышление не отвратило Нкруму от твердой веры в то, что финансирование плана может быть получено лишь из западных источников. США, теперь относившиеся к ганскому лидеру с подозрением, все-таки согласились профинансировать строительство дамбы, что предопределило очередной сдвиг Нкрумы в сторону Запада. Однако вскоре, в том же 1962 г., на Нкруму была осуществлена попытка покушения в маленьком городке Кулунгуру, и он заподозрил в ее подготовке ЦРУ, что предопределило последний сдвиг в сторону Востока. Теперь Нкрума рассчитывал лишь на советскую поддержку его грандиозных планов. Однако материальная помощь СССР была незначительной, и это привело к провалу реализации многих проектов и утрате Нкрумой значительной части контроля над ганской экономикой.

Хотя метания Нкрумы между США и Восточным блоком могут восприниматься как свидетельство его способностей к политическому манипулированию или, напротив, отсутствия твердых политических взглядов, они, несомненно, показывают его нежелание становиться марионеткой тех или иных сил. При тщательном исследовании внешней политики Нкрумы становится ясно, что он пытался использовать противостояние холодной войны, чтобы создать своего рода афроцентристскую идеологию. Его разрыв с Западом не повлек за собой полное принятие советской идеологии. Нкрума пытался стать посредником между двумя системами, в то же время создавая для Африки ее собственную нишу.

Манипулирование ганским лидером различными идеологиями и направлениями развития сочеталось с твердой приверженностью панафриканизму: «Свобода и независимость Ганы ничего не значат, пока это не связано с полным освобождением всей Африки».¹ Дипломатия ганского лидера может быть понята только в контексте объединения континента. Он вынашивал идею «уникальной африканской идентичности» и предлагал пути формирования этой новой исторической общности. Он считал, что африканцы благодаря их тройному наследию – происхождению, эгалитарным традициям, влиянию ислама и христианства – имеют собственную судьбу, отличную от судеб других народов мира. Общность исторической траектории развития народов континента он считал мощной основой для его объединения. Нкрума призывал к созданию общего правительства с координированными экономической и военно-политической стратегиями. Эта установка находилась в прямом противоречии с доминировавшей в те годы в Африке тенденцией к укреплению национальных суверенитетов и разделению государств континента по идейно-политическому принципу и принципу сохранения тесных связей с бывшими метрополиями.

Нкрума не был одинок в продвижении идей панафриканизма, но пути унификации, предлагавшиеся разными лидерами, были различны и даже противоречивы. Для Нкрумы объединение Африки, как в свое время ганская деколонизация, было краткосрочной целью. Стремление к быстрому объединению проявилось в провалившихся попытках создания союза сначала с Гвинеей, а затем с Мали. Для других лидеров, например, Дж. Ньерере, объединение было длительным процессом. Ньерере отстаивал идею временных союзов типа Восточноафриканской федерации, которые Нкрума считал «разделяющими и регионалистскими».

Некоторые лидеры стремились к созданию формальных организаций, а не политических союзов. В результате появились две многонациональные коалиции – более консервативная так называемая Монровийская группа, лидирующие роли в которой сыграли Нигерия и Либерия, и более радикальная «просоциалистическая» Касабланкская группировка, включившая Гану, Гвинею и Мали и ставшая основой для создания Организации африканского единства (ОАЕ).

Можно сказать, что Нкрума ставил идеи панафриканизма выше забот о развитии его государства, в любом случае выше, чем все остальные африканские лидеры его поколения. Видимо, Нкруму не устраивали размеры Ганы, его амбиции шли далеко за пределы этой небольшой страны, он рассматривал всю Африку как политическую площадку, на которой собирался сыграть свою роль. Такая переоценка собственных сил и привела в конечном итоге к падению его режима.

Нкрума принес национализм в жертву панафриканизму, и это заметно отличало его и от современников, и от преемников. Хотя панафриканское движение в то время получило широкое распространение на нескольких континентах, Нкрума все еще оставался в одиночестве как мировой лидер, который защищал – в теории и на практике – новые политические концепции, отличные от схемы «нация – государство». В этом смысле он предвосхитил современное понимание глобализации, которое широко распространилось в последующие десятилетия. Идея наднациональности Нкрумы не имела поддержки ни у национальных элит, ни у широких масс африканцев.

Поводом к объединению Нкрума считал и наличие искусственных государственных границ, проведенных в колониальный период, в результате чего представители многих этнических групп оказались гражданами разных стран, и, главное для Нкрумы, территории получили неравные природные ресурсы. Ганский лидер неоднократно утверждал, что ганские ресурсы должны были служить освобождению всей Африки и ее объединению. Дамба на р. Вольта строилась не только для ускорения индустриализации Ганы, но в целях электрификации всей Западной Африки. В сфере образования, ставя акцент на обучении большей части населения, Нкрума, прежде всего, имел целью формирование образованной панафриканской элиты. Ганскую промышленность он развивал как сферу приложения африканского капитала. В этом смысле акцент на инфраструктуру в Пятилетнем плане был призван дать надежду всему кон-

¹ Нкрума К. Я говорю о свободе. – М., 1964.

тиненту на «современное» развитие. Строительство центров для проведения международных форумов, расширение аэропортов, удлинение транснациональных магистралей демонстрировали «континентальный» взгляд Нкрумы на проблемы развития.

Сформированные Нкрумой дипломатические отношения также отражают его преданность сверхнациональной идеологии. Отчасти это вело к формированию нереалистичной внешней политики. Нкрума пытался разрушить превалировавшую модель международных отношений, которая концентрировалась исключительно на национальных интересах. Именно поэтому его призыв к немедленному созданию правительства единой Африки угрожал позициям других национальных лидеров и вызывал отрицательную реакцию Запада. Сама идея расширения политического сообщества за пределы нации противоречила устоявшимся схемам международной политики. Так как формирование сверхнациональной идеологии Нкрумы по времени совпало с «революционным» подъемом в Африке, она стала феноменом, появление которого прощалось великими державами, хотя и приводило к сокращению помощи.

Хотя падение режима Нкрумы было отчасти результатом разрыва с США, переворот 1966 г. явился также следствием поражения его сверхнациональной идеологии. Нкрума искал союзников за пределами ганских границ, но не нашел. Хотя его идеология долго будоражила умы политиков и ученых, она так и не стала стержнем, вокруг которого могли бы объединиться массы африканцев. Возможно, потому что его идеи были абстрактными и имели мало общего с повседневными нуждами населения. Его проекты развития были нацелены не на нужды ганцев, а на повышение уровня развития всей Африки. Гана для него была частью африканского сообщества, а не государством, о гражданах которого он должен был заботиться в первую очередь.

Идеология Нкрумы имела внутреннее разрушительное противоречие, что отчасти и привело к его свержению, но panaфриканизм стал одной из отправных точек глобализации. Идеи глобализации, безусловно, посещали умы мировых лидеров и задолго до Нкрумы, но они существовали в основном как мечты. Нкрума же пытался связать идеи глобализации с практикой, но не смог убедить африканских лидеров в преимуществах континентального единства над национальным суверенитетом.

Тем не менее, достижение африканского единства стало краеугольным камнем внешней политики Ганы при Нкруме. Вместо раннего националистического лозунга «Независимость и самоуправление сейчас!» появился другой – «Объединенное правительство сейчас!». Нкрума говорил и писал о создании «Соединенных штатов Африки» так, как если бы существовала не только возможность, но и необходимость этого: «Необходимость такой стабилизирующей силы в этом мире должна рассматриваться ... не только как мечта, но как практическое предложение, которое африканцы могут и должны превратить в реальность... Мы должны действовать сейчас. Завтра может быть поздно».¹

Несмотря на огромные нкрумовские инвестиции в ганскую дипломатию, к 1962 г. он стал единственным известным сторонником создания в Африке союзного правительства. Утопические идеи Нкрумы были озвучены в мае 1963 г. на конференции африканских лидеров, на которой была создана ОАЕ: он предложил независимым африканским государствам – «здесь и сейчас» – согласиться на основание нового, расширенного Союза африканских государств и Союзного правительства Африки. Но Нкрума оказался в одиночестве. В Аддис-Абебе была принята Хартия Организации африканского единства, которая подчеркивала суверенитет отдельных членов и принципы невмешательства в вопросы территориальной интеграции существующих государств, т.е. реальная политика возобладала над утопией.

Нкрума был свергнут военными 24 февраля 1966 г., пока находился с визитом в Пекине. Он умер в ссылке в Гвинее в 1972 г. Его режим прекратил свое существование, не оставив ни «социалистического наследия», ни эффективной экономики. Первые правительства-преемники, военные и гражданские, также были не способны оздоровить народное хозяйство, столкнувшись с множеством проблем. Если в 1950-е годы Запад рассматривал нкрумовскую Гану

¹ Legum C. Pan Africanism: A Short Political Guide. – N.Y.: Praeger, 1962. – P. 57.

как «новую Африку» и был готов предложить ей самые разные виды поддержки, то в 1970-е годы страна вынуждена была соперничать за получение западной помощи со многими африканскими государствами, имевшими лучшие экономические перспективы.

Интересно, что Нкрума вспоминается не столько за то, что он сделал, сколько за то, к чему он стремился: в большей степени, чем другие лидеры его эпохи, он персонифицировал надежду африканцев на построение лучшего общества. Правление Нкрумы, по крайней мере на первых порах, опиралось на массовую поддержку и отличалось инспирирующей риторикой и виртуозным политическим маневрированием. Неэффективность «ганского мечтателя» в сфере экономики обуславливалась отсутствием у него практических навыков управления, да и нежеланием заниматься приземленными повседневными вопросами. Несмотря на многочисленные ошибки и провалы его правления, Нкрума остается одним из самых удивительных и уважаемых политических лидеров не только в Африке, но и во всем мире. Обладая организационными навыками и способностями к манипулированию, пониманием человеческой природы и мотиваций, Нкрума умело использовал разнообразные религиозные и политико-идеологические приемы. Например, в своей «Автобиографии» он писал, что является христианским социалистом и марксистом и не находит какого-либо противоречия между этими понятиями.

Достижения националистов в колониальный период имели сильный моральный компонент, выражавшийся в победе принципов национального самоопределения и расового равенства над колониальной опекой и патернализмом. Причем нигде обретение независимости не стало столь большой моральной победой, а потому и символическим событием мирового масштаба, как в Гане. Небольшая британская колония обрела международный авторитет, а Нкрума превратился из малоизвестного антиколониального агитатора в лидера мирового масштаба. Безусловно, победа была достижением не одного Нкрумы. Но нельзя недооценивать степень, в которой его упорство в достижении цели оправдывало то положение, которое он занял в постколониальный период. По сути, он стал символом африканской свободы, а он понимал важное значение символов для политики и потому принял титул «Осаджиефо» («Спаситель»).

Для миллионов людей, проживавших на континенте и за его пределами, в первые постколониальные годы Нкрума олицетворял Африку. Когда задавался вопрос: «Что будет с Африкой дальше?», все ждали ответа именно от него.

Однако в постколониальный период обозначился резкий контраст между моральными символами и политической реальностью, между идеалами преданности и жертвенности ради общей пользы и политическими реалиями, между моральными принципами и жадной наживы. Началось острое соперничество за государственные посты и экономические возможности.

По мере того как экономическая неэффективность правительства становилась все более заметной, и в рядах элиты, и среди масс начали проявляться неудовлетворенность и недовольство. С этой проблемой сталкивались все африканские лидеры, вынужденные сдерживать аппетиты своего окружения и не позволять жадности подрывать власть правителя. Некоторые лидеры, например, Джомо Кениата (Кения), добивались этого, осуществляя контроль над распределением политических привилегий и используя его для упрочения собственной власти. Другие, как Уфуэ-Буаньи (Кот-д'Ивуар), достигали этого путем сдерживания требований в политической и бюрократической сферах, предоставляя привилегии в экономической области, т.е. вместо постов – возможности открытия бизнеса. Но идеалист, как Нкрума, не мог ограничиваться такими мерами, даже если был способен реализовать их. Он должен ставить моральные цели: повышение дисциплины, сохранение преданности «идеям революции» и готовность принести себя ради них в жертву. Когда нкрумовские соратники утратили веру в идеалы борьбы за африканскую независимость и стали проявлять больше интереса к реальной политике, власть Нкрумы оказалось подорванной.

Провал панафриканских идей Нкрумы побудил его обратить большее внимание на другую задачу, которая теперь выдвинулась на передний план: построение в Гане социализма. Нкрума полагал, что капитализм – слишком комплексная система для новой независимой на-

ции. Отсюда, по его мнению, и возникла необходимость формирования социалистического общества. Однако Нкрума недооценивал масштаб тех усилий, которые потребовались бы для реорганизации правительства и реализации государственных планов и реформ в целях построения социализма.

Более того, Нкрума недооценивал возможности конкретно своего правительства: составлялись амбициозные планы, намечались реформы и предпринимались шаги, многие из которых могли привести к развалу экономики. Существенная часть этой нерациональной политики, несомненно, объяснялась стремлением представителей правящей группы к получению политических дивидендов, что вылилось в раздувание бюрократии ради получения должностей. При этом многие новые правительственные чиновники были неопытными и некомпетентными и имели смутное представление о своих обязанностях. Сам Нкрума отмечал, что под давлением влиятельных семей и вождей племен он был вынужден наделить властью лиц, которые были хорошо известны в своих общинах. Это оказалось одной из самых серьезных проблем, с которой столкнулся Нкрума, нуждавшийся в эффективном и лояльном правительстве для реализации его социалистических идей. В нкрумовской Гане отчетливо проявились тенденции к росту бюджетных расходов на нужды администрации и снижению капитальных затрат.

Правительству Нкрумы пришлось управлять зависимой монокультурной (производство какао) экономикой, располагая малокомпетентным и ненадежным административным аппаратом. Ясно, что такая экономика, простая по структуре, подверженная влиянию внешних факторов и хрупкая перед переменчивостью природы, отличается нестабильностью. Непредсказуемость экономических показателей обусловлена тем, что производство может расти или переживать спад, цены на мировом рынке – идти вверх или вниз, доходы и курс валюты – колебаться, влияя на будущие инвестиции и объем бюджетных ассигнований. С 1957 по 1963 гг. годовые колебания в доходах от экспорта достигали 28%.¹ Из-за этого затруднялось проведение надежной и умеренно гибкой фискальной политики.

Но даже при наличии разумной экономической политики все еще оставались бы проблемы ее практической реализации и приверженности ей руководства. Однако Нкрума не проявил необходимой твердости при осуществлении контроля над выполнением решений правительства. Исследуя деятельность государственных учреждений Ганы в годы правления Нкрумы, Р.Прайс обнаружил заметные противоречия между официальными требованиями к бюрократии и результатами ее действий: оказалось, что госслужащие были почти полностью неспособны реализовывать государственную политику.²

Другой политический институт – правящая НПК – также был неэффективен. Нкрума никогда не имел полного контроля над партией (и даже министрами правительства, попадавшими под влияние «партийных баронов»), поэтому НПК не могла служить организационным расширением его власти. Кроме того, сама по себе структура любой политической партии, не только НПК, не соответствовала особенностям лидерства Нкрумы, который ставил личную лояльность членов выше компетентного, дисциплинированного партийного органа. Опасаясь заговора, Нкрума тратил много времени и сил на манипулирование представителями ближайшего окружения. Партия же в целом оставалась коалицией непредсказуемых и зачастую оппортунистически настроенных «соратников при ясной погоде», т.е. в стабильной и благополучной обстановке. В любом случае, НПК не была организацией, с опорой на которую можно было бы строить социалистическое государство: не может идеология одного человека или группы людей быть навязана целой нации без применения насилия и других технологий получения согласия. В нкрумовском окружении было недостаточно кадров, необходимых для реализации его цели, а те, что были, оставались ненадежными и боролись между собой за власть. Построение социализма требовало массовой поддержки, а у Нкрумы не было никого, кроме тех, кто получал выгоду от существования его режима.

¹ Killick T. The possibilities of Economic Control // A Study of Contemporary Ghana. – Vol. 1. The Economy of Ghana. – L.: George Allen&Unwin, 1966. – P. 420.

² Price R.M. Society and Bureaucracy in Contemporary Ghana. – Berkeley: University of California Press, 1975.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ НКРУМАИЗМА

Мартышин О.В.¹

В канун 60-летия независимости Республики Гана следует особо отметить роль первого президента страны Кваме Нкрумы. Этому политическому лидеру принадлежит почетное место не только в истории Ганы, но и в новейшей истории Африки.

Один из ведущих и лучших представителей послевоенного этапа panaфриканского движения, когда оно перешло к непосредственной организации национально-освободительной борьбы на континенте, Нкрума возглавил массовое движение за независимость в британской колонии Золотой берег. Под его руководством это движение восторжествовало и было основано независимое государство – Гана.

Как глава государства и правящей партии Республики Гана, пользовавшейся большим авторитетом в «третьем мире», К.Нкрума был одним из творцов внешней и внутренней политики молодых государств. Его всегда отличал последовательный антиимпериализм. Нкрума уделял большое внимание поддержке национально-освободительных движений и сплочению африканских государств на антиимпериалистической основе. Для него характерны неустанное стремление к новым горизонтам, смелые поиски новых путей прогресса. Руководимая им Республика Гана выступила одним из пионеров национальной демократии и некапиталистического развития в Африке, и накопленный ею на этом пути опыт чрезвычайно поучителен.

К.Нкрума был не только государственным и политическим деятелем, но и человеком, стремящимся к философскому осмыслению тех событий, активным участником которых он

¹ *Орест Владимирович Мартышин* – доктор юридических наук, профессор Московской государственной юридической академии.

являлся. Ему был чужд прагматический подход к теории, свойственный ряду африканских лидеров. Для Нкрумы теория была средством познания действительности, научным поиском, совершенно необходимым для выработки правильного политического курса. К.Нкрума принадлежит к лидерам национально-освободительного движения, осознавшим марксистский тезис о том, что без революционной теории не может быть и революционного движения.

«Автобиография» Нкрумы (1957 г.) и сборник выступлений «Я говорю о свободе» (1961 г.) стали летописью освободительной борьбы народа Ганы и первых лет независимости Республики Гана. Переход в начале 60-х годов на путь некапиталистического развития ознаменовался разработкой так называемой теории нкрумаизма, получившей в тот период наиболее законченное воплощение в книге «Философия сознательности» (1964 г.).

Понимая, что самое существо некапиталистического пути развития составляет решительная борьба с империализмом, в том числе и в сфере экономики, К.Нкрума издал в 1965 г. книгу «Неоколониализм. Последняя стадия империализма», содержащую подробный анализ современных неоколониалистских методов эксплуатации, в первую очередь экономических.

Эволюция взглядов К.Нкрумы в период его пребывания у власти принадлежит к числу сравнительно изученных проблем истории новейшей политической мысли африканских стран. Ей уделялось немалое внимание и в марксистской, в частности советской, литературе. Оценки взглядов К. Нкрумы можно найти в таких работах, как «Африка. Путь будущего развития» Джека Уоддиса (М., 1964), «Социалистические идеи в Африке» Идриса Кокса, «Становление новой Ганы» выдающегося советского африканиста И.И. Потехина (М., 1965), «Гана» Л.Александровской (М., 1965), «Некапиталистический путь развития стран Африки» (М., 1967), в статьях К.С. Кремень, Л.Н. Лебединской. Позднейшей эволюции идей К.Нкрумы исследователи еще не уделили должного внимания. Между тем, она представляет серьезный интерес и как последний этап исканий выдающегося политического деятеля и мыслителя, и как проявление определенных тенденций национальной демократии в целом. Этому этапу и посвящена настоящая статья.

Реакционный переворот в феврале 1966 г. положил конец деятельности К.Нкрумы как главы партии и государства. Некапиталистическое развитие Ганы было прервано. Нкрума очутился в эмиграции, но и в таких условиях бывший президент Республики Гана продолжал активно участвовать в африканском освободительном, антиимпериалистическом движении, ставя на службу ему свой многолетний практический опыт и плоды раздумий над судьбами Африки и всего современного мира. В последние годы жизни в разносторонней деятельности К.Нкрумы теоретический аспект приобрел особое значение. После 1966 г. им опубликованы книги: «Голос из Конакри» (1967 г.), «Вызов Конго (1967 г.)», «Черные дни Ганы» (1968 г.), «Руководство по ведению революционной войны» (1969 г.), «Классовая борьба в Африке» (1970 г.). В качестве пособия, дающего представление об идейном содержании нкрумаизма, в 1967 г. была книга К.Нкрумы «Революционный путь» – хрестоматия из выступлений и публикаций за 30 лет, в подготовке которой принял участие автор.

Последние книги К.Нкрумы посвящены разным вопросам. «Голос из Конакри» (сборник речей К.Нкрумы, передававшихся по радио Конакри) и «Черные дни Ганы» содержат оценку государственного переворота 1966 г. и призыв к народу Ганы подняться на борьбу с реакционными властями. «Вызов Конго» – документированный анализ трагических лет борьбы конголезского народа за независимость с широким использованием переписки президента Ганы с государственными и политическими деятелями Конго (Киншаса) и других стран. «Руководство по ведению революционной войны» и «Классовая борьба в Африке» представляют собой наиболее всеобъемлющее изложение проблем современной Африки в контексте мировых явлений и стратегии национально-освободительного движения. Книги К.Нкрумы, особенно две последние, – чрезвычайно интересная попытка решения самых острых социально-политических вопросов сегодняшней Африки. Они заслуживают глубокого изучения и вызовут немало споров как среди участников национально-освободительного движения, так и среди африканистов.

Для последних работ К.Нкрумы прежде всего характерно дальнейшее развитие теоретической базы нкрумаизма – одного из ярких выражений идеологии национальной демократии. Последовательное хронологическое сопоставление сочинений К.Нкрумы убеждает, что он всегда сознавал необходимость постоянной эволюции теории национальной демократии, углубления ее социалистических тенденций, уточнения ее классовой основы. Уже «Философия сознательности», по существу, провозгласила объективную необходимость такого рода эволюции, выдвинув мысль о постоянных изменениях в составе «позитивного действия» в ходе революционного процесса.

С точки зрения теоретико-методологической, с точки зрения идейных основ подхода к анализу действительности К.Нкрума сделал в своих последних книгах еще один шаг к сближению национальной демократии с научным социализмом.

Нкрума заявил, что «существует только один подлинный социализм – это научный социализм, принципы которого постоянны и универсальны». Понимание научного социализма у К.Нкрумы все еще не тождественно марксистскому, хотя по ряду вопросов существенно приближается к нему. «Социализм – писал К.Нкрума, – означает следующее:

1) общественная собственность на средства производства, распределения и обмена; производство для удовлетворения потребностей, а не для прибыли;

2) государственное планирование производства; производство, основанное на современной индустрии и сельском хозяйстве;

3) политическая власть принадлежит народу, причем рабочие как целое располагают необходимым правительственным аппаратом для выражения своих нужд и устремлений; эта идея отвечает гуманистическому и эгалитаристскому духу, который характеризовал традиционное африканское общество, хотя она должна быть применена в современном контексте; все работают, и ни один человек не эксплуатирует другого;

4) применение научных методов во всех сферах мысли и производства».

Как видим, трактовка классовой принадлежности политической власти все еще отличается расплывчатостью. В определении социализма у Нкрумы нет четкого и исключающего двусмысленность понимания классового характера государства.

Рассуждение об отсутствии эксплуатации несколько абстрактно и не поставлено на твердую научную базу классового анализа. Но четкое признание общественной собственности на орудия и средства производства и постановка, хотя бы в смутной форме, с колебаниями между «рабочими», «трудящимися» и «народом», вопроса о власти трудящихся представляют собой сильные стороны приведенного определения и выгодно отличают его от взглядов тех представителей африканской мысли, которым свойственны патриархальные иллюзии или буржуазно-реформистские рассуждения о национальном единстве и классовой солидарности. Этим идеям Нкрума противопоставляет в своей последней книге ясное заявление о том, что «социализм может быть достигнут только через борьбу классов». Нкрума прямо выступает против распространения «таких мифов, как «африканский социализм» или «прагматический социализм», подразумевающих наличие такого вида или видов социализма, которые применимы только к Африке». Отвергая преувеличение национально-исторических особенностей, Нкрума характеризует «негритюд» и «африканский социализм» как проявления африканской буржуазной идеологии.

Большим достижением мысли К.Нкрумы является полное и безоговорочное принятие теории классовой борьбы с распространением ее на сферы политики, экономики, идеологии, на расовые и племенные отношения. Это позволило К.Нкруме дать в общей форме верное определение классовой сущности государства. «Любая форма политической власти, – пишет он, – отражает интересы определенного класса или классов общества. В социалистических государствах правительство представляет рабочих и крестьян. В капиталистических государствах правительство представляет эксплуатирующий класс. Государство, таким образом, является выражением господства одного класса над другими классами».

Тот факт, что именно классовой борьбе посвящена последняя книга Нкрумы, символичен. Мыслитель, отдавший во время пребывания у власти известную дань иллюзиям о бесклассовом характере африканского общества, об ослаблении и сглаживании классовых противоречий в государствах социалистической ориентации, еще в феврале 1966 г. в обращении к Национальной Ассамблее Ганы заявивший, что правительство опирается на народ, а не на классовое деление и интересы, тщательно проанализировав собственный политический опыт и опыт развития стран Тропической Африки, пришел к выводу, что классовая борьба – коренная проблема для Африки и что иного пути развития нет.

Признание классовой борьбы позволило К.Нкруме дать в общих чертах вполне верную оценку африканского общества накануне колонизации и убедительную картину того, как классовые противоречия, находившиеся в традиционном обществе в зачаточном состоянии, углублялись и обострялись в эпоху колониализма и привели к появлению классовой структуры наподобие европейской с антагонизмом между буржуазией и пролетариатом. В этом отношении эволюция нкрумаизма особенно очевидна.

В своих ранних высказываниях К.Нкрума не избежал идеализации традиционного африканского общества и характеризовал его как социалистическое. Еще в начале 60-х годов он говорил об «африканской личности» как основе африканской истории. Неубедительна и его попытка в речи при открытии Института африканских исследований в Аккре 25 октября 1963 г. отделить свое понимание «африканского гения» с упором на социальные аспекты личности от «негритюда» со свойственным ему креном к расовым, культурным и мистическим аспектам. Даже в «Философии сознательности» признание расслоения африканского общества, противоречащее теории «африканского социализма», сочеталось с приписыванием этого факта всецело внешнему вмешательству, колониализму, что свидетельствовало о нераспространении на африканское общество материалистической интерпретации истории.

В статье «Еще раз об африканском социализме» (1966 г.) Нкрума уже решительно высказывается против фетишизации традиционного африканского общества, против его идиллического изображения как бесклассового общества, проникнутого духом гуманизма. «Все доступные свидетельства истории Африки накануне европейской колонизации, – писал Нкрума, – показывают, что африканское общество не было ни бесклассовым, ни лишенным социальной иерархии». В «Классовой борьбе в Африке» анализ традиционного общества приобретает еще более точный, последовательно научный характер. «В общем в начале колониального периода народы Африки переживали высшую стадию общинного строя, характеризующуюся распадом родоплеменной демократии, возникновением феодальных отношений, установлением института наследственных племенных вождей и монархических систем».

К.Нкрума полностью отдавал себе отчет в специфике африканского общества, учитывал условия, замедляющие классовую дифференциацию и затрудняющие ее постижение. Он говорил о взаимодействии и переплетении многих факторов, определяющих текучесть и взаимозависимость социально-экономических групп, о низком уровне развития производительных сил, о том, что общие интересы в антиимпериалистической борьбе, когда народ выступал как целое, как «нация-класс», затуманивали классовое деление, поддерживали иллюзии национального единства и приводили некоторых лидеров к мысли о том, что в Африке нет классового расслоения, что в ней непоколебимы общинные и эгалитаристские традиции и поэтому постановка вопроса о классовой борьбе там беспочвенна.

Трезвый анализ действительности, подчас ее суровые уроки быстро приводили Нкруму ко все более решительному отходу от патриархально-реформистских иллюзий. Последняя книга Нкрумы – новый этап в подходе к анализу африканского общества. В ней Нкрума исходил из того, что классы и классовая борьба не только существуют в Африке, но и составляют основу всех происходящих в ней социальных процессов. «Вереница реакционных военных переворотов и вспышки гражданской войны, в особенности в Западной и Центральной Африке, – говорит Нкрума, – драматически продемонстрировали в последние годы характер и масштабы классовой борьбы в Африке». Нкрума подчеркивает, что «классовое расслоение,

которое временно отодвигалось на второй план в борьбе за завоевание политической независимости, вновь проявилось (и часто с возросшей интенсивностью), особенно в тех странах, правительства которых начали проводить социалистическую политику». Последнее заявление особенно примечательно, ибо оно свидетельствует об изживании иллюзий о затухании классовой борьбы в ходе некапиталистического развития, которые были свойственны нкрумаизму еще в середине 60-х годов.

Много положительных моментов содержит даваемый Нкрумой в его новых книгах анализ классовой структуры современного африканского общества. Прежде Нкрума ограничивался суммарным подходом к проблеме. В «Философии сознательности» он делит все общество на «позитивное и негативное действие», понимая под ними прогрессивные и реакционные силы. Такой подход соответствовал и в общем продолжает соответствовать объективной необходимости существования единого антиимпериалистического фронта. И «позитивное», и «негативное» действия представляют собой, в понимании К.Нкрумы, блоки классовых сил. К.Нкрума сознавал их неоднородность и возможность перегруппировки в их среде, ибо силы, прогрессивные в отношении одних целей, например, борьбы за независимость, могут стать реакционными, когда на повестку дня встанут новые задачи, – задачи национальной реконструкции, углубления социальных преобразований. Предсказывая возможности раскола в рамках «позитивного действия», Нкрума не шел в «Философии сознательности» глубже, не конкретизировал классового состава «позитивного и негативного действий», не давал социально-экономического анализа их компонентов, который позволил бы предсказать их эволюцию. Нкрума по существу ограничивался анализом политических союзов, не добираясь до социально-экономической, классовой основы их составных частей. Указание на необходимость удерживать тенденцию к расколу в зародыше, предохранять «позитивное действие» от раскола, вероятно, свидетельствовало о надеждах предотвратить обострение классовой борьбы при переходе к некапиталистическим преобразованиям.

Хотя в последних работах К.Нкрумы фигурирует ненаучное определение класса («в конечном итоге класс представляет собой не что иное, как общую сумму лиц, связанных определенными интересами, которые как класс они пытаются сохранить и защитить»), позволяющее в принципе оставаться на позициях концепции «позитивного и негативного действия» и даже признавать распространенные в буржуазной социологии и направленные против марксизма теории социальной стратификации, анализ классовой структуры африканского общества бесспорно поднялся на новую ступень. В нем Нкрума не следует своему ненаучному определению. В своих последних книгах Нкрума уже не говорит о «позитивном и негативном действиях». Вместо этого он дает конкретный анализ социальной структуры общества, исходя из деления на привилегированных и угнетенных и из положения различных слоев в процессе производства. Исходя из экономической основы социальных групп, Нкрума дает детализированную классификацию африканского общества и в общем верную характеристику отношения этих групп к социализму. Анализ К.Нкрумы направлен против реформистских иллюзий о поддержке всеми классами борьбы за социализм. Нкрума подчеркивает антагонизм между феодальными и буржуазными элементами и социализмом.

Как классовую опору социализма К.Нкрума рассматривает современный пролетариат. При этом он не закрывает глаза на его немногочисленность и слабость, но считает, что поддержкой ему служит международное рабочее движение. Нкрума выдвигает перед городским пролетариатом задачу привлечь на свою сторону крестьянство и перенести революцию в деревню. В объединении пролетариата и крестьянства, т.е. в их союзе, Нкрума видит залог победы революции.

В анализе крестьянства примечательно признание его классовой дифференциации, появления в его среде эксплуататоров. Это важное завоевание революционной политической мысли в Африке, окончательно выбивающее почву из-под ног сторонников патриархально-общинного социализма. Нкрума заявляет, что крестьянство «потенциально является главной силой социалистической революции». Но вопреки распространенным среди многих ради-

кальных националистов иллюзиям о крестьянстве как наиболее революционной силе, даже гегемоне движения, Нкрума подчеркивает его рассеянность, неорганизованность, даже нереволуционность большинства крестьян и заявляет, что крестьянство нужно пробудить и что им должны руководить его естественные классовые союзники – пролетариат и революционная интеллигенция. Это был принципиальный шаг к марксизму.

В то же время в анализе классов есть ряд неточностей и заблуждений. Исходя из своего ненаучного определения класса, К.Нкрума отнес к классам наряду с буржуазией, рабочими, крестьянством и интеллигенцию, и офицеров вооруженных сил и полиции.

Рядом с правильными рассуждениями о дифференциации крестьянства и его отношении к пролетариату встречаются утверждения, будто крестьянство (на этот раз без указания на его расслоение) представляет собой самый многочисленный контингент рабочего класса в Африке. Здесь понятие «рабочий класс», видимо, отождествляется с «трудящимися», и это приводит на память характерные заблуждения мелкобуржуазных демократов в России, заблуждения, которые в полемике с народниками и эсерами подверг убедительной критике еще В.И. Ленин.

У К.Нкрума эти неточности связаны с недостаточной четкостью методологического подхода и являются как бы данью прошлому.

Гораздо более серьезное значение имеют те, на наш взгляд, неточные, спорные, а порой и неправильные положения, которые стали следствием оценки Нкрумой современного этапа африканского революционного движения.

В «Руководстве по ведению революционной войны» К.Нкрума пишет: «Наши цели определяются тремя составными частями нашего освободительного движения: 1) национализм; 2) panaфриканизм; 3) социализм.

Эти цели тесно взаимосвязаны, и ни одна из них не может быть полностью достигнута без другой. Если одной из трех составных частей недостает, ни одна территория на нашем континенте не может добиться подлинной свободы или сохранить стабильное правительство».

Далее национализм характеризуется как идейное облачение борьбы колониальных народов за независимость, первым условием победы которой провозглашается создание единого антиимпериалистического фронта. Национализм – необходимый, но не конечный этап в борьбе за независимость, от него нельзя ожидать решения проблем, связанных с экономической и политической эксплуатацией африканских народов. Нкрума говорит об узости национализма, но при этом имеет в виду не его классовую, а территориальную ограниченность. Национализм действует в геополитических рамках, установленных колониальными державами. Нкрума хочет раздвинуть их до пределов континента, ибо это создало бы, по его мнению, лучшие условия для экономического, политического и социального развития африканских народов, для их борьбы за независимость и процветание.

В приведенном определении целей движения не удовлетворяет отсутствие постановки вопроса об этапах революционного процесса и неубедительное соединение принципиально различных элементов: национализма, panaфриканизма и социализма. Их взаимосвязь Нкрума явно преувеличил, забывая о противоречиях между ними. Выдвигать такие задачи перед освободительным движением вполне естественно (хотя, имея в виду социалистическую перспективу, логичнее было бы говорить о завоевании национальной независимости, а не о национализме). Но смешение их не содействует ясности программы освободительного движения.

Нельзя игнорировать очевидного факта, что национализм и социализм противоречат друг другу, что они требуют разных условий, разной стратегии, разной расстановки классовых сил. О них можно говорить как о двух этапах национальной борьбы, но Нкрума в «Руководстве по ведению революционной войны» не делает этого. Он только упоминает, что национализм – всего лишь первый этап движения. Пройден ли он теперь? Что следует за ним? Какой этап переживает ныне национально-освободительная борьба африканских народов? В своей книге, вышедшей в 1969 г., Нкрума не дает ясного ответа на эти вопросы в связи с определением целей движения. Но то, что он говорит о расстановке классовых сил, проясняет его позицию.

Нкрума прочно придерживается тактики единого антиимпериалистического фронта и тем самым по существу выдвигает на первый план национальные, а не социальные задачи.

«Нашей целью, – пишет К.Нкрума, должно быть выявление революционного потенциала всех частей африканского общества, хотя в первую очередь наши усилия должны быть направлены на крестьян, рабочих и участников кооперативного движения, где высока революционная сознательность». Это чрезвычайно удачное определение задач национально-освободительной борьбы, учитывающее необходимость как создания широкого национального фронта, так и особой работы среди трудящихся, сплочения и мобилизации их в качестве единственно надежной опоры социалистических тенденций.

Среди участников единого революционного фронта Нкрума называет крестьян, индустриальных рабочих, «просвещенные элементы мелкой буржуазии», студентов, «определенные антиимпериалистические элементы местной буржуазии, т.е. патриотическую буржуазию», кооперативное и фермерское движение, националистическую бюрократическую буржуазию и «революционных аутсайдеров». Как видим, состав антиимпериалистического блока широк и действительно охватывает почти все слои африканского общества в полном соответствии с задачами движения, выдвинутыми Нкрумой. Привлекает внимание реалистическая характеристика национальной буржуазии: «Ее общественное положение и подлинный патриотизм заслуживают уважения, хотя в то же время, вероятно, о представителях националистической буржуазии думают как о «кабинетных революционерах», ибо они представляют собой «привилегированную» группу населения, не симпатизирующую нашим социалистическим целям. Это не должно расхолаживать наши революционные кадры от втягивания националистической буржуазии в основной поток нашего движения, так как помощь ее может оказаться неопределимой в достижении наших первых двух целей: освобождения и континентального единства, а некоторые ее представители, возможно, в ходе борьбы убедятся в необходимости социализма».

В оценке национального капитала в «Руководстве по ведению революционной войны» примечательны попытки конкретно-исторического подхода. Нкрума говорит здесь о роли местной буржуазии на двух этапах борьбы – националистическом и социалистическом, которые ему не удалось четко выявить при рассуждении об общих целях движения. Анализируя конкретный вопрос, Нкрума пришел к правильным выводам и невольно опроверг собственную искусственную схему о неразрывной связи национализма, panaфриканизма и социализма в освободительной борьбе. Стоило только задаться вопросом о роли буржуазии, как эта «неразрывная связь» распалась, как национализм и panaфриканизм выступили в качестве первого этапа движения, а социализм отодвинулся в качестве более далекой цели.

Всех необходимых выводов из этого правильного заключения К.Нкрума, видимо, не сделал. Допущенное им искусственное объединение национализма, panaфриканизма и социализма имело солидную психологическую базу. За ним стояло искреннее стремление левого националиста к социальной справедливости и ускоренному прогрессу и убеждение, что таким стремлением все и определяется, что его одного достаточно для осуществления цели. Это свидетельствовало о волонтаристских нотках и недостаточном освоении научной, диалектико-материалистической философии истории.

В дальнейшем представления Нкрумы развивались противоречиво. Как отмечалось, углублялись его материалистические идеи о классовой структуре, научное понимание социализма и отношения к нему различных классов. Нкрума сознавал логическую уязвимость допускавшегося им прежде объединения социализма и национализма. Но волонтаристские тенденции все же сохранились. Революционное нетерпение подогревалось неудовлетворенностью ходом борьбы, ее результатами. Известная идейно-теоретическая и политическая неустойчивость сказалась и в том, что неудачи приписывались избранной стратегии, расплывчатости целей.

Это привело к парадоксальному, хотя и не такому уж редкому в современном национально-освободительном движении явлению, когда некоторое укрепление методологической базы теоретического анализа, сближение в этом отношении с научным социализмом идут рука об

руку с неверным анализом текущего момента, непосредственных задач революционных сил и расстановки классов.

В своей последней книге Нкрума отказывается от неудачного сочетания национализма и социализма. В «Руководстве по ведению революционной войны» он делает (декларативно!) выбор в пользу социализма не как отдаленной цели, а как непосредственной задачи сегодняшнего освободительного движения в Африке.

Создается впечатление, что Нкрума изменил свои взгляды не на основе изучения действительности, а путем упразднения логического противоречия. Три цели, провозглашенные в «Руководстве по ведению революционной войны», по существу остаются неизменными. Нкрума лишь заменяет национализм завоеванием подлинной независимости. Провозглашенное прежде неразрывное единство национализма, panaфриканизма и социализма также остается неизменным и даже утверждается с еще большей силой. Новый элемент заключается в утверждении, что и подлинная независимость, и объединение Африки возможны лишь на основе социализма. Этим устраняются те элементы историзма и реализма, которыми были отмечены рассуждения Нкрумы о едином антиимпериалистическом фронте и роли национальной буржуазии, о различных этапах борьбы. Позиция Нкрумы стала как будто более четкой, но зато она проигрывает в плане отражения реальной и чрезвычайно противоречивой действительности.

«Африканская революция, – пишет К.Нкрума, – является неотъемлемой частью мировой социалистической революции». Этот вывод связан с идеализацией революционного и социалистического потенциала африканских народов. Нкрума утверждает, что рабочие и крестьяне Африки уже сделали выбор в пользу социализма; в духе патриархальных иллюзий он говорит, что «политическая зрелость африканских масс до известной степени может быть возведена к экономическим и социальным условиям традиционного общества». Не в меньшей мере идеализируются и некоторые лидеры национально-освободительного движения. Нкрума утверждает, что в период борьбы за независимость в африканских странах появилось руководство, опирающееся на рабочих и крестьян, преследующее классовые, социалистические цели, и что хотя это руководство должно было сотрудничать с национальной буржуазией, оно было совершенно самостоятельно и после завоевания независимости продолжало отдаляться от нее. Вряд ли это убедительная характеристика позиции лидеров освободительного движения, выступавших под знаменем национального единства и отвергавших классовую борьбу. Их путь к революционным и социалистическим идеалам не был столь прямолинеен, да и не мог быть таким по объективным причинам. Их отход от буржуазных концепций и сближение с классовыми интересами трудящихся были постепенными, и даже теперь едва ли кто-нибудь из них завершил этот путь полностью.

Нкрума провозглашает социализм целью африканского движения, перейдя на новые позиции в анализе классовых отношений и их связи с социализмом. Поэтому Нкрума делает выводы, которых не сделал бы несколько лет назад. Так, он заявляет, что «только крестьянство и пролетариат способны полностью поддерживать последовательную политику социализма», и это по существу приводит Нкруму к отрицанию тактики единого антиимпериалистического фронта, столь последовательно защищавшейся в 1969 г.

Нкрума справедливо подчеркивает преданность национальной буржуазии капитализму и ее желание сохранить свои привилегии. Враждебность буржуазии научному социализму не вызывает сомнений. Но поскольку Нкрума убежден, что только социализм может обеспечить подлинную независимость и африканское единство, то, вопреки своим прежним представлениям, он заявляет, что и в этом отношении национальная буржуазия не может играть положительной роли, что она полностью противопоставляет себя прогрессивному движению. Приводя на память характеристику, данную национальному капиталу Ф.Фаноном, К.Нкрума говорит о слабости местной буржуазии, о ее незаинтересованности в развитии промышленности, о стремлении к паразитическому обогащению, торговле, спекуляции, выполнению посреднических услуг для иностранного капитала. Забывая о неоднородности буржуазии, о наличии в ее

среде компрадорских и националистических элементов, о противоречиях между последними и западными монополиями, Нкрума делает вывод о том, что африканский капиталист стал классовым союзником буржуазии капиталистического мира, что в Африке буржуазия как целое не может рассматриваться отдельно от империализма, колониализма и неоколониализма, что их интересы нераздельны, что африканская буржуазия состоит в союзе с международным монополистическим финансовым капиталом и неоколониализмом и в прямом конфликте с африканскими массами, чьи устремления могут быть осуществлены, только через научный социализм.

«Местная буржуазия, – писал Нкрума, – всегда должна оставаться подчиненным партнером иностранного капитала. Поэтому она не может ни прийти к власти как класс, ни править без тесной поддержки реакционных феодальных элементов внутри страны или без политической, экономической и военной поддержки международного капитализма». И далее: «Африканская буржуазия создает мост для продолжающегося империалистического господства и эксплуатации. Этот мост должен быть разрушен».

Ясно, что ни о каком едином фронте с такой буржуазией не может быть и речи. Нкрума идет еще дальше. Он распространяет свое отрицательное отношение к местному капиталу и на мелкую буржуазию, считает невозможным сотрудничество даже с ней. «Теоретики, утверждающие, что пролетариат и мелкая буржуазия должны объединиться, чтобы завоевать крестьянство и атаковать буржуазию, игнорируют тот факт, что мелкая буржуазия в конечном счете всегда встанет на сторону буржуазии, чтобы сохранить капитализм». Даже с точки зрения начальных этапов построения социализма такое утверждение представляется спорным.

Идет ли и должна ли идти речь о непосредственном переходе к социализму в Тропической Африке сегодняшнего дня? Реальна ли такая постановка вопроса? Способны ли крайне малочисленный и все еще очень несовременный африканский пролетариат и отсталое крестьянство на выполнение такой миссии? Сложились ли условия для того, чтобы руководствующаяся научным социализмом авангардная партия трудящихся, о создании которой говорит Нкрума, возглавила национальное движение? Не ослабила бы такая политика неокрепшие ростки революционности и социализма? Не привело ли бы противопоставление пролетариата и крестьянства, еще не подготовленных ни экономически, ни политически к построению социализма, всем другим социальным слоям к изоляции пролетариата и крестьянства, к расколу и ослаблению демократического антиимпериалистического движения?

Отрицательный ответ на все эти вопросы не вызывает сомнений. Он диктуется не только теоретическими соображениями, но и практическим опытом многих стран «третьего мира».

Перед К.Нкрумой открывалась другая возможность соединить социализм с сегодняшними потребностями национально-освободительного движения в странах с низким уровнем производительных сил и малочисленным пролетариатом. Он мог бы разработать теорию народной революции с социалистической перспективой, т.е. революции с социалистической ориентацией масс и лидеров, но проводящей на своем первом этапе в основном общедемократические, антиимпериалистические, антифеодальные и антимонополистические преобразования. Предшествующие концепции К.Нкрумы: его теория «позитивного и негативного действия» в «Философии сознательности», тщательная и детальная разработка проблемы единого антиимпериалистического фронта с учетом этапов движения и противоречивой роли местного капитала в «Руководстве по ведению революционной войны», казалось, готовили для этого почву. Эти тенденции нкрумаизма были созвучны современной марксистской теории некапиталистического пути развития и национальной демократии. Но в последней работе К.Нкрума отверг эту теорию. «Некапиталистический путь развития, осуществляемый «единым фронтом прогрессивных сил», не является целесообразной политикой в современной Африке, – пишет К.Нкрума. – Перед независимым африканским государством открыты только два пути развития. Оно должно или оставаться под империалистическим господством, которое осуществляет неоколониализм при опоре на капитализм, или следовать социалистическим путем, одобряя принципы научного социализма».

Как видим, принципам научного социализма дается превратное толкование; научный социализм никогда не предписывал развивающимся странам, утверждающим свою независимость, стратегию, разработанную для социалистического этапа революции в странах развитого капитализма, обладающих политически зрелым рабочим классом. В представлении современного марксизма некапиталистический путь развития как качественно своеобразная и длительная переходная эпоха – необходимый этап для многих стран, отставших в социально-экономическом развитии, в их движении к социализму. К.Нкрума категорически не согласен с этим. «История доказала, – пишет он, – что некапиталистический путь развития, если он не понимается как очень короткая переходная фаза на пути к социализму, фактически препятствует социализму».

То, что К.Нкрума предложил современному африканскому революционному движению, не ново. И его утверждения о невозможности достижения национальной независимости и африканского единства без социализма, и его отрицательное отношение к единому антиимпериалистическому фронту, и его односторонняя, негибкая оценка национальной буржуазии напоминают взгляды, распространенные одно время среди ряда азиатских революционеров и некоторых марксистов. Впоследствии эти взгляды были решительно отвергнуты международным коммунистическим и рабочим движением как сектантские и пагубно влияющие на борьбу угнетенных народов;

Нкрума не единственный африканский политический деятель, провозгласивший социализм целью движения, а научный социализм – его теоретической основой. Это результат растущего влияния идей марксизма-ленинизма, мировой системы социализма.

В отличие от К.Нкрумы, у ряда передовых представителей африканского революционного движения наблюдается сближение с научным социализмом не только в плане все более полного абстрактного освоения основ диалектико-материалистической философии, но в плане их конкретного приложения к специфическим условиям, выработки революционной стратегии. Интересен в этом отношении опыт теоретического решения кардинальных вопросов революции представителями Конголезской партии труда.

Одной из ведущих тем последних выступлений К.Нкрумы оставался панафриканизм. Как и прежде, К.Нкрума был глубоко убежден, что только объединение усилий молодых государств и африканских народов, все еще борющихся за независимость, способно обеспечить им окончательную победу над империализмом и покончить с иностранным вмешательством. С годами эта уверенность крепла. Необходимость африканского единства – главный вывод книги К.Нкрумы «Вызов Конго». «То, что во время конголезской трагедии конголезские лидеры были вынуждены обращаться к иностранцам, а не к африканцам, – писал К.Нкрума, – явилось трагическим напоминанием о слабости независимой Африки».

Если призыв к единству звучал в устах Нкрумы с особой настойчивостью, то это было результатом неудовлетворенности состоянием африканских дел, недостатком взаимного понимания между африканскими государствами, склонностью ряда политических лидеров идти на компромисс с империализмом и даже с южноафриканским расизмом. Расхождения между развивающимися странами укрепляют позиции неокOLONиализма. Это делает понятным огромное значение, придаваемое Нкрумой проблеме африканского единства.

Однако в путях решения этой проблемы, предлагаемых Нкрумой, много спорного. На наш взгляд, его программа африканского единства имеет максималистский и потому не всегда реалистический характер.

Прежде всего, вспомним заявление Нкрумы о неразрывной связи социализма с панафриканизмом. Еще в «Руководстве по ведению революционной войны» Нкрума допускал, что африканское единство может быть достигнуто на первой, националистической, фазе борьбы при активном участии национального капитала. Но уже в «Классовой борьбе в Африке» Нкрума утверждал, что «полного освобождения и политического объединения Африки можно достигнуть, только приняв научный социализм».

Способствует ли такая постановка вопроса укреплению взаимопонимания между африканскими странами, лишь немногие из которых высказались – с теми или иными оговорками – за одобрение научного социализма, вкладывая в это понятие различное содержание? Готовы ли ведущие политические силы всех или большинства африканских стран к тому, чтобы выступать за единство под флагом научного социализма? Думается, что, связав достижение африканского единства с социализмом, К.Нкрума воздвиг новые трудности на пути укрепления взаимопонимания между африканскими странами, ибо к разногласиям во внешней политике, в средствах поддержки освободительного движения и отпора империализму прибавляется еще и спор о путях развития, о социальных системах.

Единство объявляется зависимым от решения этого спора, тем самым оно отодвигается на второй план, а в первоочередную проблему превращается борьба за социализм. Нкрума хотел строить единство Африки не из реального материала, а на идеальной основе научного социализма. Провозглашение социализма текущей задачей африканского движения, как и при определении расстановки классовых сил, привело Нкруму к нереалистическим выводам.

Понимание Нкрумой африканского единства не встречает поддержки многих африканских политиков. Нкрума исходит из того, что Африка – это «один континент, один народ, одна нация». Он считает, что теория, согласно которой обязательными признаками нации являются общий язык, общая территория и общая культура, не выдержала испытания временем, что определяющая черта нации – общность экономической жизни. «На этой основе, – пишет Нкрума, – новые африканцы считают себя потенциально одной нацией, чьей территорией является весь африканский континент». Нкрума называет африканские государства, созданные в границах бывших колониальных территорий, «искусственными образованиями», лишенными культурного единства и экономической самостоятельности. По его мнению, только объединение в континентальном масштабе может обеспечить жизнеспособность и независимость Африки. Концепции единой африканской нации соответствует понимание panaфриканизма как учреждения единого союзного правительства в масштабах всего континента.

К.Нкрума отмечал «три конфликтные теории африканского единства». Согласно первой, Организация африканского единства должна служить гарантией сохранения статус КВО в Африке. Понимание африканского единства как своего рода договора между существующими правительствами о взаимной защите направлено против революционного движения, и Нкрума справедливо его отверг. Вторую теорию Нкрума называл «функциональной». В его интерпретации она сводит проблему к экономическому сотрудничеству, но последнее, по мнению Нкрумы, невозможно без политического единства. И, наконец, третья теория – теория политического единства, которой придерживался Нкрума. Она состоит в том, что все африканские государства объединяются и создают союзное правительство, в ведении которого находятся экономическое развитие, оборона и внешняя политика, тогда как другие правительственные функции «будут выполняться существующими государствами, сгруппированными по федеральному принципу в рамках гигантской центральной политической организации». Думается, что в характеристике второй теории Нкрума не совсем точен. Дело не сводится к экономике, предполагается и политическое сотрудничество, осуществляемое, в частности, через Организацию африканского единства. На современном этапе большинство африканских политических деятелей сводит panaфриканизм к отношениям между африканскими государствами. В понимании Нкрумы, panaфриканизм – это создание союзного государства и центрального правительства. Причем эта задача выдвигается не как отдаленная цель, к которой можно прийти через укрепление межгосударственных отношений. Нкрума выступает против региональных объединений, рассматривая их как препятствие к континентальному единству. ОАЕ также, по его мнению, едва ли способна обеспечить политическое объединение Африки. Вот в чем реальное различие в понимании panaфриканизма.

Каков же тогда путь к единству? Он в полном преодолении «узкого национализма» в рамках бывших колониальных территорий или сегодняшних африканских государств. Слабость многих из них, произвольность определения их границ колониальными властями и

преследование ими при этом своекорыстных интересов Нкрума вскрывает верно. Но он не считается с тем, что установленные колонизаторами границы стали реальным фактом, что для преодоления «узкого национализма», когда даже в рамках отдельных государств бушуют племенные распри, еще не созрели условия. Он не учитывает роста соперничества, взаимного недоверия и подозрительности, к которым привело бы создание союзного правительства. Он не учитывает, наконец, что Африка не достигла такого уровня политического, экономического, культурного развития, который сделал бы возможным эффективное управление в масштабах всего континента. Пока эта проблема нередко не решается успешно даже в рамках отдельных государств, пораженных бюрократизмом и паразитизмом административной машины.

Между тем, «союзное правительство» стало для Нкрумы идеей, без которой он не мыслит решения всех других африканских проблем. Он хотел идти не от решения частных проблем к единству, а от установления политического единства к решению всех других вопросов. Так, Нкрума писал, что он «не видит иной альтернативы для будущего Конго, как только в единой Африке, в рамках континентального союзного правительства». Но как осуществить это единство?!

Максималистское понимание panaфриканизма оказало большое и едва ли благотворное влияние также на представление К.Нкрумы о методах и тактике национально-освободительного движения.

«Африка, – писал К.Нкрума, – находится накануне взрыва против империализма... Африка едина, и эта борьба должна вестись и быть выиграна в континентальных границах. Масштабы нашей борьбы равны размерам самого африканского континента. Они ни в коей мере не ограничены абсурдными рамками микросоциальных государств, созданных колониальными властями». Отсюда в качестве мер по координации освободительного движения предлагается создание Всеафриканской народной революционной партии и Всеафриканской народной революционной армии. Нкрума не ставил вопроса о ресурсах, о наличии единства взглядов, необходимого для создания таких учреждений, готовности африканских государств и политических движений, поглощенных своими заботами и сталкивающимися с огромными трудностями, выделить средства для создания и поддержания наднациональных организаций. Видимо, на настоящем этапе создание Всеафриканской партии и армии не более реально, чем формирование союзного правительства.

Во всех публикациях К.Нкрумы последних лет проводится мысль о наступлении новой, решающей фазы революции, отличительной чертой которой является вооруженная борьба с силами реакции: «Ненасильственные методы в революции теперь анахроничны», – заявлял К.Нкрума. Поскольку национально-освободительное движение мыслилось Нкрумой только в континентальных масштабах, речь шла об интенсификации, расширении и эффективной координации общеафриканской вооруженной борьбы на стратегическом и тактическом уровнях. «Многие годы, – писал К.Нкрума в предисловии к книге «Вызов Конго», – в Африке существовало настоящее состояние войны между развивающимися независимыми государствами и иностранными интересами, полными решимости сохранить и даже укрепить свои опорные пункты в экономической жизни нашего континента. Теперь эта «война» должна стать открытой; если Африке суждено когда-нибудь достигнуть своего полного развития, нужно вести эту войну и выиграть ее в военном смысле. Движение за полное освобождение от империализма и неокOLONиализма входит в новую фазу, фазу всеафриканской народной революционной вооруженной борьбы».

Говоря о наступлении эпохи вооруженной борьбы за независимость Африки, К.Нкрума исходил из ряда реальных моментов. Отметив, что мирные политические кампании за завоевание независимости были эффективными на «национальной» фазе освободительного движения, особенно в Африке южнее Сахары, К.Нкрума заявлял, что они исчерпали свои возможности, что «не прошло и трех лет с 1960 г., как вооруженная форма борьбы стала необходимостью для африканского антиколониального освободительного движения».

Действительно, в начале 60-х годов народы Юга Африки и португальских колоний, столкнувшись с нежеланием португальских колониальных и расистских властей предоставить местному населению право на самоопределение, взялись за оружие. Этот шаг был продиктован необходимостью, у них не было другого выхода. Освободительное движение не может капитулировать. Поскольку мирные средства оказываются неэффективными, оно естественно и закономерно переходит к вооруженной борьбе. Справедливая война народов португальских колоний, вооруженное сопротивление патриотов Юга Африки встретили безоговорочную поддержку со стороны всех прогрессивных сил. Отметим, что эта справедливая борьба велась и ведется все еще на «национальной фазе», цель ее – национальная независимость, в первую очередь политическая, которой Гана и ряд других стран смогли добиться путем «позитивного действия».

Нкрума распространял вооруженные методы борьбы, неизбежные для ряда южноафриканских народов (лидеры которых, кстати сказать, вовсе не отказываются от пути переговоров, реформ и разумных компромиссов, но сталкиваются с нежеланием и неспособностью своих противников пойти на них), на всю Африку и на все цели, которые он ставил перед антиимпериалистическим движением. «Революционная война, – говорил Нкрума, – единственный путь достижения полной независимости и единства африканского континента». Нкрума считал, что вооруженная борьба представляет собой и путь к социализму, ибо координация революционных сил в Африке и во всем мире еще не достигла необходимого уровня и империализм все еще обладает способностью насильственного вмешательства для предотвращения мирного движения к социализму.

В последних произведениях Нкрумы очевидна абсолютизация метода вооруженной борьбы, в особенности партизанской войны, которая напоминает, если обращаться к африканским источникам, позицию Ф.Фанона (прежде Нкрума, выступая за «позитивное действие» в борьбе за независимость и социальный прогресс, был идейным противником фаноновского преувеличения роли насилия). К.Нкрума внес в концепцию партизанской войны только один новый элемент – панафриканизм, военную и политическую организацию и координацию в континентальных масштабах, граничащую с отрицанием самостоятельного значения борьбы, ведущейся в рамках бывших или настоящих колониальных территорий.

На определение форм борьбы, данное Нкрумой, повлияло допущенное им смещение целей освободительного движения. Независимость, социализм и панафриканизм представлялись ему нерасторжимым единством. Отсюда и единый путь для их достижения. Но на современном этапе борьбы, при современной расстановке классовых сил, триада Нкрумы – искусственное образование. Этим обусловлены существенные недостатки и известная нереалистичность предложенных им методов борьбы. Они слишком одномерны, прямолинейны, им не хватает дифференцированности, с которой сталкивается Африка как в плане целей демократического, освободительного движения, так и в плане условий, в которых оно протекает.

Идея о новой вооруженной фазе революционной борьбы в Африке в континентальных масштабах, по-видимому, впервые была выдвинута К.Нкрумой в обращении к соотечественникам из Конакри 10 апреля 1966 г. До известной степени это объясняет ее происхождение. Будучи главой государства и партии в Гане, Нкрума располагал в национальных рамках политическим и военным аппаратом, экономической базой, на основе которых он проводил мирными средствами политику социалистической ориентации. Лишившись их, Нкрума предлагает решать основные проблемы путем вооруженной борьбы во всеафриканских масштабах.

Данная гипотеза о происхождении ряда новых взглядов К.Нкрумы обращает нас к его оценке государственного переворота 1966 г. в Гане. В анализе причин переворота К.Нкрума недостаточно самокритичен. Его замечания по этому вопросу нередко односторонни и призваны скорее оправдать серьезные сдвиги, происшедшие в политическом сознании К.Нкрумы, чем дать объективный анализ слабостей и ошибок прогрессивного режима, приведших к его падению.

Нкрума совершенно прав, обвиняя в заговоре империализм и внутреннюю реакцию и отмечая, что их орудием часто становятся офицеры вооруженных сил, полиции и чиновничество. Но он не вскрывает с достаточной объективностью условий, позволивших реакции временно восторжествовать.

В качестве главной причины социального порядка выдвигается, по-видимому, неоднородный классовый состав общества, порожденный существованием смешанной экономики. «Допуская существование капитализма и частного предпринимательства в государстве, строящем социализм, можно посеять семена реакционного захвата власти, – пишет К. Нкрума. – Частный сектор в экономике постоянно пытается выйти из пределов, в которые он заключен, и неустанно стремится обуздать и подорвать социалистическую политику правительства социалистической ориентации. В конце концов, если все другие средства не дают эффекта, частному сектору удастся с помощью неокOLONIALISTОВ организовать реакционный государственный переворот и свергнуть правительство социалистической ориентации». Конечно, частный сектор представляет собой питательную среду для оппозиции социалистической ориентации. Но сложность положения заключается в том, что он все еще необходим для обеспечения экономического прогресса и удовлетворения многих потребностей населения. Упразднение частного сектора без предварительной подготовки надежной замены ему в виде всесторонне развитого государственного хозяйства ставит под удар экономику страны.

Сторонники некапиталистического развития в Африке видят свою цель не в упразднении частного сектора, а в контроле над ним, в известном его ограничении, в регулировании его развития так, чтобы полностью используя все его возможности в обеспечении экономического роста и решении многих важных хозяйственных задач, помешать частному капиталу превратиться в препятствие на пути к социализму.

Нкрума тоже придерживался раньше таких взглядов. Решение, предложенное им в конце жизни, внешне просто и на вид революционно, но нереалистично.

К.Нкрума делает верное замечание о том, что серия военных переворотов в Африке «обнаруживает отсутствие социалистической революционной организации», но выход он видит в создании всеафриканской революционной армии, партии и полиции. Между тем, реакционный переворот 1966 г. произошел в Гане с такой легкостью не потому, что не было всеафриканской народной партии, а потому, что оказалась слабой Народная партия Конвента; оказалась слабой политическая организация республики, выступавшей за некапиталистический путь; оказалось, что руководство не имеет тесной связи с народом, что трудящиеся не организованы, не контролируют положения; оказалось, что слова руководства НПК о демократизме и самокритике в партии, о ее связи с массами расходились с делами. Именно в этом заключается важнейшая проблема, решению которой К.Нкрума не уделил достаточного внимания.

В Гане недооценивались насущные потребности трудящихся, которые не ощутили реальных благ социалистической ориентации. Когда в передаче из Конакри К.Нкрума упрекал «Совет национального освобождения» в том, что он делал займы для обеспечения страны продовольствием, тогда как Нкрума получал займы на строительство грандиозных сооружений, возвеличивающих Гану и ее народ, вряд ли это звучало убедительно для населения, испытывающего продовольственные трудности.

К.Нкрума не написал очень важной книги, которую никто не мог написать лучше, чем он. Эта книга могла бы называться «Уроки Ганы» и содержала бы анализ позитивных и негативных сторон исторического опыта одного из первых африканских правительств, смело вступивших на неизведанный путь некапиталистического развития.

Одно из достоинств последних книг К.Нкрумы – критика империализма. Нкрума дает анализ экономического, политического и военного механизма, посредством которого империализм добивается осуществления своих целей в Африке.

Естественно, в центре внимания К.Нкрумы находятся современные методы империалистической эксплуатации, неокOLONIALISM. Переход от традиционных форм колониальной эксплуатации к неокOLONIALISM объясняется интересами империализма. «Вскоре после во-

йны, – пишет К.Нкрума, – опыт доказал, что попытки сохранить колониальную систему в довоенном виде были бы губительными и только привели бы к колониальным войнам, расточая таким образом прибыли, ожидаемые от сохранения колониального режима. Британия в особенности поняла это на ранней стадии, и правильность ее суждения была в последующем продемонстрирована поражением французского колониализма на Дальнем Востоке и в Алжире и неспособностью Голландии сохранить свою прежнюю колониальную империю. Вот почему была создана система неоколониализма».

К.Нкрума отмечает такие методы неоколониализма, как экономический контроль в форме «помощи», займов, торговли и банковского дела; удушение местного хозяйства обширными международными корпорациями; политическое руководство через марионеточные правительства; социальное проникновение посредством насаждения местной буржуазии; навязывание «оборонительных» соглашений, устройство военных баз; идеологическая экспансия, осуществляемая через печать, радио и телевидение; разжигание разногласий между странами и племенами, а также политико-экономическое и военное сотрудничество с колонизаторами и расистскими режимами Юга Африки.

К важным модификациям политики колониализма К.Нкрума относит «замену «национального» империализма «коллективным», в котором ведущую роль играют США».

Как указывает К.Нкрума, замена традиционного колониализма более либеральными методами вовсе не приводит к ослаблению эксплуатации Африки: уровень жизни населения понижается, а прибыли монополистов растут, что все более увеличивает разрыв между богатыми и бедными странами.

Обеспечение подлинной независимости – центральная проблема борьбы с неоколониализмом. К.Нкрума подчеркивает, что провозглашение политической самостоятельности еще не означает достижения всех целей борьбы. Он выдвигает тезис о неоколониальном государстве: «Государство может быть названо неоколониальным, или зависимым, если оно независимо юридически и зависимо фактически. Это государство, где политическая власть принадлежит консервативным силам бывшей колонии, а экономическая власть остается под контролем международного финансового капитала».

Опыт развития бывших колониальных стран показывает, что существует много степеней зависимости и независимости. К.Нкрума признает это, но иногда проявляет склонность сводить все многообразие явлений к двум крайностям: делит все эти страны на неоколониальные и действительно независимые, под которыми понимает государства социалистической ориентации. На самом же деле действительность чрезвычайно богата промежуточными формами.

«Когда оказывается, что фарс фальшивых выборов для формирования марионеточного правительства слишком трудно осуществить, колониальные власти, – пишет К.Нкрума, – пытаются разделить освободительное движение на «умеренное» крыло, с которым они стремятся прийти к соглашению, и боевое крыло, которое они пытаются изолировать и подавить силой». В приведенной формулировке заключена возможность реалистической и разносторонней классификации новых государств. Видимо, марионеточное правительство для Нкрумы – синоним неоколониалистского режима, тогда как государство, где у власти стоят умеренные представители национально-освободительного движения, при всем своем реформизме и буржуазной сущности, возможно, не утратило антиимпериалистического потенциала, а в связи с этим – способности опираться на широкие народные массы.

К.Нкрума не всегда четко проводил эту грань, порой слишком расширял круг неоколониалистских государств, не задаваясь вопросом о степени их зависимости, хотя в принципе он понимал положительное значение даже формального провозглашения самостоятельности. Так, в 1965 г. К.Нкрума писал: «Какой бы незначительной реальной властью ни располагало правительство неоколониалистского государства, оно в силу самого факта своей номинальной независимости должно иметь определенное поле для маневра. Возможно, оно не способно существовать без неоколониальных господ, но все же оно может менять этих господ. Идеальное неоколониалистское государство полностью раболепствовало бы перед неоколониалистскими

интересами, но существование социалистических государств делает невозможным навязывание неокOLONИАЛИСТСКОЙ системы во всей ее строгости. Существование альтернативной системы само по себе является вызовом неокOLONИАЛИСТСКОМУ режиму».

Эти слова свидетельствуют о том, насколько свойственно было К.Нкруме понимание неразрывной связи интересов национально – освободительного движения и мировой системы социализма. В предисловии к книге «Вызов Конго» К.Нкрума писал, что только мировой социализм может покончить с империалистической эксплуатацией. Он сознавал совпадение интересов трех главных революционных сил современности (социалистической системы, международного рабочего движения и национально-освободительного движения) в борьбе с империализмом. Отсюда его призыв к координации усилий с социалистическими странами и рабочим движением стран капитализма со страниц «Руководства по ведению революционной войны». «И в колониальных территориях, и в государствах-метрополиях, – писал К.Нкрума, – борьба велась против одного врага: международного финансового капитала в его внешнем и внутреннем обличье, против империализма и капитализма».

К.Нкрума подчеркивал огромное значение экономического сотрудничества с социалистическим лагерем и принципиальную разницу между бескорыстной помощью социалистических стран и капиталовложениями империалистов. По его данным, только 10% американской помощи шло на индустриализацию в противовес 70% помощи, которая поступала от социалистических стран; процент на займы капиталистических стран был примерно в 3 раза выше, чем социалистических. К тому же социалистические страны финансировали государственные проекты, тогда как империалистические государства в основном делают вложения в частный сектор.

И все же в самое последнее время отношение К.Нкрумы к союзу трех революционных сил современности несколько изменилось, он не избежал полностью некоторых националистических веяний в «третьем мире». К.Нкрума отдал дань так называемой «теории богатых и бедных наций».

Уже в книге «Неоколониализм. Последняя стадия империализма» он выдвинул идею о том, что борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми перенеслась в основном в сферу международных отношений. К этому выводу его приводит своеобразная характеристика современного капитализма. «Конфликт между богатыми и бедными в развитых странах мира кончился компромиссом, – писал Нкрума. – ...В более развитых индустриальных странах капитализм не только не исчез, но стал бесконечно сильнее. Этой силы он достиг, принеся в жертву два принципа, вдохновлявших ранний капитализм, а именно: угнетение рабочего класса в каждой отдельной стране и полное исключение контроля над капиталистическим предприятием со стороны государства. Отбросив эти два принципа и заменив их «государством благоденствия», основанным на высоком уровне жизни рабочего класса и государственном регулировании капитализма, развитые страны сумели экспортировать свою внутреннюю проблему и перенести конфликт между богатыми и бедными из национальной в международную сферу».

Нкрума справедливо отмечал, что эволюция современного капитализма была подчинена одной цели: сохранить возрастающие прибыли располагающего собственностью меньшинства, что уступки в рамках неоколониализма являются «внешним условием» существования «государства благоденствия», что уступки в рамках «государства благоденствия» были вырваны рабочим движением. Но несмотря на все эти верные замечания, К.Нкрума, видимо, все же полагал, что «государство благоденствия» – свидетельство принципиального изменения капитализма, показатель компромисса между богатыми и бедными в развитых странах, ибо, по мнению Нкрумы, прибыли от неокOLONИАЛИСТСКОЙ экономики расходуются ныне не в интересах имущих классов, как было в эпоху колониализма, а на финансирование «государства благоденствия», т.е. для удовлетворения потребностей трудящихся.

Выдвинув идею своего рода стабилизации, укрепления капитализма в развитых странах, смягчения в его рамках основного классового конфликта, идеолог национальной демокра-

тии К.Нкрума волей-неволей сомкнулся со своими антиподами в современной политической жизни и мысли африканских стран, с буржуазно-реформистским крылом национализма, для которого характерна заимствованная из западной социологии апологетика современного капитализма.

Конечно, Нкрума остался субъективным противником капитализма, он руководствовался своеобразным пониманием революционности, но в выводах, к которым ведет его уступка реформизму, он опять-таки смыкался с буржуазными националистами, причем эти выводы приобретали у него все более законченный характер. Если в книге о неокOLONIALИЗМЕ Нкрума говорил о том, что после войны некоторые рабочие лидеры отошли от союза с колониальными народами, то в «Классовой борьбе в Африке» он утверждал, что «обуржуазивание рабочего класса капиталистических стран возлагает дополнительную ответственность на эксплуатируемые народы Азии, Африки и Латинской Америки за мировую социалистическую революцию». Это положение весьма близко к взглядам старого идейного противника К.Нкрумы – Л.Сенгора о том, что интересы рабочего класса Запада и угнетенных народов антагонистичны.

К.Нкрума даже полагал, что поскольку неокOLONIALИЗМ представляет собой экономическую основу «государства благоденствия», только когда Африка добьется экономической независимости и политического единства, монополисты вновь столкнутся с рабочим классом своих стран и вспыхнет новая борьба, в ходе которой крушение империализма будет полным. Здесь речь идет не столько о сотрудничестве двух революционных процессов, сколько о приоритете, он отдается освободительному движению народов «третьего мира». К.Нкрума связывает с ним главные надежды на распространение социализма, не учитывая, что это движение, как правило, не имеет последовательно социалистического характера и проникнуто духом национализма.

Эволюция представлений К.Нкрумы противоречива. Ее положительная сторона – тяготение к теории научного социализма, уже давшее плоды в оценке исторического прошлого и некоторых моментов современного положения Африки. В то же время научный социализм остался не освоенным фундаментально и органически, и именно поэтому характеристика современного этапа революции и расстановки классовых сил, данная Нкрумой, не может быть признана убедительной. Все еще сильна тенденция, особенно характерная для первых лет национальной демократии, использовать отдельные марксистские тезисы и приемы для обоснования платформы, которую в целом марксистской не назовешь. Ныне это радикальная, но нереалистическая политическая программа, многие элементы которой типичны для ряда левых течений в Африке и вообще в «третьем мире». Создается впечатление, что в период «философии сознательности», «теории позитивного и негативного действия» К.Нкрума по существу по некоторым вопросам стратегии и тактики был ближе к научному социализму, чем в последний период жизни.

Коренной недостаток платформы К.Нкрумы – неверное определение соотношения между социализмом и национализмом в освободительном движении бывших колониальных стран. Выбор в пользу социализма имеет во многом декларативный характер, а стратегические и тактические установки нереалистичны и потому могут оказать вредное воздействие на движение. Родимые пятна национализма все еще проступают в программе Нкрумы, при всех его выпадах в адрес национального капитала и даже мелкой буржуазии.

По вопросу о соотношении трех ведущих революционных сил современности К.Нкрума в последнее время примыкал к националистической платформе. Его социалистические лозунги нередко уживались со старыми националистическими представлениями, в частности с рецидивами «черного сионизма» – гарвеизма. Считая революционную борьбу в Африке частью мировой социалистической революции, К.Нкрума в то же время предлагал рассматривать ее в контексте «черной революции» и объявил свободу и единство Африки при социалистическом правительстве необходимой предпосылкой строительства «национального дома» для «черных людей всего мира».

Сложен итог развития нкрумаизма. В нем есть заблуждения и ошибочные тенденции, свидетельствующие о живучести национализма даже во взглядах лучших представителей современного антиимпериалистического движения. Но в нкрумаизме есть и моменты, открывающие перспективы социалистического развития стран Африки. Именно ими обусловлена особая и выдающаяся роль нкрумаизма в острой идейной и политической борьбе, развернувшейся на африканском континенте.

Начав с типично националистической платформы, не выходящей в основном за рамки современного буржуазного и социал-демократического реформизма, К.Нкрума стал одним из первых африканских лидеров, вступивших на путь национальной демократии и некапиталистического развития. Он внес крупный вклад в разработку идейных концепций национальной демократии в первой половине 60-х годов и принадлежал к той лучшей ее части, которая укрепляла в рамках национальной демократии социалистические тенденции. Хотя К.Нкрума не совсем четко понимал теорию научного социализма и не всегда правильно умел применять ее в специфических условиях Африки, он был одним из первых вождей освободительного движения в Африке, который обратился к своему народу с призывом руководствоваться принципами научного социализма и создать авангардную партию трудящихся, опирающуюся на марксистско-ленинскую идеологию. В этом его историческая заслуга.

Путь идейных поисков Кваме Нкрумы окончен. Его на всех этапах отличало стремление к углублению, обновлению и обогащению своих взглядов. Он не раз отказывался от положений, в ошибочности которых убеждался. Этот творческий процесс будет продолжен наследниками выдающегося борца и идеолога, сыгравшего значительную роль в борьбе африканских народов за независимость и социальный прогресс.

NKRUMAHISM: THE THEORY

Yu.Smertin

In the period when Kwame Nkrumah was head of state his socio-political, economic and philosophical views were systematised to some degree. The anti-imperialist mood which had characterised the period of struggle for independence was replaced by a militant anti-imperialism; pan-Africanism became more progressive and began to be perceived as a movement for one united Africa which would countervail imperialism; ideas concerning social equality, drawn from various sources, were moulded into the theory of a "national type" of socialism. These changes indicate the main directions of Nkrumah's spiritual and political development. It is in independent Ghana that the theoretical foundation of the ideological concept which came to be called Nkrumahism in political literature was fully laid. The most important components of this theory were anti-imperialism, pan-Africanism and socialism. The views Nkrumah held on ideology and theory while he was in office are set forth in his articles, speeches, and above all in such works as *I speak of Freedom, Africa Must Unite, Neocolonialism. The Last Stage of Imperialism, Consciencism: Philosophy and Ideology for Decolonization and Development with Particular Reference to the African Revolution*.

Anti-imperialism. The national liberation movement in Africa is part of the global struggle against imperialism. The success of the anti-colonial movement on the African continent showed that Lenin was right in believing that most of the Earth's population would eventually join in the struggle against all forms of oppression and for the economic, social and spiritual emancipation of peoples everywhere.

At the end of the 1950s and start of the 1960s, when the African countries had only just been liberated from Colonial dependence, many African politicians were uncertain as to the kind of re-

lations the young sovereign states would have with their recent colonial masters. In an attempt to maintain their standing in the African countries yesterday's colonial powers went to great lengths to show Africans the need for their paternal care and an interdependent foreign policy. The former British colonies found themselves within the British Commonwealth of Nations while the former French colonies (with the exception of Guinea) all became members of the Franco-African Community. This new type of subjugation was strengthened by a network of economic, political and military agreements which were thrust upon the young states. To many in Africa it seemed that once sovereignty was attained exploitation by the imperialist powers would be impossible while the traditional links between the colonies and the metropolitan countries would be transformed. Moreover, the African countries counted on receiving substantial economic aid from the former metropolitan countries. In 1958 Nkrumah said, "...The evolving forms of the Commonwealth is an institution which can work profoundly for peace and international cooperation."

The events which followed the liberation of the African countries demonstrated that the imperialist powers did not have altruistic reasons for providing them with aid and that imperialist "aid" and "cooperation" signified economic, political and ideological penetration of the African countries. By the early 1960s Kwame Nkrumah was writing, "Imperialism is still a most powerful force to be reckoned with in Africa. It controls out economies. It operates on a world-wide scale in combinations of many different kinds: economic, political, cultural, educational, military; and through intelligence and information services. In the context of the new independence mounting in Africa, it has begun, and will continue, to assume new forms and subtler disguises."

During the initial years of the African states' independent development the imperialist powers attempted to remain entrenched in the economies of these countries, using methods to achieve this end which differed little from those they had employed in colonial times. The former metropolitan countries and other imperialist states strove to keep the liberated countries in the position of agro-raw material appendages and to preserve the colonial structure of their economies as far as possible. By the mid-1960s the methods employed in pursuing neocolonialism's economic policies had changed substantially. To a large degree this was brought about by the existence and growth of the economic and political might of world socialism which gave the African countries an opportunity to reorient their economic ties and develop them on the basis of fundamentally different types of relations. In addition, the scientific-technological revolution, the economic rivalry among capitalist states, and the growing specialisation and cooperation of production made the former methods of exploiting developing countries ineffective. The imperialist powers adapted to the changing times. They went from opposing the economic growth of the former colonies to assisting the development of a few industries there. They were particularly careful to monitor the socio-economic development process in each newly-free country and keep them within capitalism's orbit. In order to meet this aim African states were provided with economic and financial "aid". In the 1960s, as today, by no means all countries were favoured with imperialist charity. The greater part of this "aid" went to those states whose governments had attuned their economic systems to capitalism and established close political ties with their "benefactors".

Kwame Nkrumah emphasised that, in contrast to the aid socialist states provide, aid which advances the industrialisation of the developing countries, Western "aid" primarily goes towards developing the infrastructure essential for the further exploitation of these countries by imperialist monopolies. Nkrumah deserves credit for being among the first in Africa to understand the mechanism by which this "aid" operates. Imperialist aid, he said, "must, in fact, come out of the trading profits made from forcing down the prices of primary products bought from the African countries and raising the cost of the finished goods they are obliged to take in exchange" and "is used for the exploitation rather than for the development of the less developed parts of the world."²² Nkrumah's conclusions became particularly relevant during the struggle that grew up in the 70s and 80s for a review of the inequitable economic relations which exist between the imperialist states and the developing countries, for the establishment of a new world economic order, for "economic decolonisation".

As a result of the neocolonialist policy pursued in regard to the African countries some of them were integrated into the European Economic Community's activities. This policy was designed to prevent young states from embarking on the path of non-capitalist development and to keep the main means of actively influencing the character and direction of the former colonies' socio-economic development in the hands of monopolies. Kwame Nkrumah strongly opposed attempts to make Africa an "associate" of the Common Market. Terming the actions of the European Economic Community a policy of collective imperialism, Nkrumah alerted the African countries to the danger of economic enslavement. He wrote, "The overseas associated members have gone in as providers of raw materials, not as equals dealing with equals... Nor could there be any idea of solid industrialised advancement for these African states in the interests of their people."¹ The neocolonialism of the Common Market, Nkrumah explained, "is a 'heads I win, tails y6u lose' policy, which aims to create a bitter schism among the independent African states or else to cajole them all into the fold of the European market, in the same old imperialist relationship of the European rider on the African horse." Kwame Nkrumah warned that if the African states joined that closed imperialist association it would not only lead to the strengthening of their economic dependence but would also threaten their political autonomy. And as the EEC was closely linked to NATO they would, to a certain extent, have to renounce the policy of non-alignment and desist in their active support for the national liberation movement on the African continent. "In short," he bluntly concluded, "they will have sold their African birthright for a mess of neo-colonialist pottage." Later events proved the accuracy of Nkrumah's prediction. By offering the "associated" African nations a few privileges the European capitalist powers gained a new opportunity to influence the policies these countries pursued. Today many African politicians realise that "association" with Western Europe is based on discrimination, inequality and neocolonialism. The African countries strive to establish new types of economic ties with the European states which will be in the interests of their development.

The danger of growing economic pressure on independent Africa prompted Kwame Nkrumah to search for new ways of neutralising attempts to enslave it. Nkrumah believed that close economic cooperation among the newly free nations was essential if Africa's independent economic development was to be assured. "In the face of the forces that are combining to reinforce neocolonialism in Africa," he wrote, "it is imperative that the leaders should begin now to seek the best and quickest means by which we can collectivize our economic resources and produce an integrated plan for their careful deployment for our mutual benefit." Nkrumah believed that in order to accomplish this the African countries should join together, first, in a number of economic communities, and then, in a single African common market. This would help avoid competition among the African states, pool their resources and coordinate economic policy. As experience has since shown this was, on the whole, a fairly realistic programme for cooperation, totally realisable and acceptable to the newly free nations. The majority of African countries are working towards broadening intracontinental cooperation and trade links and setting up regional economic associations. In addition, increasing support is being given to the idea of setting up an African economic community by the year 2000. This idea is contained in a declaration adopted by the 14th session of the Organisation of African Unity in 1977.

Anti-communism is one of neocolonialism's ideological weapons. "Alongside the battle for imperialist supremacy," Nkrumah wrote, "there wages the fight against the ideological camp of socialism, into which the warring imperialists make an all-out effort to trail the developing countries... In this way the anti-communist campaign is used to further imperialist aims."² He went on to say that another goal of this campaign is to prevent the developing countries from making their choice in favour of socialism. Nkrumah regarded the USSR and the other socialist states as the African countries' natural allies and the decisive force in the struggle against imperialism. He declared that if it had not been for the Soviet Union the movement to free Africa from the colonial yoke would have felt the full force of brutal and harsh oppression.

In order to keep the developing countries from embarking on the only true path of development the imperialist states try to spread reformist ideas within the national liberation movement. This

tactic is not new. Back in 1920 Lenin said that “the imperialist bourgeoisie is doing everything in its power to implant a reformist movement among the oppressed nations too.”¹ An analysis of these policies, which were carefully camouflaged in pseudo-socialist phraseology, led Nkrumah to the conclusion that imperialism operates in Africa “through labour arms like the Social Democratic parties of Europe... and through such instruments as the International’ Confederation of Free Trade Unions (ICFTU)...” Present-day social-democracy aspires to convert the ideologists of young independent states, warp their understanding of the ideas of scientific socialism, foist the concept of “democratic socialism” on them and sow distrust towards the policies of the socialist countries. In recent years these efforts have increased in scale and degree of organisation. In 1981 eleven social-reformist and pro-bourgeois parties came together to form the African Socialist International (ASI). The organisers of the ASI have not given up trying to expand this association – by drawing in the revolutionary democratic parties of the continent, in the hope that they will degenerate to reformism.

Kwame Nkrumah devoted the greater part of his theoretical works to an analysis of the modern methods of imperialist exploitation – neocolonialism. From his writings it is clear that already in the early 60s he had fully recognised the danger of neocolonialism. He was one of the first in Africa to do so. Moreover, his analysis of this phenomenon almost completely corresponded to those made by Marxist scholars. By examining the policies of the former metropolitan countries and their imperialist allies as they were pursued in new conditions Nkrumah was able to draw profound conclusions, the majority of which have not lost their relevance today and are widely shared by the progressive forces of Africa. These conclusions are also significant because they constitute the first instance in which an African ideologist and politician exposed imperialism.

On the whole Kwame Nkrumah saw anti-imperialism as a policy to be actively pursued by the African countries in order to achieve economic liberation and strengthen their political independence. It should, he thought, resolutely counter attempts by the imperialist powers to keep the newly free nations in the position of agricultural raw material appendages, to foist economic and political controls on them, to forbid ties with the socialist countries and to realise their aggressive aspirations which threaten peace throughout the world.

Pan-Africanism. One of the most important tasks the ideology of the national liberation movement in Africa must accomplish is substantiating the ways in which unity may be achieved among the continent’s anti – imperialist forces. The idea of African unity, which arose from the pan-African movement, was the basis of many of the concepts of national liberation. At first some of the adherents of this idea thought that unity of action in – the struggle against the common enemy— colonialism—would inevitably lead to the destruction of the colonial borders so alien to the Africans, and to the creation of a single African state. This conviction was reflected in, for example, the decisions of the Fifth Pan-African Congress. After the majority of African countries gained their independence, the conceptions of pan-African unity were honed, and the forms they took changed but the essence remained the same — Africa’s unity was absolutely necessary if the struggle for the political, economic and spiritual decolonialisation of its peoples was to continue.

Kwame Nkrumah was one of the most active and consistent champions of the idea of an anti-imperialist union of Africa’s peoples and states. He made no small contribution towards bringing this union about. A significant portion of his time and energy was devoted to developing the theoretical and practical foundations on which African unity would be built once the continent had been liberated.

Nkrumah is best known’ as the author and advocate of the idea of forming a single African state that would embrace the entire continent. He saw the realisation of this idea as the key to accomplishing all the tasks: which face the African revolution—the struggle against imperialism and neo-colonialism, the liquidation of economic and cultural backwardness, the overcoming of tribal-

¹ V. I. Lenin, “The Second Congress of the Communist International, July 19-August 7, 1920. Report of the Commission on the National and the Colonial Questions, July 26”, *Collected Works*, Vol. 31, Progress Publishers, Moscow, 198-2, p. 242.

ism. Moreover, he thought of this union not as a distant, prospect but as an immediate goal, the order of the day. In *Africa Must Unite* Nkrumah wrote that “the continental union of Africa is an inescapable desideratum. Here is a challenge which destiny has thrown out to the leaders of Africa. It is for us to grasp what is a golden opportunity to prove that the genius of African people can surmount the separatist tendencies in sovereign nationhood By coming together speedily/tor the sake of Africa’s greater glory and infinite well-being, into a Union of African States.”

Nkrumah’s certainty that such a union could be achieved was based on the tenets of pan-Africanism which affirmed that, the Africans form a single national community and that the elimination of the artificial colonial boundaries would lead to creation of a single African state. He tried not to notice that after the countries of Tropical Africa had acquired their sovereignty pan-African nationalism was replaced by a narrow, country-oriented nationalism. The young states had only just begun to taste the fruits of the independence they had sacrificed so much to gain and they jealously guarded their sovereignty—the primary and tangible result of their struggle. Moreover, the lengthy period of subjugation had given rise to significant socio-economic and cultural-political differences among the African countries.

It is hard not to agree that the idea of the United States of Africa, as put forward by Nkrumah, was unrealistic. The accomplishment of a task as difficult as that of uniting the young nation-states with their variegated ethnic compositions under a single government requires not so much that certain leaders desire it as that the peoples themselves strive for unification. Although Nkrumah maintained that the masses “spontaneously understand and uphold the need for African union” this was no more than a case of wishful thinking. The obstacles to the creation of a single state embracing the entire continent were obvious. Neither the economic nor the social prerequisites existed in Africa then, nor do they now. As far as the accusations concerning Nkrumah’s hegemonic aspirations are concerned, they appear to have been groundless. The main objective of his struggle was the creation of a union of African states which would countervail world imperialism. Nkrumah declared more than once that he was ready to work for the good of Africa under the leadership of anyone who was capable of unifying the continent; although, naturally, he did not exclude the possibility that he himself could head the future pan-African continental government.

One of the main factors complicating the Creation of a political union was the existence of a class-related and ideological delimitation of the African states. A reflection of the confrontation of socialism and capitalism around the world, there appeared in Africa groups of countries which chose differing paths of development and conceptualised the social aspect of African unity in a variety of ways.

Nkrumah recognised these difficulties, too. But he believed that they could be overcome within the framework of a single state. Not content to limit himself to theoretical considerations of African unification Nkrumah took steps towards bringing it about. On May 1, 1959 during a visit by Nkrumah to Conakry it was announced that Ghana and Guinea had formed the Union of African States. The document which set forth the basic principles of this union specified that the two countries would coordinate their foreign policies while retaining the main attributes of their sovereignty. The citizens of the two countries had, in addition to citizenship in their respective countries, citizenship in the Union. It was agreed that economic policy would be closely coordinated and a common bank of issue would be established. Guinea, which found itself in a difficult position after refusing to join de Gaulle’s Franco-African Community, received an impressive loan from Ghana even though Ghana itself was in desperate need of foreign currency at that time. It was now clear that Nkrumah had been sincere when he repeatedly declared that he would devote all of Ghana’s resources to the cause of achieving African unity.

Socialism. The wide currency the idea of socialism gained in the national liberation movement zone is a result of the deepening of capitalism’s general crisis, brought on by the triumph of the Great October Socialist Revolution. Those who take part in the anti – imperialist struggle sooner or later come to the conclusion that capitalism is a system which does not meet the needs of the peoples of

Africa. The anti-capitalist temper of the masses is reflected in the political and ideological doctrines of many states on this continent.

Kwame Nkrumah exposed capitalist practices to sharp criticism. "That development which capitalism marks over slavery and feudalism consists as much in the methods by means of which labour is coerced as in the mode of production. Capitalism: is but the gentleman's method of slavery," he wrote. Developing this thought on the exploitative nature of capitalism he said that, "the evil of capitalism consists in its alienation of the fruit of labour from those who with the toil of their body and the sweat of their brow produce this fruit." Nkrumah displayed an understanding of the essence of the "newest" theories on capitalism, theories designed to mask its predatory nature. In criticising these apologetic theories, which were based on the relative rise in the living standards of working men and women which had taken place, he wrote that, "the proportion of distribution of value between exploited and exploiter is kept constant" and "any increase in levels of production must mean a greater quantity, but not in proportion, of value accruing to the exploited.

Socialism's mission, Nkrumah thought, was to ensure that the state of colonialism, was quickly left behind, that post-colonial society was modernised and that the people's urgent needs were satisfied. However, the Ghanaian President's rejection of capitalism did not signify his adoption of scientific socialism. This he considered unacceptable for Africa in its "pure form" and he argued that it had to be adapted to specifically African conditions. Once Ghana had gained its independence Kwame Nkrumah set to work on his own theory of "African socialism".

Nkrumah was not alone in trying to create a new "original" theory. After the African countries gained their independence a large number of "national-type socialisms" made their appearance. Independence had only just been gained. African ideologists were filled with a desire to show the world that Africa was unique, that it was capable not just of copying the achievements of the rest of the world but of working out its own concept of social development which would be profoundly African in essence. This delusion, widespread in Africa for some years, was the cause of serious miscalculations in both the domestic and foreign policies of many African countries. In this connection it is appropriate to recall what Lenin said about revolutionary theory: "That theory cannot be thought up. It *grows out* of the sum total of the revolutionary experience and the revolutionary thinking of all countries in the world."

No one succeeded in creating a "pure" ideology. Some African leaders used reformist "democratic socialist" ideas extensively to cloak their policy of cooperating with imperialism. Others, including Kwame Nkrumah, tried to combine a few Marxist tenets as well as various theories from petty bourgeois socialism with traditional African views on man and society.

The most complete and systematic description of Nkrumah's conception of socialism is presented in his 1964 book *Consciencism. Philosophy and Ideology for Decolonization and Development with Particular Reference to the African Revolution*. Consciencism, according to Nkrumah, would "give the theoretical basis for an ideology whose aim shall be to contain the African experience of Islamic and Euro-Christian presence as well as the experience of the traditional African society, and, by gestation, employ them for the harmonious development of that society." In other words, an all-embracing ideology which could unify African society and become the guiding force behind social progress would replace the various traditional and extrinsic, frequently conflicting ideologies of the past. The socialist orientation of this ideology, Nkrumah believed, was ensured by the egalitarian principles on which traditional African society was founded.

Many revolutionary democrats have taken the distinctive features of patriarchal African society into account in their work. The African community, a stable socio-economic structure, sets African society apart. As revolutionary democrats see it they must bring the community "up to date" and give it new functions in keeping with the tasks building a non-capitalist society involves. As is well known Engels assigned the community a similar role. But in this instance a scientific analysis of the traditional community, its positive and negative aspects is essential. Admiration of the past and an uncritical attitude towards it leads to a theoretical reconstruction of traditionalism and to incorrect conclusions concerning the African states' current stage of social development.

Idealising patriarchal African society, Nkrumah wrote, “The traditional face of Africa includes an attitude towards man which can only be described, in its social manifestation, as being socialist. This arises from the fact that man is regarded in Africa as primarily a spiritual being, a being endowed originally with a certain inward dignity, integrity and value.” Nkrumah called interpersonal relations in African society “communalistic”, i.e. everyone is equal and each has a responsibility towards all. Therefore, he concludes that traditional society is classless and, furthermore, that “Marxist type” classes could not arise in such a society. “If one seeks the social-political ancestor of socialism, one must go to communalism,”¹ Nkrumah wrote.

Nkrumah’s analysis of African society ignored the fact that the various regions of Africa developed in quite different ways and that prior to the arrival of the colonialists feudal relations and, hence, social stratification had existed in some regions of the continent. True, this stratification was not of a clearly defined nature and for this reason class conflict was not sharp. Kwame Nkrumah acknowledged that colonialism had caused certain changes in traditional African society but he saw its influence only in the introduction of new values, some of which eroded the traditional way of life, while others merged with it.

Thus, Nkrumah denied not only the presence of classes in traditional African society but also the inevitability of their rise in modern-day Africa. This thesis was the basis of Nkrumah’s “African socialism”, which he thought would come into being as social reforms were carried out and the undesirable changes that had occurred under colonialism were eradicated. He wrote that “from the ancestral line of communalism, the passage to socialism lies in reform, because the underlying principles are the same.” Here Nkrumah clearly reveals that he does not adequately understand the nature or principles of socialism as a social system. Instead he reduces them to humanistic and ethical tenets. As far as smoothing over conflicts of class interests is concerned, this approach has proved to be invalid not just in Ghana but in Africa as a whole. By the time *Consciencism...* was published there were already definite signs of an intensification of the class struggle on the continent brought on by the deepening of the African revolution’s social aspects. Sensing the vulnerability of his fundamental tenets Kwame Nkrumah felt it necessary to make the proviso that “in its political aspect, philosophical consciencism is faced with realities of colonialism, imperialism, disunity and lack of development. Singly and collectively these four mitigate against the realization of a social justice based on ideas of true equality.”

Not acknowledging the class struggle, on the one hand, or the clear growth of contradictions in African society, on the other, Nkrumah began to construct abstract models in which he attempted to take in the whole range of complex processes occurring in the African revolution. These models were primarily composed of what Nkrumah termed positive and negative action. He defined positive action as “the sum of those forces seeking social justice in terms of the destruction of oligarchic exploitation and oppression. Negative action will correspondingly represent the sum of those forces tending to prolong colonial subjugation and exploitation.” Thus, Kwame Nkrumah defined African society not by its class structure but by the political views of its members. Such general evaluations of the interaction between social forces would have reflected the political situation to a certain degree if they had supplemented a class analysis. But Nkrumah never applied the term “class” to African reality. He used it only to characterise capitalist and socialist society while the class struggle was for him something that existed with reference to relations between the African countries and imperialism, but not within African society itself.

Materialism was said to be the theoretical basis of consciencism. The idea that matter exists absolutely and independently and is infinite runs through all of Kwame Nkrumah’s philosophical discourses. However, upon closer analysis it becomes clear that Nkrumah’s materialism is of a spontaneous rather than a scientific nature. While he recognises the objective existence of the external world, on the question of the relationship between material and spiritual substance he takes a dualistic position. When considering this, the fundamental question of philosophy, Nkrumah speaks of how philosophical consciencism differs from a) “extreme materialism” (meaning Marxism), which postulates the sole reality of matter, and b) idealism, which recognises the primacy of the spiritual.

He declared that his philosophy removed this “philosophical perplexity” and that “the interaction of mind and body is accepted as a fact.” Having identified Marxism with vulgar materialism, Nkrumah did not grasp the scientific approach to the relationship between the material and the spiritual, an approach which never placed those two categories in opposition but considered them in terms of their interrelationship. Kwame Nkrumah’s conception of how matter and spirit relate was not consistently scientific either. He places the mind on the same level as matter even though material substance is given priority. “Philosophical consciencism does not assert the sole reality of matter. Rather it asserts the primary reality of matter,” wrote Nkrumah. For him the mind, having originated in matter, acquires absolute autonomy. As has long been known, attempts to go beyond the boundaries of philosophy’s fundamental question lead to idealism.

The belief some African politicians have in the autonomy of the mind and its independence with regard to matter can be explained by the role the subjective factor plays in Africa. As a result of the general economic, social and cultural backwardness of African countries enormous significance in the transformation of society has been given to the subjective factor, the superstructure. At times it seems to some revolutionary democrats that it is the subjective (the revolutionary will, the revolutionary mind) which has the decisive role to play in history, that the subjective is fundamental to changes in the objective.

In this connection we must consider the relationship between the basis and the superstructure, between theory and practice. Scientific socialism recognises the active role the superstructure plays in the historical process, and the influence it has on all aspects of the basis. However, the basis always plays the decisive role. As for the relationship between theory and practice, Marxism-Leninism extracts theory from practice. This is not the case with Nkrumah, who maintained that emergent ideology “seeks to affect social milieu”. “The ideology of a society,” he wrote, “is total. It embraces the whole life of a people...”. In other words, practice is subordinate to theory. As a result of the absolutisation of the role *theory* plays in social processes and the disregard shown for objective conditions consciencism was proclaimed to be a universal theory applicable not just to Africa but to “all dependent countries or emerging nations.”

Kwame Nkrumah . frequently stated that philosophical consciencism is a dialectical teaching. In fact, however, consciencism limits its dialecticism mostly to a recognition of the main category employed by materialist dialectics—contradictions. Other categories and principles, such as “the transition from quantitative to qualitative changes” and “the negation of the negation”, are ignored.

An analysis of Nkrumahism reveals that in the area of theory it signified an attempt to combine various tenets of Marxism-Leninism, petty bourgeois socialism and the traditional African world outlook. From Marxism Nkrumahism borrowed a recognition of contradictions, the inevitability of the transition to socialism and the arguments used in the critique of capitalism. Petty bourgeois socialism was the source of the denial of the class struggle, the substitution of the term “the people” for classes and the belief in an evolutionary path towards socialism. Traditionalism was reflected in the conviction that African society was egalitarian by nature, the rejection of “borrowed” ideologies and the belief that Africa was destined to take, a “special” path.

When Africa ceased to be a continent of colonies it needed an ideology capable of explaining both its past and its prospects for the future. Naturally, the only ideology which meets these criteria is scientific socialism. But in the early 60s it had not yet become the ideological weapon used by the majority of African revolutionaries. Meanwhile, the objective demands of social development required that the “ideological vacuum” which had formed when independence was gained be filled. Despite the obvious influence of external factors Nkrumahism, like other theories put forward by revolutionary democrats, is in essence a reflection, although not always an adequate one, of real, complex and contradictory processes that occur in any state which has opted for a socialist future.

Even though Marxism did not become Nkrumah’s world outlook and he made use of only some of its tenets the influence scientific socialism had on his ideological views is not in question. Nkrumahism was transitional in nature. It could not be a long-lasting ideology not only because it combined incompatible elements but also because, as Lenin said, “the *only* choice is—either bourgeois

or socialist ideology. There is no middle course (for mankind has not created a ‘third’ ideology, and, moreover, in a society torn by class antagonisms there can never be a non-class or an above-class ideology).” The essential aspects of various theories on “national-type socialisms”, advanced in the first years or independence by certain revolutionary democrats, had a great deal in common with concepts put forward by conservative African ideologists. With time a differentiation occurred in the theories of “African socialism”: the progressive trends moved closer towards scientific socialism while the reactionary trends clearly revealed their probourgeois essence. Nkrumahism contained the elements necessary to bring about its evolution towards scientific socialism and this did indeed occur during the final phase of Kwame Nkrumah’s ideological work.¹

THE HOUR OF TRIUMPH

Kwame Nkrumah

Now that the general election had been held and my motion for Independence had been passed by a reasonable majority in the newly elected Legislature the conditions laid down by the Secretary of State in his statement to the House of Commons on 5th May had been complied with. The next and final step was to request the United Kingdom Government to declare a firm date for the attainment of independence by the Gold Coast. On 23rd August, therefore, I made a formal request to the Governor to transmit my request for such a declaration to the Secretary of State.

For perhaps the first time in my life I discovered that there was a vast difference in waiting for something that you hoped for and in waiting for something that was a certainty. There was not the slightest doubt in my mind that the Secretary of State’s pledge would be honoured: it was just a matter of waiting.

It was Monday, 17th September. I had a full morning’s work ahead of me and I was going over my diary of appointments. Suddenly there was a ring from the telephone that connected me direct with the Governor.

‘ Good morning, P.M.,’ said Sir Charles. ‘ I just wanted to tell you that I had received some good news for you. I wondered if you could come up and see me for a few minutes when you are free.’

‘ Yes, certainly, Sir Charles,’ I said, as I hurriedly scanned through my appointments. ‘ I’m afraid this morning is pretty hectic—would 3 o’clock this afternoon be all right ? ’

I arrived at Government House promptly. If there had been any doubts in my mind as to the contents of the message that was awaiting me, the look of pleasure on Sir Charles’ face as I entered his office swept it away at once. He shook me firmly and warmly by the hand and then handed me a despatch from the Secretary of State. There were, as is often the case with despatches, a number of long paragraphs. When I reached the fifth one, however, the tears of joy that I had difficulty in hiding blurred the rest of the document. After a few minutes I raised my eyes to meet those of the Governor. For some moments there was nothing either of us could say. Perhaps we were both looking back over the seven years of our association, beginning with doubts, suspicions – and misunderstandings, then acknowledging the growth of trust, sincerity and friendship, and now, finally, this moment of victory for us both, a moment beyond description and a moment that could never be entirely recaptured.

‘ Prime Minister,’ the Governor said, as he extended his hand to me. ‘ This is a great day for you. It is – the end of what you have struggled for.’

‘ It is the end of what we have been struggling for, Sir Charles,’ I corrected him. ‘ You have contributed a great deal towards this ; in fact, I might not have succeeded without your help and co-operation. This is a very happy day for us both! ’ I arranged with the Governor that I would return

¹ Публикуется по изданию: Smertin Yuri. Kwame Nkrumah. Progress Publishers. Moscow. 1987.

the following morning and collect the despatch from him and immediately afterwards read it to the Legislative Assembly.

‘ This has been a national struggle,’ I said, ‘ and it is only right that when the date of Independence is announced, the whole nation knows it from my lips.’

The Governor nodded agreement. ‘ Before you go, P.M., I would like to express to you my own heartfelt congratulations on this great day,’ he said, ‘ and also my best wishes for the future of you and your colleagues and the people of Ghana. As he walked to the door with me he added, ‘ And you know, P.M., that so long as I remain here as Governor, I shall continue to do all I can to help.’

‘ Thank you, Sir Charles,’ I said. ‘ I have always been deeply grateful for your help.’

Many and varied emotions have swelled my breast during the countless times that I have descended those white stone steps of the Castle leading from the Governor’s office, but never until that day have I experienced the sensation of walking on air.

As the cloud that seemed to transport me gently lowered me on to the seat of my car and the mundane whirr of the self-starter brought me slowly to earth, I became aware of the anxious face of my driver awaiting my directions.

Oh—take me home,’ I said.

I shall never forget that night; How I was going to keep that store of dynamite in my chest without it exploding, I just didn’t know. People came as usual and they talked as usual, but not once could I forget that vital information.

Usually nothing can prevent me from sleeping; during the very worst crises of my life I have always managed to escape from realities by laying my head on a pillow and drifting into a deep sleep. But on this night I lay for a long time sleepless while the whole story of my life passed before me like some kind of pageant. I saw myself as a boy in Nzima, as a proud scholar in Achimota, as a struggling student at Lincoln; I saw myself in London where my studies gave way to politics; my return to the Gold Coast; the struggles that ensued both from within and without; detention, positive action, imprisonment; my final acceptance as a politician—events which were only the beginning of bigger and bigger struggles and intrigues. Then, after almost ten long years of it all, those few words that represented the end of the road, the end of what had sometimes seemed to be a never-ending struggle; just a few words on paper handed over to me quietly by the man who had both imprisoned and released me and who had since afforded me every encouragement in my arduous task. ‘ The 6th of March,’ I said to myself. ‘ The 6th of March. The 6th of March. . . . ’

The day following this news was my 47th birthday. I woke early in spite of a restless night and stared at myself in the mirror. Is it possible that all men feel as young as I do on their 47th birthday? ‘ I asked my reflection.

When I had dressed I went downstairs to greet my mother. Somehow I seemed to find less and less time to see her these days and, although she understood and never complained, the fact nevertheless worried me; She noticed that I was: restless and keyed up but she made no comment.

‘ What an excellent wife she must have been!’ I thought to myself, No questions, no hints, no suspicion’

I arrived at the office and then went down to the Assembly. At about 10.45 I left for Government House and the Governor handed over to me the Secretary of State’s despatch. My hands trembled’ as I took possession of it.

I looked at the Governor and my lips felt as if they moved but no sound came out. Sir Charles came to the rescue by saying that he knew that I would not want to waste any more time in announcing the good news to the people.

My intention was to make my announcement to the Assembly at midday, the same time as the news would be broadcast in the United Kingdom. I had previously arranged with the Speaker that since I had an important announcement to make, he would permit me to take the floor as soon as I stood up. I was so anxiously watching the minutes pass between 11.30 and midday, that I took no interest in the debate that was going on. I was so keyed up that I simply didn’t know how to contain myself.

As soon as the hands of the clock reached twelve, I stood up. The Speaker interrupted the discussion. There was dead silence in the House and members looked up expecting me to raise some point of order or to contribute something to the matter being debated. Before I spoke I looked at my watch. It was three minutes past twelve. I took a deep breath and prepared myself for the most triumphant moment of my life.

‘ Mr Speaker,’ I said, ‘ with your permission, I should like to make a statement. With effect from midday to-day, the publication of two despatches of vital importance to the future of our country has been authorised.’ I paused for the cheers to die down. ‘ They are,’ I continued, ‘ the despatch from the Governor at the request of my Government to the Secretary of State asking him to declare a firm date for the attainment of Independence by the Gold Coast, and the Secretary of State’s despatch in reply thereto. Copies of these two despatches will be distributed to Honourable Members as soon as the House rises to-day.’

I then proceeded to read the statement from the Secretary of State. In this despatch the Secretary of State, recalling his statement in the House of Commons on 5th May, noted that a General Election had now been held, that the

Convention People’s Party had been returned to power with a majority of over two-thirds and that the motion for Independence had been passed in the newly elected Assembly by 72 votes to none, the Opposition members having absented themselves from the debate.

‘ Since the motion calling for Independence within the Commonwealth has been passed in the newly elected Legislative Assembly by a majority which must clearly be regarded as reasonable,’ the despatch went on, ‘ I now have the honour to inform you that Her Majesty’s Government will at the first available opportunity introduce into the United Kingdom Parliament a Bill to accord Independence to the Gold Coast and, subject to Parliamentary approval, Her Majesty’s Government intends that full Independence should come about on the 6th March, 1957.’

The whole of the Assembly was for a few seconds dumb-founded. Then all at once the almost sacred silence was broken by an ear-splitting cheer, cheers that must have been unprecedented in the Assembly. Some were too deeply moved to control their tears, among them some of my closest associates, those who had really felt the brunt of the battle and who perhaps realised more forcibly the true meaning of the word ‘ Victory ’.

I then continued and read to the House the Secretary of State’s reference to the Trust Territory of Togoland and the Plebiscite that was conducted there which had resulted in a clear majority vote in favour of union with an independent Gold Coast. ‘ The Trusteeship Council of the United Nations passed a resolution in July noting that the will of the majority of the inhabitants was for union with an independent Gold Coast, and recommending that steps should be taken for the Trusteeship Agreement to be terminated upon the attainment of Independence by the Gold Coast. Provided that this resolution is endorsed by the General Assembly of the United Nations, appropriate action will be taken to include the territory of British Togoland within the independent Gold Coast.’

Her Majesty’s Government had noted our desire to rename the country Ghana upon the attainment of Independence and the necessary legal steps would be taken to give effect to this desire.

The despatch from the Secretary of State concluded by saying, ‘ It is the earnest hope of Her Majesty’s Government that, at this turning point in the history of the Gold Coast, all sections of the community will be able to work together for the general good. In the name of Her Majesty’s Government I wish to convey to the Government and the people of the country our heartfelt wishes for its future success.’

After prolonged cheering, I said that I had nothing to add to the Secretary of State’s despatch, in which he had rightly described that moment as the turning point in our history. It – was, I said, an occasion for serious reflection and I hoped that when the House re-assembled the following day, I would be able to make a further statement.

Cheers greeted the Deputy Leader of the Opposition as he stood and welcomed the statement on behalf of the Opposition.

Then the whole Assembly went wild with excitement. I was suddenly whisked off my feet and carried shoulder high into the streets where the masses were jubilantly singing and dancing to the strains of the party song, 'There is victory for us.'

Congratulations poured in by telephone, telegram, cable and letter, to say nothing of the hundreds of personal callers. It was a wonderful feeling to know that thousands of people from all corners of the world were rejoicing in our great victory.

I thought that it would be a nice gesture if I and my Ministers paid an informal visit to the Governor to share with him the victory that he had helped so much to secure. At five-thirty that afternoon, therefore, we all went to the Castle where the Governor was waiting to receive us. It was a most happy occasion.

The whole country was celebrating. That evening a friend of mine arrived from Kumasi and excitedly related to me how the news had been received there.

'Kwame,' he said, 'you should really have been there! As sure as I'm standing here, Kwame, the supporters of the N.L.M. were more wild with excitement than even the "CPP-ists." Many of them, not content with a single "Freedom" salute, raised both hands in the air as they yelled "Freedom!"'

What a day it had been! How could anybody have wished for a more wonderful way of celebrating one's birthday?

On the following day, 19th September, I made a further statement to the House. I pointed out that with the promise of our independence on 6th March 1957, the last phase of our struggle had been reached.

'We have reason, Mr Speaker, to be proud as well as thankful, that this historic declaration has at last been made,' I said, 'and I was happy to hear the assurance, given yesterday by the Deputy Leader of the Opposition, that the Opposition welcomed the Secretary of State's announcement.'

On the one hundred and thirteenth anniversary of the Bond of 1844, which led to Britain's political domination of the Gold Coast, our country would be free. Since I had dedicated myself to bringing our struggle for independence to an end when I returned home in 1947, I had been heartened by the loyal and unstinted support of the people and sustained by the steadfastness and unwavering courage of the Convention People's Party. We were, as the Secretary of State had said, at a 'turning point in the history of the Gold Coast' I knew, I said, that the Assembly would wish to know what the Government's intentions were at this point.

'We are determined to play our part in drafting a constitution which will satisfy the genuine aspirations of every lover of freedom.'

'The Government proposes that this Assembly shall have ample opportunity to debate and determine our constitution. To this end the Government will at the earliest practicable date publish a White Paper setting forth the detailed provisions of the proposed constitution. Subject to the ultimate responsibility of this Assembly, which cannot be abrogated, the Government will be willing to discuss constitutional questions with representatives of the Opposition, should they desire it, outside the House before the debate.' This was greeted by loud cheers from both sides of the House.

Mr Speaker 'I continued, 'on this great occasion our hearts are full to overflowing. Our thoughts are turning to the splendid ceremonies and the festivities which will be held to mark our attainment of independence. But, let us pause for a moment. Let us think of the tasks that lie ahead and the new responsibilities we shall be called upon to shoulder when Ghana becomes a free* sovereign and independent State. Let us dedicate ourselves to serve this country of ours, this nation, with all the strength, knowledge and wisdom that God has given us. And let us pledge ourselves anew to serve our country selflessly, to protect her rights and interests and to play our part among the nations of the world in promoting peace, happiness and the progress of mankind.'

The Opposition expressed their satisfaction at the opportunity offered for discussion of the constitution outside the Assembly and hoped that they would be able to come to some kind of an agreement.

I accordingly arranged that representatives of the Opposition in the Assembly should be invited to meet members of the Government in order to work through the proposed constitution, article by article. When any change or addition was agreed upon, the Government undertook to adopt the change. I proposed that the Assembly should begin consideration of the constitution in the first week of November when any differences that had not already been resolved could be decided after debate and vote in the Assembly. The constitutional proposals only included very general provisions concerning the definition of Regions and the powers to be exercised by the Regional Assemblies, and because of the controversial nature of this particular matter, I felt that further time should be allowed for detailed consideration of what was required. Hence I decided not to introduce the necessary legislation until early in the New Year.

On 20th September I had arranged to broadcast to the country. I suddenly had an idea and sent for Daniel-Chapman.

‘Dan,’ I said, ‘I want to throw a party for all the children of Accra before I do my broadcast tomorrow.’

Chapman was unperturbed at – the short notice and was as enthusiastic about the project as I was. The following after-noon, therefore, hundreds of children of every nationality arrived to enjoy a large tea party in the grounds outside my office. As soon as the Gold Coast police band started to play, the orderly assembly of somewhat overawed and seemingly well-behaved youngsters came to life and proceeded to do the things that were expected of them; filling themselves with lemonade, sandwiches, buns and cakes; bursting other children’s balloons, screaming with excitement and generally entering unreservedly into the spirit of the thing. The Governor arrived at about five-thirty and spent an hour or more mixing with the children. But I think the highlight of the afternoon for most of them was when I announced that the following Monday would be a school holiday. I was thoroughly enjoying myself and was sorry to have to tear myself away to rush off to Broadcasting House.

In my message to the nation I said that the announcement of a firm date for Independence marked the end of one epoch, and the beginning of another. It also brought to an end a period of political uncertainty. In preparing for our Independence celebrations, we should ensure that these were such as would be worthy of our country and of our new status among the nations of the world.

An overwhelming majority of the people, I declared, had wisely opted for a unitary form of government. I was satisfied that within the framework of a unitary constitution it would be possible to insert safeguards which would meet legitimate regional aspirations. The finalising of our Constitution necessitated speedy action and in order that no time should be wasted, I had cancelled the Cabinet Recess. The White Paper would, I promised, be published as early as was practicable. We were anxious to produce a constitution which would satisfy the genuine aspirations of the chiefs and people and we were approaching the task with the best interests of the nation at heart.

In spite of the joy that filled our hearts about the firm date of Independence, I said, we should think of the tasks that lay ahead. At Independence my Government would become fully responsible for the foreign policy of Ghana, for defence, for the maintenance of law and order and for the stability of our currency.

In the hour of triumph we should look back and give thanks to all the statesmen who down the years had worked and striven to make possible the attainment of our independence, and to all those who had more recently played their part, both great and small, in bringing our struggle to its close;

‘In this solemn hour’ I concluded, ‘let us not merely rejoice because we have reached our goal. Let us not merely make merry because our dearest hope has been fulfilled. Let us think first and foremost of the best – interests of our country. Let us put aside petty political controversy and intrigues and lay a firm and stable foundation for the political structure of Ghana. May your thoughts, your deeds and your prayers strengthen and sustain the statesmanship of the nation.’

As I drove home, physically and mentally tired but indescribably happy and content, I reflected on the long and difficult road on which we had travelled towards the goal of Independence. African nationalism was not confined to the Gold Coast—the new Ghana. From now on it must be Pan-African

nationalism, and the ideology of African political consciousness and African political emancipation must spread throughout the whole continent, into every nook and corner of it.

I have never regarded the struggle for the Independence of the Gold Coast as an isolated objective but always as a part of a general world historical pattern. The African in every territory of this vast continent has been awakened and the struggle for freedom will go on. It is our duty as the vanguard force to offer what assistance we – can to those now engaged in the battles that we ourselves have fought and won. Our task is not done and our own – safety is not assured until the last vestiges of colonialism have been swept from Africa.

As a ship that has been freshly launched we face the hazards of the high seas alone. We must rely on our own men, on the captain and on his navigation. And, as I proudly stand on the bridge of that lone vessel as she confidently sets sail, I raise a hand to shade my eyes from the glaring African sun, and scan the horizon. There is so much more beyond.

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

*Из мемуаров советского дипломата Д.Ф. Сафонова о переговорах об установлении дипломатических отношений между СССР и Ганой

*Из мемуаров бывшего Посла СССР в Гане Е.Д.Островенко

Из мемуаров советского дипломата Д.Ф. Сафонова о переговорах между СССР и Ганой об установлении дипломатических отношений

В середине 1957 г. в Лондон пришло указание из Москвы – командировать меня вместе с советником нашего торгпредства в Африку, в Гану, для переговоров с местным руководством об открытии советского посольства в Аккре. Дипломатические отношения с этой страной были уже установлены.

С моим напарником, Валентином Иовичем Смирновым, очень приятным общительным человеком, у меня и до этого были хорошие отношения, а в этой необычной для нас поездке мы не только сразу же нашли общий язык, но, я бы сказал, даже подружились. Ни он, ни я никогда не бывали в Африке, и поэтому эта поездка вызвала у нас большой интерес. В самом деле, впервые попасть на континент, о котором у нас до этого были самые общие представления, почерпнутые, в основном, из книг и газет, а это, согласитесь, совсем не то, что увидеть своими глазами... Летели мы через Италию, в которой ни я, ни мой спутник до этого тоже не бывали. И хотя в этой интереснейшей стране за пару дней мы кое-что успели посмотреть, мысли наши все время были заняты предстоящей встречей с Африкой. Очень уж необычно!

Прилетели мы в Аккру (столицу Ганы) днем, в самый разгар жары. Было где-то около сорока градусов по Цельсию. ... Уже в день нашего прибытия в Аккру нам вручили отпечатанную на хорошей плотной бумаге программу нашего пребывания в Гане. Видно было, что местное правительство придавало этому визиту важное политическое значение, а нас со Смирновым именовали не иначе как посланцами или посланниками России. В программе предусматривалось несколько встреч и бесед с первым премьер-министром страны Квамой Нкрумой и его министром иностранных дел, с мэром города Аккры, с некоторыми другими важными персонами. Конечно же, предусматривался и визит к генерал-губернатору, англичанину, представлявшему в Гане королеву Великобритании как верховную власть в стране. И, разумеется, – ежедневные обеды и ланчи, коктейли в нашу честь. Намечались также поездки в некоторые

районы страны. Похоже было, что ганцы намерены были растянуть наш визит по крайней мере дней на десять, чтобы самим хорошо повеселиться, поесть и выпить на устраиваемых в нашу честь пиршествах. А мы-то с Валентином Иовичем думали управиться с нашей миссией за пару-тройку дней. С трудом удалось уговорить хозяев сократить срок нашего пребывания, но не намного: пробыли мы там дней семь, если не восемь. Все вопросы, с которыми мы приехали, были, в принципе, решены в ходе первых же встреч с Нкрумой и министром иностранных дел. А затем началось кропотливое и скрупулезное оформление достигнутой договоренности. А в это время нас возили по стране, показывали недавно построенный современный морской порт большой пропускной способности, возили на плантации цитрусовых, знакомили с процессом сбора и обработки бобов какао – одной из главных статей ганского экспорта.

Кваме Нкрума принимал нас в своей постоянной резиденции на окраине Аккры. Принимал приветливо, внимательно выслушивал, расспрашивал о Советском Союзе. Это был человек среднего роста, довольно плотного телосложения, с приятным, располагающим к себе лицом и с явными признаками незаурядного интеллекта. Говорил он медленно, на отличном английском языке. Намерения советского правительства открыть свое представительство в Гане горячо приветствовал, заявив при этом, что посольство Ганы в Москве будет открыто позднее, поскольку у них для этого пока нет средств. Мы без труда договорились с Нкрумой о времени открытия нашего посольства, о численности его штата, об условиях предоставления посольству соответствующих помещений и обсудили другие вопросы. Принимал нас Нкрума и перед нашим отъездом из Ганы, интересовался, довольны ли мы тем, как нас привечали в его стране, все ли интересовавшие нас вопросы удалось разрешить. Просил передать приветствия министру иностранных дел Громыко, с которым он имел удовольствие познакомиться и беседовать на одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

В ходе одной из бесед с министром иностранных дел мы узнали, что в Гане, кроме нас со Смирновым, находится еще один советский человек, ученый-африканист Иван Изосимович Потехин и что он, можно сказать, днюет и ночует в центральной научной библиотеке. В те годы советский человек, живущий в Черной Африке, был большой редкостью. При первой же возможности мы отправились на его поиски. В нашем распоряжении была прикрепленная автомашина с шофером, и мы без особого труда отловили Ивана Изосимовича. Встретились как старые знакомые с радостью и взаимными расспросами. Он, оказывается, жил в Гане уже почти полгода, изучал по заданию Академии наук СССР страну и Африку, а также работал над какой-то книгой.¹ Из разговоров с профессором Потехиным у нас со Смирновым сложилось впечатление, что он был не только большим знатоком Африки и ее проблем, но и незаурядным энтузиастом в вопросах оказания неотложной и существенной помощи населяющим этот континент народам с тем, чтобы они поскорее встали «на свои ноги». Рассказы Ивана Изосимовича и то, с какой убежденностью он пытался раскрыть перед нами важность этой задачи мирового значения, вызвали у меня большой интерес и, наверное, сыграли не последнюю роль в том, что и я в скором времени оказался в числе дипломатов, посвятивших себя Африке и ее проблемам. Я все чаще стал задумываться над тем, чтобы «перебраться» в это новое для меня и интересное направление. Познакомившись с профессором Потехиным в Гане, я сохранил с ним хорошие отношения надолго. И позднее, особенно в те годы, когда мне пришлось вплотную заниматься проблемами Африки, неоднократно встречался с ним в Москве, консультировался.²

Спустя примерно пару месяцев из Москвы через Лондон проследовала в Гану небольшая группа (человека три или четыре) советских дипломатов во главе с назначенным в эту страну первым нашим послом Михаилом Дмитриевичем Сытенко. Это была первая ласточка, направлявшаяся в Черную Африку. За ней, как грибы, стали возникать советские посольства во многих других странах этого континента. Для СССР началось открытие настоящей, глу-

¹ Речь идет о книге «Гана сегодня. Дневник». – М., 1959. – Специальный материал об этой книге опубликован в нашей новой рубрике «Преступные» книги» (с. 108)

² О миссии профессора И.И. Потехина в настоящем выпуске нашего журнала опубликована специальная статья профессора С.В. Мазова (с. 109-117)

бинной Африки. В те годы я еще не знал, что вскоре и мне придется переквалифицироваться и напроочь связать свою дипломатическую карьеру с Африкой, с африканскими странами и их проблемами.¹

Из мемуаров бывшего Посла СССР в Гане Е.Д.Островенко

Тогдашний министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, принявший меня, как, кстати, и других будущих послов из нашей группы, для отдельной беседы, сосредоточился на двух главных моментах: нашей перестройке и особенностях работы советских послов в Африке. По первому вопросу он нацелил на необходимость проведения активной работы с ганским руководством по перестроечной тематике. Надо разъяснять, чем она вызвана и в чем ее суть, на что она направлена и как может отразиться на наших партнерах в Африке. Показывать, что перестройка не несет в себе ничего такого, что могло бы их беспокоить. Развеивать их сомнения в части, касающейся перестройки, устранять подозрения, способствовать преодолению непонимания проходивших у нас процессов.

По второй теме Э.А. Шеварднадзе констатировал, что мы еще не умеем работать в Африке. Этому надо научиться и проанализировать, как действуют там англичане, французы, западные немцы и американцы. Необходимо присмотреться и как работают в Африке социалистические страны, взять, что можно, из их опыта, перенять, освоить. Министр посоветовал подходить к вопросам шире в концептуальном плане, с точки зрения выработки нашего общего подхода к странам Африканского континента. Посетовал, что у нас пока еще не было возможности заняться вплотную этой частью света, надо было сделать другие, самые неотложные, первостепенной важности международные и двусторонние дела, без решения которых нельзя было бы всерьез заняться Африкой. Но это не значит, что мы не придаем значения Африке, просто до нее пока не доходили руки.

В целом, в таком же плане высказывались и в Международном Отделе (МО) ЦК КПСС, через который поддерживались прямые контакты партии с ганским руководством. С 1984 г. они осуществлялись на плановой основе. Происходил регулярный делегационный обмен, КПСС принимала также участие в подготовке кадров для госаппарата правящего Временного Совета Национальной Обороны (ВСНО) и Комитетов защиты революции Ганы, массовых исполнительных органов, через которые проводилась политика руководства страны среди населения. Ответственные сотрудники МО ЦК КПСС, также как и министр иностранных дел, отмечали, что руководство ВСНО недопонимает нашу перестройку и испытывает по ее поводу различного рода необоснованные опасения. Надо проводить с ними разъяснительную работу, «заряжать духом понимания нашей перестройки и нового политического мышления».

Важно, говорили мне, чтобы в понимании нас и социализма руководители ВСНО и функционеры режима отходили от ставших уже для них привычными старых догм и стереотипов. Обстановка в стране была для этого, по мнению сотрудников аппарата ЦК КПСС, благоприятная.

Высказывался также целый ряд разумных практических рекомендаций по реализации действовавшего двухгодичного плана связей между КПСС и ВСНО и подписанию нового. Партийные связи с Ганой, при всей их значимости для межгосударственных отношений, могут, как мне давалось в то же время понять, сворачиваться из-за недостатка средств.

¹ Печатается по изданию: Сафонов Д.Ф. А дуги гнут с терпением... (Как я стал дипломатом-африканистом). – М., 2002. – С. 145-150. Прим. редактора: Дмитрий Федорович Сафонов давал интервью нашему журналу в 2012 г., через несколько дней после его 100-летнего юбилея. Дмитрий Федорович умер в возрасте 105 лет, до последнего дня давая интервью и работая над новой книгой.

Рефреном во всех состоявшихся на Старой площади беседах проходила мысль о том, что место Африки для нас сейчас далеко не главное. В наших действиях по отношению к Гане надо исходить из реального положения вещей, не прыгая выше головы. Такая вот была тогда принципиальная постановка вопроса.

О советско-ганских отношениях. Советско-ганские связи и сотрудничество начали развиваться в годы руководства Н.С. Хрущева в СССР и К. Нкрумы в Гане. Дипломатические отношения были установлены 14 января 1958 г. Мы открыли свое посольство в Аккре в 1959 г., ганцы в Москве – в 1960 г.

При К.Нкруме двусторонние связи складывались успешно и вышли благодаря обоюдным усилиям на довольно высокий уровень. Аффинажный завод по очистке золота, учебный центр профессиональной подготовки, завод крупнопанельного домостроения и даже исследовательский атомный реактор – вот далеко не полный перечень основных объектов, стоявших тогда на повестке дня нашего технико-экономического содействия Гане.

Для его более благоприятного осуществления СССР предоставил Гане кредиты на сумму порядка 100 млн. рублей, из которых было использовано 26 млн. Погашение этой суммы продолжилось при ВСНО, примерно по 2 млн. рублей в год. К моему приезду в Аккру задолженность ганской стороны составляла примерно 6 млн. рублей. Погасить ее планировалось к концу 1991 г.

После военного переворота 1966 г. советско-ганское сотрудничество стало сворачиваться, и на протяжении 15 лет наши отношения с Ганой пребывали в состоянии застоя. Было прекращено, в частности, строительство аффинажного завода, свернуты после консультаций с английскими специалистами работы по строительству исследовательского атомного реактора и закрыты лаборатории по производству изотопов.

Ситуация качественно изменилась только после прихода к власти ВСНО, руководство которого заявило о своем стремлении восстановить дружественные отношения и развивать разностороннее сотрудничество с Советским Союзом.

Наладились и стали активно поддерживаться политические контакты, практиковаться обмен мнениями по важнейшим международным проблемам и вопросам двусторонних отношений. В СССР побывали несколько ведущих членов ВСНО, ряд министров и общественных деятелей. Аккру посетил заместитель министра иностранных дел СССР А.Л. Адамишин, курировавший тогда вопросы отношений со странами Африки.

Были подписаны несколько важных двусторонних документов, в том числе о технико-экономическом и культурном сотрудничестве, об эквивалентности дипломов и ученых степеней, консульская конвенция. Состоялось заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заметно продвинувшее его вперед.

Помимо завершения начатых объектов, был определен и ряд новых, в том числе проведение геолого-разведочных работ на цементное сырье. Для финансирования этих работ предоставлялся коммерческий кредит.

Гордостью советско-ганского сотрудничества стал учебный центр профессиональной подготовки в Теме. Он успешно работал, выпускал специалистов и товарную продукцию, в чем я сам убедился, посетив его вскоре после прибытия в Гану. Возник вопрос о расширении центра – создании при нем литейной мастерской.

Объем советско-ганской торговли был небольшим – в 1988 г. он составил всего лишь 13,2 млн. рублей и определялся, прежде всего, нашими закупками какао-бобов, осуществлявшимися через лондонскую биржу. Советский экспорт, который традиционно включал в себя поставки свежемороженой рыбы, книг и периодики, холодильников, охотничьих ружей и металлической посуды, был в том году совсем незначительным, менее 0,3 млн. рублей. Торговля была несбалансированной, мы значительно больше покупали у Ганы, чем продавали ей.

Забегая по времени вперед, скажу, что в 1989 и 1990 годах удалось существенно увеличить советско-ганский товарооборот, поднять его, соответственно, до 53,2 млн. рублей и

30 млн. рублей. Качественно важным было то, что впервые за долгие годы наш экспорт значительно возрос: до 1 млн рублей в 1989 г. и 2 млн. рублей – в 1990-м. В том же году в Гане было продано 360 автомашин «Лада-Нива», что сразу же вывело ее на 2-е место в Африке по объему продаж автомобилей советского производства.

Благоприятные условия для дальнейшего наращивания объемов советского экспорта в Гану создало также продление до конца 1992 г. подписанного в 1988 г. бартерного соглашения, предусматривавшего, в частности, поставку в Советский Союз какао-бобов в обмен на советские товары. СССР оказывал существенную помощь Гане в подготовке национальных кадров. На тот момент 2000 человек уже получили образование в СССР и около 1000 студентов обучались в наших учебных заведениях в 40 с лишним городах Союза.

Председатель. Руководитель Ганы Джерри Джон Ролингс официально именовался главой государства и председателем Временного Совета Национальной Обороны (ВСНО), иногда Лидером революции, а в сокращенном варианте – чаще всего Председателем или же Председателем Ролингсом. Так его называли не только в устном общении, но и в газетах.

С ганским руководителем за время работы послом СССР в Гане довелось встречаться и беседовать несколько раз. Первая встреча состоялась на большом вечернем приеме по случаю наступления Нового 1990 г. Проводился этот прием в Абури, бывшей загородной резиденции К.Нкрумы, расположенной в 30 км от столицы в живописной горной местности. Из-за значительной высоты месторасположения резиденции по отношению к уровню моря там вполне можно было испытать практически забытое в Аккре ощущение прохлады, а иногда даже и «подзамерзнуть». По приезду в Абури начальник протокола МИД сообщил мне и еще нескольким послам, запросившим, как и я, встречи с главой государства, что мы будем один за другим представлены ему в ходе приема, в соответствии с датой вручения верительных грамот, и сможем с ним кратко переговорить. Так в действительности и произошло.

Аудиенции начались почти сразу же после того, как Председатель и его жена, оба в прекрасном настроении и в элегантной национальной одежде, появились на приеме и разместились в центре большой площадки, на которой собрались все приглашенные. Происходило все это, разумеется, на открытом воздухе. Меня представили ганскому руководителю в числе первых. Поприветствовав Председателя, передал ему приветы и добрые пожелания из Москвы, поздравил с Новым годом. Затем рассказал о наших тогдашних делах и намерении развивать и дальше добрые отношения и сотрудничество с Ганой. Добавил, что хотел бы посетить его для более обстоятельной беседы по этим и некоторым другим актуальным вопросам.

Председатель выразил, в свою очередь, добрые пожелания в адрес советского руководства и нашего народа, высказался в пользу развития дружественных отношений и сотрудничества с Советским Союзом, заверил, что в скором времени примет меня для более продолжительной беседы.

Произошло это 7 марта 1990 г. В тот день Председатель принял поочередно четырех новых послов. Порядок их приема определялся старшинством по срокам вручения верительных грамот. Я был первым. Встреча состоялась в официальной резиденции главы государства – Касле, в большой, довольно скромно обставленной комнате. Председатель и я сидели на диване, остальные, один человек с советской стороны и несколько с ганской, сидели на стульях, кто-то в кресле. Подробно рассказал Председателю о происходивших тогда в СССР событиях, продолжавшейся у нас перестройке, политике гласности и всем другом, что было для нас на тот момент актуальным. Привлек его внимание к советско-ганским двусторонним отношениям и имевшимся в них некоторым нерешенным вопросам. Изложил наш курс на дальнейшее развитие дружественных связей и взаимовыгодного сотрудничества с Ганой. Председатель слушал очень внимательно, конструктивно реагируя на все ставившиеся мною практические вопросы, касавшиеся двусторонних отношений. Что же касается происходивших в нашей стране неоднозначных внутренних процессов, то они, как ощущалось, интересовали его не в абстрактном, а совершенно конкретном плане. Ему явно хотелось четко уяснить для себя, как они могут, прежде всего, отразиться на перспективах дальнейшего развития выгодных для Ганы отношений

и сотрудничества с нашей страной. Тем более что, как он прямо сказал мне, экономическая политика некоторых богатых стран Запада далеко не всегда отвечает интересам развивающихся стран. В качестве примеров им были названы долговой кризис и падение цен на производимые развивающимися странами товары, создававшие большие проблемы для экономик этих стран.

В таком контексте Председатель выразил надежду на то, что изменения, или, по его словам, реформы, в Советском Союзе не приведут к сокращению ценной, как он выразился, поддержки, оказываемой правительством и народом СССР справедливой борьбе народов Африки за свою независимость, самоопределение и надлежащий экономический порядок. Сказал Председателю, что принципиальный курс СССР по данному вопросу остается неизменным, хотя формы нашей конкретной поддержки, разумеется, могут меняться в духе времени и новых подходов.

Другими принятыми в тот день Председателем главами дипломатических миссий были, как сообщили на другой день все центральные газеты, посол КНДР, индийский высокий комиссар и посол США. Состав группы послов получился более чем удачным. Были представлены обе сверхдержавы, общепризнанный лидер движения неприсоединения и родина «чучхе». Это предоставило Председателю хорошую возможность продемонстрировать внешнему миру многовекторность внешней политики Ганы и изложить, через официальные публикации о состоявшихся встречах, некоторые ее принципиальные моменты.

Через несколько дней после этого из МИДа Ганы пришло сообщение особой важности: Председатель ВСНО Джерри Джон Ролингс приглашает меня 14 марта для новой встречи. О чем пойдет речь, никто из ганских МИДовцев не знал. Перебрал в голове все возможные темы предстоящего разговора, но ни к чему определенному прийти не смог. Да и как показала сама состоявшаяся вскоре встреча с Председателем, предугадать, почему он буквально неделю спустя после официальной аудиенции пожелал встретиться со мной вновь, было делом практически нереальным. Одно лишь представлялось более или менее ясным – новая встреча как-то связана с предыдущей. Так и оказалось на самом деле.

Беседа состоялась в Касле, но не там, где проходила аудиенция, а в личной резиденции Председателя, в маленькой скромной комнате. Обстановка в ней была по-военному строгой, ничего лишнего, никаких элементов декора, тем более парадности. Минимум мебели, телевизор, видеокассеты. Ни помощников, ни официантов. Встреча тет-а-тет. После взаимных приветствий садимся за небольшой столик. Председатель, как гостеприимный хозяин предлагает выпить кофе с молоком. Несколько общих фраз, и он, со ссылкой на то, что я рассказывал ему неделю назад о нашей перестройке, предлагает мне выступить на данную тему перед слушателями Штабного колледжа, где готовят офицеров высшего звена. Высказанная им при этом мотивация такого предложения сводилась вкратце к следующему. В СССР происходят очень важные, судьбоносные события, имеющие четко выраженный международный резонанс. Подаются и воспринимаются они в мире по-разному, и необходимо, чтобы слушатели Штабного колледжа узнали о них не со слов третьих лиц, а непосредственно от советского посла.

Поддерживаю высказанные Председателем соображения, благодарю за приглашение выступить в Штабном колледже и говорю, что буду рад это сделать. Договариваемся, что меня заранее оповестят о дате моего выступления. Инициатива, как дает понять Председатель, будет за ганской стороной. Прощаясь с Председателем, выражаю готовность встретиться с ним вновь. Он не возражает. Информирование по возможности более широкого круга официальных лиц и общественности страны пребывания о внешней и внутренней политике своей страны – одна из главных задач посла. Целенаправленное выступление перед представителями военной элиты Ганы, предложенное мне Председателем, целиком и полностью отвечало нашим интересам. Раньше о появлении такой возможности было трудно и помышлять. Теперь же благодаря инициативе главы государства она становилась реальностью. Оставалось лишь должным образом подготовиться к предстоящему ответственному мероприятию, что и было своевременно сделано.¹

¹ Печатается по изданию: Островенко Е.Д. На трех континентах. Страноведческие записки. – Изд. «МГИМО-Университет», 2013.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Деятельность Международного трибунала по Руанде еще не оценена по достоинству. Возможно, это связано с тем, что данный трибунал действовал одновременно с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), который «оттягивал» все внимание на себя. В то же время происходившее в этом суде порой было более грубым извращением норм международного права, чем в МТБЮ. Трибуналу по Руанде удалось провести юридическое «освящение» одной из крупнейших международных (глобальных) спецопераций по захвату власти в отдельно взятой стране. Историкам еще предстоит восстановить, какова была роль данного трибунала и каковы были реальные события, историческую запись которого он должен был сделать. В настоящем номере мы открываем новую рубрику «Международно-правовая драматургия», где печатаем пьесу, написанную М.Коллинсом по реальным стенограммам заседаний Международного трибунала по Руанде в деле «Прокурор против А.Ндиндилииманы и других». Главным героем пьесы является один из ведущих международных адвокатов Кристофер Блэк, защищавший генерала Ндиндилииману.

The activity of the International Tribunal for Rwanda is still not fully analyzed and understood. Perhaps this is due to the fact that this tribunal acted simultaneously with the International Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), which drawn all attention to itself. At the same time, what happened in this court, at times, was a more crude distortion of the norms of international law than in the ICTY. The Rwanda Tribunal was able to conduct a legal “consecration” of one of the largest international (global) special operations to seize power in a country. Historians have yet to recover, what was the role of this tribunal and what were the real events, the historical record of which it expected to fix or rather to create. In this issue we are opening a new rubric “International legal dramaturgy”, where we publish a play written by M. Collins based on real transcripts of the proceedings of the International Tribunal for Rwanda in the case of Prosecutor v. A.Ndindiliyimana et al. The main character of the play is one of the leading international lawyers, Christopher Black, defence counsel for General Ndindiliyimana.

DEEP DELUSIONS, BITTER TRUTH

THE TRIAL OF A RWANDAN GENERAL

A Courtroom Drama in Two Acts¹

THE SET: The stage is empty but for a small table with a lectern on it around CS. On the Cyclorama is a large ‘Big Brother’ screen on which are projected images, still and moving pictures, appropriate to what is being said on stage.

IN BLACK:

FIRST Voice [Prosecutor Mr. Van]

Mr. President, if you hate somebody, it’s not because you want to live with that person. And we are in a war context. So if you consider that the Tutsi are an enemy, the Hutu, who did not want the Tutsi, and actually hated the Tutsi, logically had to hurriedly exterminate the Tutsi, or else the Tutsi would exterminate them. And that is the situation. When you say that you hate somebody, it is not a joke.

Besides, Mr. President, Your Honors, the results are there; the Tutsis were killed. They were massacred, they were exterminated, and there was genocide.

SECOND Voice [Thespis]

Yet the Tutsis minority wound up seizing state power and taking over Rwanda from the Hutu majority!

FIRST Voice

In the Karemera case, the Appeals Chamber took judicial note of that.

¹ Based on the actual trial transcripts of 24 & 25 June, 2009. Note: The scenario by Mick Collins, quotes the entire oral argument made at the conclusion of the Military II Trial at the ICTR, by counsel for the defence of General Ndindiliyimana, Christopher Black. It is hoped that the reading of it or its performance will lead to a deeper understanding of the Rwanda War as well as the reality of the show trials at the ICTR.

SECOND Voice

The order to take 'Judicial Notice' effectively removed from the Prosecution any burden of having to produce evidence to prove the genocide actually took place.

LIGHTS UP:

Alone on stage is Maitre Christopher Black, Defense attorney to Major General Augustin Ndindiliyimana, former Chief of Staff of the Rwandan National Gendarmerie during the troubles of 1993 and 1994, on trial before the International Criminal Tribunal for Rwanda, in Arusha, Tanzania, on charges of Crimes against Humanity unto Genocide.

Mr. Black is 59 and very weary from his long travail.

The Judges sit OS DR, the Prosecution is OS UR, and the Defendants are OS UL. After

SEVERAL BEATS, Maitre Black speaks, addressing the 3 judges of the ICTR, the prosecutors and the public gallery:

1. BLACK:

Mr. Sefon, (a prosecutor) yesterday, referred to two interesting books. And I find the reference he made—and the fact that he made that reference—the Prosecution made that reference, very interesting. He referred to Niccolò Machiavelli's book, *The Prince*. Everybody here, I assume, who went to law school has read that at some time. And it's a book written by a man who was forced by a regime, the Medicis at that time, to bow to a dictatorship, and decided to write a book to please his master about how to rule a people who did not want to be ruled by a dictator. And one of Machiavelli's words of wisdom in that book of realpolitik was that deception is one of the ways in which to control a people, deception and fear.

Mr Sefon also made reference to *The Art of War*, by the Chinese military scholar, Sun Tzu. That is also a very important book, studied in all military colleges and by philosophers, because it sets out how wars are really conducted. And Sun Tzu's first lesson in that book, in the opening pages, is about the art of deception, and how the art of deception is the key to winning any conflict.

And I raise that because it's quite clear that the Prosecution in this Tribunal is part and parcel of the grand deception which is being woven—has been woven by the RPF and its neocolonial masters, the United States and the United Kingdom, for the last 15 years.

Why do I say that? I will go into why it's evident that the—the Prosecution here has manipulated this Court since day-one, and how they have tried to cover up the crimes of the RPF, how they, despite the rank hypocrisy expressed by Mr. [Abubacarr] Tambadou and Mr. [Alphonse] Van, that they wish and desire international justice and the erasing of immunity from prosecution for world leaders, when they, in fact, have done nothing but grant those murderers in the RPF immunity from prosecution from the beginning.

And I'm not alone in saying this. I have here a letter which has been sent by 50 world scholars and human rights defenders from universities in Canada, the United States, Britain, from Human Rights Watch, Amnesty International. They include professors from Columbia University, Princeton, the University of California, the University of Antwerp, and on and on. Including the husband of the late Dr. Alison Des Forges, Professor Roger Des Forges, and including the former expert for the Prosecution, Filip Reyntjens, who refuses to work for the Prosecution any longer. This letter is addressed to Ban Ki-Moon, President Barack Obama, Prime Minister Gordon Brown, and copied to Hillary Clinton and various other American and British Foreign Ministry officials, because, obviously, they're the ones who control this Tribunal. It is also copied to Judge Dennis Byron, and to Prosecutor Hassan B. Jallow.

It says that Mr. Jallow—that the RPF has committed crimes, and that Mr. Jallow expresses an evident reluctance to prosecute these RPF crimes. And this is clearly the result of intimidation and obstructionism by the RPF, which now rules Rwanda. The Prosecutor, Jallow, has severely compromised his prosecutorial independence and the Tribunal's integrity.

But they conclude with this: "In conclusion, we call on you to ensure that the ICTR prosecutes RPF crimes. This issue should be raised when Prosecutor Jallow addresses the United Nations

Security Council about his completion strategy on June 4th, 2009. Unless the Prosecutor acts swiftly, the ICTR will squander not only its last chance to provide accountability for those serious crimes, but also its legitimacy.”

It's dated May 31st of this year. Another professor, Dr. Hans Köchler, at the University of Innsbruck in Austria, and who was selected as the Secretary General's personal representative at the Lockerbie trial and still acts in that capacity, wrote a book called *Global Justice and Global Revenge*, about these ad hoc tribunals and, with respect to the ICTR, stated that the Prosecution has engaged in selective prosecution on 'a massive scale,' quote-unquote, 'a massive scale.' Now, why?

I don't think Mr. Jallow is afraid of a little man like Mr. Kagame in in Kigali. No. Mr. Jallow is not afraid of that little man. He is controlled by bigger powers than that. And that's why this letter is addressed to those powers. And if my friends over there [the Prosecution] want to sit in service of neocolonialism, shame on them. But I don't think this Court should acquiesce to the planning out of neocolonialism and imperialism in Africa by listening and accepting the manipulations presented to this Court and the argument they pretend to make as evidence.

Let me get to the argument. When Prosecutor Lloyd Strickland stood up and said, correctly, that he had to deal with the challenges raised by the Defense brief in our case, it's quite true. I submit that the argument we presented has built, brick by brick, a wall of reasonable doubt which they cannot ever penetrate. So what do they do? Instead of trying to refute the argument we made—the written argument we made—they leave it—which I would interpret as their ceding the case to us.

Instead, he gets up and makes a couple of comments about Kansi and Saint André college and then engages in a slanderous attack on General Ndindiliyimana and that he's just a born liar because he's a politician.

—I'll refute that later.—

But they make no other argument at all. And I was surprised when the arguments here started. I've never followed the arguments in these cases really. But I expected, even when I was in law school, that—I was taught that when you make a legal argument, you have to deal with the argument that the other person made.

The Prosecution, in its brief, just puts out nothing but RPF propaganda. It's as if they were never at the trial. They ignore their own evidence. They ignore our evidence. And they just repeat the accusations in the indictment and page after page of pure RPF propaganda. And then, when they come to their oral argument, you would expect that they would have something to say to knock—to try and knock out our argument. But no, they don't, because they can't. So they resort to innuendo and slander.

Now, let's look at how they start off with this RPF propaganda campaign, which they've engaged in since this trial began. I agree with Mr. St Laurent that they mischaracterized the history of Rwanda totally. For instance, at their paragraph 41, they say that since 1959 the country has suffered ethnic unrest following the Hutu social revolution.

Well, whose fault was it that there was social unrest in Rwanda? Because the émigrés, the aristocracy, and the King, the King's clan, when they fled, because they were being hunted by the Belgian police for murdering Hutu bourgmestres who had been elected, attacked the country many times between 1959 and 1973. And you heard evidence from the UN—from UN documents which agreed that there was no reason for those attacks. They were completely gratuitous. Murdered people right, left, and centre, and they were forced out. And there was no unrest after 1973 and until 1990.

The country was, as everybody knows, considered the “Switzerland of Africa.” Why? Because it did have social and ethnic cohesion. It was a very poor country—even though it was a poor country, it did have a progressive government, one of the most progressive in Africa. It was a model for African development and Third World development.

Then, in October 1990, that's all destroyed. And why? For no reason at all except that the Tutsi aristocracy in the Ugandan Army, and President Yoweri Museveni, and their allies, all wanted to conquer Rwanda in order to invade the Congo. And that's the only reason.

Then they say, in paragraph 42, that since then Rwanda has been a time bomb, which went off on April 6th. No, it wasn't. Rwanda was not a time bomb until 1990 when the RPF attacked.

I was going to go through their paragraphs seriatim. It's easier for me to do it that way.

The military, ¶43. They say the military involved in the conflict are the Rwandan Armed Forces [FAR] and the RPF. Well, no. That's not true, either. The attack was made by the Ugandan Army, by Mr. Museveni. But they don't charge him.

Every member of the RPF was a Ugandan Army soldier, every one of them. They used Ugandan military equipment: Trucks, vehicles, weapons, heavy weapons. They all carried their Ugandan NRA identity cards.

The RPF is not a rebel movement. It's a ring within the Ugandan army disguised as a rebel movement.

[Tutsi Historian] Antoine Nyetera testified here that many Tutsi businessmen wrote them a letter saying, "We don't want this war. Who are you? You don't represent us. Things are fine here for us. Why are you destroying the country? Destroying everything? For what?"

Paragraph ¶50, they say another false thing: That Augustin Ndindiliyimana was designated as chair of the Crisis Committee. Well, no, he was not. And I—you read in my brief. I'm not going to argue about that too long. But it's quite clear that committee ceased to exist April 8th. It's quite clear that the only reason he took over the meeting on the 7th was that [General Théoneste] Bagosora was trying to take over and that [Leonidas] Rusatira and Ndindiliyimana opposed Bagosora, and, therefore, Ndindiliyimana stepped in to solve the dispute. That's the only reason.

General Dallaire confirmed that. Alison Des Forges confirmed that.

They say, at paragraph ¶63, that the Rwandan Patriotic Front is a political and military movement whose adepts were drawn from the Tutsis in the diaspora. As I say, that's not true. They were not drawn from the Tutsis of the diaspora. And, as I said, they were the Ugandan Army.

And Antoine Nyetera said that he was surprised when the RPF columns came down from Mt. Rebero in July, when the FAR had retreated. He was surprised to see that most of them weren't Tutsis at all.

They were Eritreans, Ethiopians, Somalis, Tanzanians, and Sudanese. Remember their hair down to their shoulders, dark as pitch, tattoos everywhere: Mercenaries.

This myth that the RPF was some sort of 'People's Liberation Movement' was bought hook, line, and sinker, by many people in the West because of propaganda put out by Des Forges and her acolytes.

But nobody buys it anymore.

They say that—at paragraph ¶64—that Prime Minister Sylvestre Nsanzimana's government collapsed.

There was no collapse. And then that a Transitional Government was formed on April 16th, 1992. No, it wasn't. A Coalition Government was formed in 1992. Why? Because President Habyarimana had acceded to French and American influence and agreed to a multi-party democracy.

And there were successive governments, all made up of parties which represented the people and with different views. There's the MRND, PSD, PL. And whom did they represent, really? The RPF.

It was a Coalition Government. It was not 'Habyarimana's Regime.' It ceased to be that in 1991. Habyarimana

was just a figurehead. Pro-RPF Prime Ministers were in charge of the country. So there was no reason at all for this war. But the RPF persisted.

They say, at paragraph ¶65, that the United Nations and UNAMIR got involved in the conflict with the aim of resolving it. And that's not true, either. UNAMIR—the UN did not try to resolve this situation.

They actively acted on the side of the RPF and ensured their victory.

Mr. [Canadian Defense attorney Ronnie] McDonald put to General Dallaire questions about many situation-reports where General Dallaire was receiving information about the build-up for

the offensive launched on April 6. He never passed it on to President Habyarimana or to General Ndindiliyimana or to anybody else. He passed it on to New York.

But he kept it secret from the Rwandan government. He said, “Oh, I didn’t receive those reports.” But it’s quite clear he did. They are all addressed to him.

He lied to the French and German ambassadors when they asked him about it. “We hear rumors they’re building for an offensive.” “Oh, I don’t know anything about that.” He lied.

And it’s quite clear he didn’t do it on his own. General Dallaire’s a very competent officer. He did exactly what he was told to do.

They say that Prime Minister Dismas Nsengiyaremye was against the handing out of—the distribution of weapons to the population by civilian authorities, implying that the Civil Defense was some sort of evil mechanism to kill Tutsis. Well, we all know the reason why Dismas Nsengiyaremye was against that: because he was an active agent for the RPF and didn’t want the population to be armed against their attacks. He broke up the intelligence—the civil intelligence service. We heard evidence on that.

They say at paragraph ¶67, that UNAMIR’s mandate ended on March 8th, 1996. That’s also a lie.

UNAMIR II ended in 1996, but UNAMIR I ceased to exist, in all practical terms, by April 17th, 1994, when the Belgians pulled out and the Americans in the Security Council refused the Rwandan government’s request for 5,000 more troops be sent in. The Prosecution wants to bury that.

You don’t want the people to know that the Rwandan government asked for 5,000 more men to be sent in in April. And you don’t want the world to know the Americans refused that request and pulled out the UN forces in order to allow the RPF free access to roam around murdering and massacring everybody.

General Ndindiliyimana testified. You say that the Americans brought US weight to bear on the Rwandan conflict. Well, they sure did. Paragraph ¶71. They tried to lure Habyarimana out of the country and keep him in Washington. In October 1990, on the day of the attack, he was with Mr. Museveni. They lured Habyarimana to Washington. Well, Museveni knew his men were going to attack Rwanda. The Americans knew that, and then they offered him sanctuary.

Instead of condemning Museveni, they say, “Well, Mr. Habyarimana, why don’t you stay here? It will be fine.” And this is the same time when Iraq invaded Kuwait. Iraq invades Kuwait, which they had some claim to, and the Security Council and the United States bring all hell down on Iraq and Saddam Hussein. At the same time, the Rwandan ambassador in the Security Council asked for the United Nations to condemn the attack by Uganda against Rwanda. It doesn’t even get on the agenda.

That’s how Big Power politics are played. In one situation the attack has to be—the aggression has to be condemned. In the other, “Let’s just hush it up. It’s okay.” Because that aggression suits our purposes.

And UNAMIR II only came in—they sent more men in for UNAMIR II after July 1994. Why? It’s quite clear: to consolidate RPF power. And once it was consolidated, they left. Now the Americans have three bases in Rwanda, right in the heart of Africa.

Then in paragraph ¶68, they refer to the resolution adopted by the Security Council to create this Tribunal. But they forget to tell the Judges—to remind the Judges that—as I read into the record during cross examination of one witness—I think it was maybe Des Forges—that Herman Cohen threatened to kill Habyarimana in October 1993, and said, unless he ceded all power to the RPF—ceded all power, not shared power—ceded all power to the RPF, they were going to kill him. And they were then going to set up an international tribunal to try the rest of his crew. And that’s exactly what they’ve done. They killed him, and now we’re all here. It’s not magic.

Then, again, they go into this strange attack on France. France was Rwanda’s friend. Well, that’s true.

But so was America and Belgium, at the time. Rwandan army officers were trained in the United States and Belgium and Germany. Rwanda also had friends in the Soviet Union—the former Soviet Union, North Korea, West Germany, Canada, Israel. It wasn’t just France who supported Rwanda.

And who forced the French out? The RPF did, in 1993. The RPF, “We don’t want them here,” and the French left.

¶72. They talked about the fact that the Organization of African Unity remained inconspicuous. Well, that’s no big secret. And why? Because President Museveni was the president of the African Unity Association—OAU, sorry. And Salim Saleh [Museveni’s half brother and principal advisor] was the secretary. And, here, Mr. Museveni was in favor of the attack on Rwanda, because Tanzania had designs on Rwanda itself. It’s no surprise the OAU said not a word about the aggression by Mr. Museveni against Rwanda—not one word!

And they make a surprise admission in paragraph ¶73. It says, “Some Human Rights NGOs, such as Human Rights Watch, were, because of their public and official stance for peace and against human rights violations in Rwanda, assimilated with the international community”—which is just a euphemism for the United States and its puppets. That’s right. Human Rights Watch and the rest of those NGOs are part of the United States and British intelligence services.

That’s quite clear. Everybody knows that, too. It’s no secret outside this courtroom. I don’t see why it should be a secret inside this courtroom.

Everybody knows who funds those groups and who runs them.

And then it says, “Mostly, the International Community”—which is really, again, a euphemism for the United States and its allies—is made up of all those people worldwide who had seen the atrocities and were deeply appalled.”

Well, no. That’s not true. The whole world was deeply appalled by what happened in Rwanda, not just the international community, that is, the United States, the UK, and its allies. The whole world was appalled, because the RPF murdered millions of people and is still doing it in the Congo.

In paragraph ¶75, they mention, in respect to the Interahamwe, that somehow the Akazu[‘Little House’ in Kinyirwandan, a group of ‘Hutu Extremists’ gathered around President Habyarimana and his wife Agathe and supposed by the uninformed to be responsible for planning and instigating the Genocide, even unto assassinating their own leader, the Rwandan President—cm/p] was involved in the creation of that organization. There’s no evidence in this trial about the Akazu. I don’t know where Mr. Van—who wrote this—but there was no evidence whatsoever about the Akazu in this trial. But that’s just, again, to inflame you.

They say in ¶77, quite correctly, that the Interahamwe president was Robert Kajuga, a young Tutsi businessman. That’s correct. As was the (Witness’s official position is redacted here), 006, you brought here, being protected by western governments. He’s also a Tutsi. It’s very strange that an organization controlled by Tutsis is supposed to be accused of killing Tutsis.

And yet, apropos of that, I draw your attention back to that video we showed—that my co-counsel Mr. Lurquin showed here, a video of Captain Amadou Deme, a UN officer at the time, giving bulletproof vests and weapons to an Interahamwe leader. Now, the ramifications of that are quite extraordinary.

We’ve alleged for some time, and now, because of the disclosure, they finally gave it to us after many years, statements of RPF officers confirming that many of—or, at least some of—or, many of the so-called Interahamwe roadblocks in Kigali were actually manned by RPF, and that the RPF infiltrated the Interahamwe.

Lt. [Abdul] Ruzibiza, since we’re bringing things out—from outside the case in your argument—testified in Military I that they did infiltrate the Interahamwe, killed people in order to discredit the government and create chaos behind the government lines. And they were very successful. So that ties in with the video and my submission that the UN forces were involved in helping the RPF.

They actively gave Interahamwe leaders bulletproof vests and were joking around with their submachine guns and drinking. This is in—after the so-called massacres have begun. You don’t want the world to know about that either. The UN wasn’t just negligent. They were actively involved, because the UN, which was the hope of the world in 1945, 1946 . . . “There will be no more war, no more aggression.” And if the General Assembly ran things, there wouldn’t be. But the Security

Council, run by the United States and the United Kingdom, have twisted it and destroyed it until there's nothing left.

And now they attack countries and nothing happens, nothing is said, and we have this game going on in the Tribunal where these eminent Judges and us are just wasting our time.

And they say, again, the Interahamwe is the armed militia of the MRND. Well, there's no evidence of that. They've got no evidence—no credible evidence they were ever an armed militia.

And I draw the Judges' attention to the fact that the law—Rwandan law stipulated that armed militias were banned—under the penal code they were banned. Yet neither Prime Minister Nsengiyaremye nor Prime Minister Agathe Uwilingiyimana banned the Interahamwe or any other group under that code.

Why? Because they knew they were not an armed militia. They were just an ordinary youth wing in a political party.

But to discredit the MRND, because that was the party of the majority of the Rwandan people and the so-called Hutu party—even though it had many Tutsis in it, the propaganda was the MRND was the bad party, and they try and equate them, somehow, with Nazis in Germany. They try and discredit that party by attaching that party to the Interahamwe youth wing and saying they killed people on a mass scale.

So they identify every killer, any bandit, or anybody who killed for any reason whatsoever, and they say that was Interahamwe. Even though their witness, their own witness, 006, AOG, the (Witness's official position is redacted by the Tribunal), said there were only 1500 Interahamwe in the entire country and most of those were in Kigali. You tell me how 1500 people, most of them in Kigali, could do what they say they did.

But as Mr. Ciré Aly Bâ said here—and as they say in here—“Everybody who killed was Interahamwe.”

That's their point of view. Every Hutu is Interahamwe; therefore, every Hutu is guilty. It's collective punishment, collective guilt. And this is supposed to be an advance in International Justice.

They say in paragraph ¶80, “October 1st, 1990, the RPF launched an attack against Rwanda from the Kagitumba border post. A surprise attack was a complete success, and the sole garrison of Mutara was overrun.” Like the Prosecution is proud of the fact the RPF launched a war of aggression! A surprise attack, a dirty surprise attack, in the midst of negotiations over refugees' return, murdered everybody at that border post, and started a horrible war. And the Prosecution says it was a SUCCESS. And yet they don't charge the RPF. They actually admit they committed a war crime. Because at the Nuremberg Tribunal, the supreme war crime is committing aggression, because all other crimes follow from that, and if you don't condemn that, there's no point. But they're proud of that.

And then Belgium and France, Mobutu, they decided to send troops to assist the FAR, which was in disarray. Yes, the Rwandan Army were in disarray, because nobody expected to be attacked like that.

The Rwandan Army, 5,000 men, wasn't expecting a sordid, dirty little attack like that, which killed thousands of civilians, mainly Hutus.

And Kagame brags about, “Oh, I—I—I was trying to stop the genocide.” What was he doing? Hutus don't count? He kills Hutus, and that's not genocide? Why did he kill those men at that border post?

Why? Because he liked them? He obviously hates Hutus, and probably most of the Tutsis inside the country, really, too. But the Prosecutor does nothing. They—they're—they're proud of what their man does.

They say in ¶84 that the peace negotiations culminated in the signing of the Arusha agreements in 1993. Well, that's not true. I mean, it's true that there was—there were the Arusha Accords, but they weren't a peace agreement. They were a ceasefire agreement, while certain things took place politically.

But what the Prosecutor leaves out at paragraph ¶84 is the fact that between October 1990 and the signing of that accord, there are several other ceasefires agreed to by the RPF, and every one

of them was broken by the RPF. EVERY ONE! Not by the FAR, but by the RPF. And in February 1993, the biggest breach of the ceasefire was when they attacked Ruhengeri and killed, in two weeks, experts say, 40,000 Hutus. Forty thousand! And we had soldiers testify here who saw what they did. They testified how the RPF treated people, cut women open, cut their eyes out, tied their hands behind their backs and hit them with hoes, because that's the iconic symbol of the Hutu peasant. And still the Prosecution is proud of them and does nothing.

Not only did they kill 40,000 people in those 14 days, before they were pushed back by the army, they drove out, because of the fighting, one million, mainly Hutu peasants, driven out of their homes, burned their homes down, drove them down to Kigali to the camp at Nyaconga. So you had around Kigali one million refugees out of a population of 8 million. And they took over the breadbasket of Rwanda, which created starvation in the rest of the country.

This is your humanitarian, Kagame. This is your hero. And you blame General Bizimungu. You blame General Nindiliyimana.

Up to this point the FAR has killed no one! The government, which is a coalition government with pro-RPF people included, has killed no one. RPF. RPF. RPF. RPF. Planting mines, blowing up kids with land mines. And they placed anti-tank mines on roads. Can you imagine!/? Not just anti-personnel mines. Do you know what an anti-tank mine can do?

[VO] Presiding judge

Mr. Black, just give me one minute.

1. BLACK:

Sorry.

[VO] Presiding judge:

In reference to a Witness 006, AOG, you referred to his official position. I think we should place that under seal.

1. BLACK:

Oh, sorry about that. Yes. I'm sorry.

[VO] Presiding judge:

Yeah.

1. BLACK:

All right. That's all right. You're right.

Why do you—so why does the Prosecution mislead—try to mislead the Court in this argument? Why?

Because they are protecting the RPF, and if they don't put out this false story, then the context in which they accuse these men here doesn't make any sense. Because if the world knew that there was not just an explosion on April 6th, there was an ongoing war for four years in which the RPF assassinated people, committed acts of terrorism every day, created millions of refugees and murdered tens and tens of thousands of people, all mainly Hutus, but their attitude is that the only good Hutu is a dead Hutu.

That's obviously their attitude.

Then they say, in ¶87, the Arusha Peace Agreements ended the war. No, they didn't. That was just a ceasefire, which was again broken by the RPF on April 6th, when they murdered the president.

Who started the massacres on April 6th? The RPF.

The first massacre was committed by the RPF. They shot down that plane. Twenty people on that plane, two Hutu presidents. And, including the president killed in Burundi, the Hutu president murdered by them, because the RPF is implicated in that killing, too, in Burundi, in October, six months before: that's three Hutu presidents murdered in six months or nine months. Still they do nothing.

Louise Arbour orders an investigation into the Habyarimana murder, and you find out—the Prosecution finds out it was the RPF that murdered those people. Michael Hourigan is called to The Hague to talk to Louise Arbour about it, from his affidavit which is filed here, one of your—the only—one of the few people on the Prosecution that's got any courage and integrity. And he

went to Louise Arbour and says, “We know who did it. It wasn’t the Habyarimana—or the MRND extremists. It was the RPF.” And implicating the CIA.

Louise Arbour tells him to burn his notes, and she takes his disks, his CD with all the information. And she kills that investigation.

Yet she’s a heroine in Canada. And she covered up and protects and is an accessory after the fact to murder, to mass murder.

[Carla] Del Ponte’s continued that policy, and Mr. Jallow continues that policy. And they still pretend, “Oh, maybe Hutu extremists shot down their own president.” It’s laughable. Now you’re making a film about Louise Arbour, looks like Dallaire. The propaganda put out is intense. But it doesn’t matter a wit, because History will find out that it’s not true. It’s all nonsense.

And History will absolve all these officers here eventually. And you will be condemned, because you’re acting for the neocolonialists and the imperialists, not these men. These men were fighting for majority rule and democracy in Rwanda. They didn’t start the war. Your people did.

They mention, paragraph ¶88, about Operation Clean Corridor, supervised by the MINUAR. Well, yes.

Also the Coalition Government and the Gendarmerie. Remember the letter Colonel Marchal sent commending General Ndindiliyimana and the gendarmes for helping bring the RPF into the CND, which got General Ndindiliyimana a lot of flack because many people saw this as a traitorous move, helping the RPF put a battalion of their own men right in the centre of the capital. The critics turned out to be correct. It was a Trojan horse. But his hope at that time was that this was going to lead to peace.

Everybody believed that, in the government and the FAR.

Ambassador Swinnen said the Rwandan army supported the Arusha Peace Accords. Colonel Marchal said that, too. Colonel André Vincent, who later became deputy head of Belgian Army Intelligence, said the Rwandan army always supported the peace accords. It was the RPF who opposed them all the time. They put up one obstruction after another—not the government, not the FAR. And why?

Because if the accords were fulfilled and the transitional government was actually installed and then elections were held, the RPF knew it was going to lose everything. It would lose all power, because the majority of the people would still vote for the MRND or its allied parties. They would control a minority in the government, and they would have gained nothing after four years of war.

That’s why they hit the plane on April 6th, because they don’t believe in democracy. They believe in minority rule. And they want to restore exactly that. They laugh at me in here by saying, “Oh, the Hutus say the RPF

wanted to restore the oppression of the pre-revolution days.” That’s true. That’s exactly what they’ve done. There’s no Hutu mass party in Rwanda now. Anybody who tries to start one, they’re put in jail or killed or disappear. It’s like Chile.

Paragraph ¶89. [Heckling] No. That’s okay. . . . They say that the president of the republic took the oath of office on 5th January, but other institutions were never set up, as all attempts to do so remain fruitless. Well, why?

Again, the attempts were fruitless because the RPF put up roadblocks at every step.

President Habyarimana was sworn in on January the 5th in the morning, but the swearing – in ceremonies for the Deputies in the afternoon were cancelled. Not by these men here [ind the accused]. Not by the FAR. Not by the MRND.

It was cancelled by Prime Minister Agathe Uwilingiyimana, whose letter we’ve filed here, but which the world had never seen. She sent a letter saying, “Afternoon ceremonies cancelled”—with no reason given and no further date given. She cancelled it because the RPF wanted it cancelled. Because you could have had a coalition government, a transitional government on January the 5th. There was no obstruction whatsoever, except that she cancelled the swearing-in ceremony.

Because soon after that, in March—they called for elections in March. The MRND and its allied parties would have won, and the RPF would have been sitting out there with no excuse for the war anymore.

So they cancelled it. Colonel Claeys, of the Belgian army, who was called by the Prosecution—this is their evidence, your evidence—said that on January the 8th, when they tried to swear in some Deputies for the pro-RPF parties, when President Habyarimana was out of the country, in his absence, he said that that could be construed as an attempted coup d'état. Luckily, Roger Booh-Booh wouldn't take part in it, so the ceremony couldn't take place.

So on January the 5th, they cancelled the swearing in ceremonies of all the Deputies. January the 8th, the president's out of the country. They try to swear in their own Deputies to take over the government.

But Roger Booh-Booh, the UN representative, said no way.

And even your witness said there was an attempted coup d'état. It's not my evidence. It's your evidence.

Then going down to paragraph ¶90. Evening of April 6, President Habyarimana has his plane shot down. Well, yeah. By whom? The RPF. Do you charge them with murder or a war crime? No.

And you make up some cockamamie story about, "We don't have jurisdiction." But it's quite clear you do. It's quite clear you found out who did it. You've known since at least 1997 who shot down that plane.

And the RPF immediately began hitting everybody else in that city they wanted to eliminate. The troops left the CND that night. We had a report from a Belgian sergeant, Tabour, I think, an intelligence report in which—from Lieutenant Nees, including a statement from this officer—or this Mr. Tabour—saying, he received instructions from his commanding officers that you can expect an RPF column from the CND to cross your point to attack Camp Kanombe—I mean, to attack, yeah, Camp Kanombe, I think it was. "Do not resist it. Do not oppose that movement." And he said that they crossed. But they were stopped. The attack on Camp Kanombe on the night of the 6th was stopped by the FAR.

So this line that Kagame puts out—that, "We only attacked when killings began. We wanted to save the world"—Is just nonsense. And even Alison Des Forges stated that the myth put out by Kagame that he started the war, or let his troops loose to stop it—I'll find it later—to stop the killings was false. That's a myth. She said he never cared about people. He only wanted to take power by force of arms. That's in the testimony of Mme. Des Forges. And that's your witness. You're stuck with that evidence. It's not my evidence. It's yours.

Kagame couldn't care less about people's lives. And Ruzibiza, in Military I, testified that he left—and many RPF officers left—because they felt betrayed. They actually believed the RPF was a liberation movement. And they were hoodwinked. And when they asked Kagame's permission to go on the streets, because they had more men in Kigali than the FAR, and control bandits and 'Interahamwe,' if you will, Kagame refused to let them do it, because he wanted people killed, because that gave him support from the International Community, because then they could say it was a genocide. And it created chaos behind the Rwandan lines. Any support this government had in the International Community was totally—it just evaporated with all his propaganda, and that's why many of the RPF officers fled and left, in bitter disillusionment, and came here to testify.

Then they say, in ¶94 again, the Crisis Committee, they, in total disregard of the provisions of the Arusha Peace Agreements, formed an exclusive Hutu government. Well, I'm not—you can read my brief—I'm not going to repeat all that again. It's quite clear that the Crisis Committee, from your witnesses, Des Forges and Dallaire—not just General Dallaire, but General Ndindiliyimana and the FAR officers who testified here—it's quite clear that that Committee was set up only to ensure security for the continued working of the civilian government, because they'd been—the prime—because the President's been assassinated. The army Chief of Staff is murdered. There is a security vacuum. So the Army and the Gendarmerie and the UN—because General Dallaire and Colonel Marchal show up at those meetings together—so they try it: "How are we going to control security

so the civilians—so we can try and pull back the Arusha Peace Accords somehow.” So it was not in total disregard. It was in exact accordance.

Despite the fact that it’s clear the RPF broke the Accords, they were a dead letter. They just burned them in the ashes of that plane. Men like General Ndindiliyimana and others—with his help and at his invitation—others like General Dallaire, Marchal, Booh-Booh—all tried to pull the Accords back from the ashes. They asked the RPF, “Stop fighting. Stop your fighting. For with the ceasefire we’ll just keep the—we’ll just get new people in the government and keep going.”

They refused because, obviously, they didn’t want to. They’ve attacked. They’ve got the advantage, a surprise attack—in the sense that they’ve got 10 to 14,000 men in that city—maybe twice as many as the FAR probably have at that time.

And yet the FAR, in my view, were naive enough to still believe that it is possible to talk to these people.

“Ask for a ceasefire.” They’re pleading with Dallaire, “Ask for a ceasefire. Ask for a ceasefire. Ask for a ceasefire. We can’t do anything. We don’t want a war.”

Dallaire comes up—comes back and replies like the RPF—arrogant, obstinate, “No. No. No.” And even on April 12th, when several senior FAR officers actually offer the RPF an unconditional surrender, “We give up. Unconditional surrender. It’s over. You won.”

What does the RPF do? They refuse that. Why? The killing could have stopped on April 12th. But they don’t want the killing to stop. They don’t want the war to stop. Why? Because if they—if they agree to a ceasefire then, they would have to negotiate with the government. They would have to agree to things. They would not get all power. They would have to share power.

And the FAR would still exist. They would still have to integrate their forces with the FAR. And my friends over there [and the Prosecution] talked about, “Oh, the FAR was against the Accords because a lot of men were going to lose their jobs and positions in the Army.”

But that was also true of the RPF. Most of the RPF would have to be demobilized, and all the RPF officers would be out of jobs. Don’t they have a motivation to break the Accords? If you can argue that way against the FAR officers, it applies equally to the RPF. What were those men going to do? Roam around the streets in Kigali? Go back to Uganda? What? They’re not farmers. They’re soldiers. But no. The RPF disappears in the Prosecution’s entire theory. In their argument there’s no mention of the RPF.

¶96: They say some—oh, ¶95, an astonishing statement—General Ndindiliyimana and Colonel Bagosora’s Crisis Committee had just buried the Arusha Peace Agreements. I mean, come on! You’ve got to be kidding me. RPF shoot down the plane. They attack. They won’t agree to a ceasefire.

But these men want to continue the Accords. And you say they’re the ones buried it when they invite the UN in and say, “How can we keep it going?” And that’s your own witnesses talking.

What surprises me and what the public doesn’t know—or realize—is that this is their case. This is not my case. General Dallaire said that. Dr. Des Forges, this celebrated expert, said that here. And I’m going to read some excerpts later about how she talked about General Ndindiliyimana doing all he could to keep the peace accords going. Ambassador Swinnen who—you name it.

And yet they put this lie in their brief. It’s as if they were never at this trial. Or that the purpose of the brief is not to make an argument but, again, to be distributed to the press here, to Hirondele and their allies everywhere, and just to put out a propaganda tract. That’s all it is. It’s not an argument about the evidence in the case.

It, in fact, ignores everything that Dallaire and Des Forges say. Nowhere in their argument do they refer to their main witnesses, Des Forges and Dallaire, except in passing. Why do they suppress that? Two of the most important witnesses ever to testify at this Tribunal, and it just disappears from the argument totally, which again supports my opening remarks that they—they’re just working for the RPF and those—the people behind them.

I want to make a gratuitous remark that Mr. Van made also, that from 1973 on, the Rwandan government was laced with military officers. Well, so what? That’s not relevant to anything.

The United States, which controls your office completely, is heavily infiltrated or ‘laced’ with the American military—ex-military officers, present military officers: General Colin Powell, General Eisenhower, Alexander Haig, Brent Scowcroft. I can go on and on with a list of American military officers holding high places in government. It’s nothing new in the world. Many other countries have military officers in government positions. So what?

And what was the RPF? It was a—you say it was a political/military organization. Well, if it’s okay for the RPF, your heroes, to be a political/military organization, what’s your problem with the Rwandan government?

Paragraph ¶100. Talking about the attack of October 1990, they say—they admit that—that Rwanda was attacked from Uganda—which makes it an international war, by the way, not an internal war. They say the RPF talked mainly of the return of refugees and democratic reform. That’s false also, because we heard testimony from many witnesses, experts and UN documents, that in late September there was an agreement between the UNHCR, the OAU, the UN, Uganda, the RPF wing of the Ugandan army, and the government in Rwanda that there would be a mass-. . .—they would allow, finally, a mass return of refugees into Rwanda, which is difficult because it is such a small country.

And the agreement was that the Tutsi refugees who wanted to return would send a delegation to Kigali to discuss the mechanics and logistics. Like where are they going to put these people? What are they going to live on? Who’s going to house them? And the government was expecting that delegation to come. Instead, what do they get? Machine gun bullets and murder!

Because once that agreement was signed, the excuse for the existence of the RPF ceased to be. Their excuse was, “Oh, we want to come back to Rwanda.” Well—and it’s quite clear that individual Tutsis could always go back to Rwanda at any time they chose and many—and we had people testify they came back. There’s no prohibition with Tutsis coming back if they wanted to, singly or as families. But it always was a concern for the government that 30, 40, 50,000 people come back, because they had a problem with that before. And no country could absorb that many people without problems.

And talk of a democracy. That also was a figment of their imagination, because what happened in 1991? Aggiornamento. (Not sure I pronounced that right.)

The French president and the Americans put heavy pressure on Habyarimana, after the collapse of the Soviet Union, to allow multiparty democracy. Did he resist? No. He changed the constitution, and Rwanda was changed from a semi-socialist one-party state into a multiparty Western-style democracy.

Even during a war—the country is now at war—and he still did it—which is amazing! No other country would have done that in the middle of a war. Changed their entire constitution and allowed parties to be set up which were obviously fronts for the enemy. But he did, because he’s bending over backwards to stop the war and take away every excuse from the RPF to keep conducting that war. But still they press—they press—they press for more—for more—for more. And they never stop, because they were not interested in democracy. They wanted to take all power. And finally, with Herman Cohen’s threat and its realization, they took all power, and they have it now.

They say on October 4th, 1990, in paragraph ¶101, the Rwandan Government Army staged a fake attack on Kigali. That’s also a lie. The evidence was that this fake attack was conducted by RPF agents inside Kigali, as a feint, F-E-I-N-T, a diversion, to draw the Rwandan army away from the Northern Front, where they were facing the RPF, in order to give the RPF an advantage.

But the FAR did not fall into that trap. They did not withdraw from the front, as they hoped to counter a threat in the capital. And the Americans were implicated in that too, because it was—the information was put out by an official of the American Embassy in Rusatira. It was a deliberate Black Op, Black Operation, to try and allow the RPF to win right there and then. You can read the evidence on that. I won’t go into it in detail. And then they complain about 10,000 people being arrested. Yes. Well, the country is at war. There is a feigned attack, machine gun fire all over the capital at night and nobody knows who’s firing. And they arrest people.

What do the Americans do after 911? Arrested tens of thousands of people. Some are still being held indefinitely, ten years—nine years later—eight years later. What country wouldn't protect its own security and wouldn't arrest suspects?

What amazes me is that those people were all released in six months. In the middle of a war—and there's no doubt some of them were involved, and I think there were charges laid that some of them were involved—they released them! The Americans didn't do that.

Look what happened to the Japanese after their surprise attack on Hawaii. Every Japanese citizen in the United States was put in a concentration camp and kept there for the entire length of the war. No proof they were involved in anything whatsoever. Property seized. They never got those properties back. Some compensation came, like, 50 years later.

But you complain that this government under—in the face of an enemy attack, takes reasonable security measures to protect itself. And that's a—that's a sign of an anti-Tutsi bias. I mean, its crazy!

In paragraph ¶105 they say that, while the Rwandan government was talking peace with the RPF on one hand, on the other it was preparing for war and a final solution to the Tutsi problem in Rwanda.

Well, no. It's interesting they incorporate the Nazi German reference to the Jews, "Final Solution". It's all very dramatic, like Mr. Tambadou's fake histrionics yesterday, where he tried to tear at our heart strings because he has no facts to base his argument on.

No. Colonel Vincent and Colonel Marchal went in and testified quite clearly that the fight at the—the talk-and-fight strategy was the strategy of the RPF. They would talk, get you to agree to a ceasefire, make some concessions, and then after that they would attack again, push you to the wall. Get some more concessions. Another ceasefire, attack again. This is totally false, and it's against the evidence in this trial. And, again, it's as if the people who wrote this—I don't know who wrote this. I suspect some of these lawyers, they didn't write this. Somebody else did. Because nobody in this trial could have—no one who was here could have written that and be honest.

It was the RPF that engaged in the—in the fight-and-talk strategy, and they were the ones preparing for a final solution. I referred in cross-examination to a letter sent to the UN in 1999 by—I think it was a Captain. Not sure if it was a Captain, but . . . Christophe Hakizimana, an ex-RPF officer. He wrote a letter to the UN at the time the UN was doing an internal investigation on what went wrong.

And he said, you—"The UN is investigating the wrong people." He said, "We killed 2 million Hutus in those 12 weeks." Two million and still continuing. And he gave a very detailed outline of the RPF strategy and tactics up to that point: Destabilization; Black Operations; False Flag Operations; sabotage; assassinations, which they blamed on the government; feeding false information to NGOs; planting people inside the government and NGOs; economic destabilization; starting newspapers to create ethnic tension. The RPF were the ones that started that strategy to divide the people, not the government, not the FAR. And yet, despite that letter, which the Prosecution I'm sure has—and they have evidence of this—they claim—they don't mention dead Hutus. Every dead person is a dead Tutsi or a moderate Hutu.

It's like the Americans used to do in Vietnam. Every Vietnamese they killed in their bombings was a

dead Vietcong, every one of them, millions.

And the Prosecution doesn't prosecute. I remind the Judges that on your Rule 68 decision, when they were forced to give us disclosure, they had found 3,000 more pages. We found in there statements from RPF officers, where they received officers from Kagame personally.

I will give you two examples. "We have thousands of civilians, Hutu civilians, in Byumba stadium. What do we do with them?"

Order: "Kill them."

"We have thousands of civilians in Gitarama stadium, including former government officials. What do we do with them?"

His orders, "Kill them all."

This is in May. In June. “Kill them all!”

They’ve had those statements for over ten years. And that’s why they didn’t disclose them, because they don’t want to charge the RPF, even though they committed massacres on a mass scale.

I refer to the Gersony report. They hid that from us. At least we found his preliminary report, which was sent to the UNHRC in October 1994 where he said to the UNHCR, “I have done a study and it’s my conclusion that the RPF engaged in systematic and planned widespread massacres against the unarmed and defenseless Hutu population.” And they were continuing to do so!

Now, after that preliminary report, he made a final report, which the UN is still hiding. But we referred to it in another document. And, I forget the document now, but you may recall it. In a UN report, another situation-report, it referred to Gersony’s full report. And it referred to a meeting between Robert Gersony, who, we remember, is a USAID man, now working in Baghdad. He was so incensed. He demanded a meeting with Paul Kagame and presented him with the findings of the report, that he found in just three préfectures, in those weeks in ’94, the RPF had murdered 300,000 Hutus, and that he assumed—he concluded that they had done the same in the other eight remaining préfectures. And he accused Kagame of committing genocide. Kagame kicked him out of his office, and then the UN buried that report.

Gersony was taken off that file, and the report has been buried ever since. They even denied it existed.

So who are the dead in Rwanda? That’s what I would like to know. Who are the people at Gisozi?

I will come back to that. Let’s take a break.

[VO] Presiding judge

Court is adjourned for 15 minutes.

END OF ACT I

ACT II

IN BLACK:

[VO] PROSECUTOR MR. VAN:

Let me give you a number of examples, Mr. President.

First of all, this is what you said:

“The positions of the Accused, Bizimungu, Ndindiliyimana, and Nzuwonemeye, as Chief of Staff of the Rwandan Army, Chief of Staff of Gendarmerie Nationale, and the Commander of Reconnaissance Battalion, respectively, and the fact that the institutions under their command and control engaged in various activities that facilitated the mass killing of Tutsis on account of their ethnic identification.”

Secondly: “In 1991, following the invasion of Rwanda by rebels of the Rwandan Patriotic Front, RPF, the previous year, the government of President Habyarimana commissioned a report which defined the enemy as Tutsi. This definition was widely disseminated among elements of the Rwandan armed forces, with a view to their indoctrination.”

Thirdly, you said, Mr. President: “The Accused Bizimungu participated in various meetings between 1991 and 1994 to discuss the identity of the enemy and how to combat it. These meetings identified the Tutsi as the enemy, and acquitted members of that ethnic group to the ‘Igisura’—I-G-U-S-U-R-A—the Igisura plan that needed to be emanated.”

Quatrièmement... — je ne veux pas citer tous les 15 exemples, Monsieur le Président, mais je prends ceux qui me paraissent importants. Quatrièmement—dis-je: “Bizimungu and Ndindiliyimana made remarks after 6 April, 1994, which arguably could be interpreted as a threat of exhortation to kill Tutsi civilians.”

Cinquièmement—ce sera l’avant-dernier: “Ndindiliyimana and Nzuwonemeye both attended the meeting held at the army headquarters in Kigali on the night of 6 April 1994, soon after the president of the country was killed in a plane crash [dir: Warp and echo this term]. At another meeting held at the École supérieure militaire, ESM, the following day, they established a Crisis Committee

composed of senior military figures under the chairmanship of Ndindiliyimana. The committee was responsible for the formation of a new interim civilian administration dominated by Hutu.”

And, lastly: “Soon after the president’s death in early April 1994, several opposition politicians and moderate Hutus were assassinated by members of the Rwandan army forces, including the Presidential Guard and Recon Battalion.”

LIGHTS UP: The stage is as in ACT I.

[VO] Presiding Judge:

Yes, Mr. Black. Court has resumed. You can continue.

1. BLACK:

Thank you.

They talked in paragraph ¶109—I’m just going to go on my diatribe about the history just a bit more, and then I will go on to the actual argument by Mr. Strickland briefly. They say that in order to defeat the enemy politically, the MRND launched a systematic campaign of violence against moderate opposition politicians resulting in the deaths of some of them, such as Félicien Gatabazi, Emmanuel Gapyisi. Well, I really fail to understand how they could say that when the evidence in this trial clearly was—and in every other—in Military I and other trials—that the RPF murdered Félicien Gatabazi, the RPF murdered Bucyana, the RPF murdered Gapyisi. It’s well known now. Guichaoua wrote about that. I mean, everybody—every expert now recognizes the RPF murdered those people to try and discredit the government by saying they did it, and pass it out to the whole world that the regime is an anti-Tutsi regime, an anti-democratic regime. And when they murdered Gatabazi, by the way, remember, he just came from a meeting with [PM Faustin] Twagiramungu. He had a gendarme escort. And they were all shot, too.

So why is the Prosecution deliberately writing material in their argument which they know to be false? Why? Unless they take us all for fools! I don’t know. Or, as I said, this is not meant to be an argument.

It is just meant to be a propaganda tract. That’s it.

Now, on page—paragraph ¶115, they say, from April 7th, the massacres of Tutsi started in Kigali. That’s not true, either. The evidence is, from many witnesses, that Hutus and Tutsis manned the barricades together until about April 13th or so. And on April 13th, most of the Tutsis left the barricades, and then everybody began wondering what’s going on. And it’s then that some killings took place.

Though I just read in the book last night—this is not evidence, so you don’t have to take it. But Alan Cooperman wrote a study for the Pentagon, analyzing a timeline for deaths. And he said, by April 15th—there’s no killings between 7th and 6th—6th, 7th, 8th and 9th. They started on the 11th, 12th, 13th, 14th, 15th, and ended by the 15th, 16th. But he is wrong on many things, so don’t take that for anything.

And then, finally, ¶116, between April and July, hundreds of thousands of Tutsis were killed. Well, where

is the proof of that? Are we going to be content with just this mythology—this myth? If this Tribunal, which is mandated to investigate and charge people with war crimes in Rwanda in 1994, cannot present to the world one scintilla of evidence about how many Tutsis were killed, then what are we doing here?

What are we doing here?

There is no proof whatsoever that hundreds of thousands of Tutsis were killed! It may be so. I don’t know. But they’ve never established how many Tutsis were killed.

We filed the census figures from 1991. For Kigali alone—I may be off on the numbers, but I’m approximating, I remember the population of Kigali is around 250 to 300,000 people or so. Maybe a bit more. The number of Tutsis in Kigali is around 40,000 or so. General Dallaire states in his book that 14—he saw a column of 14,000 Tutsis being taken out by the RPF on around April 14th or so.

Bernard Kouchner, in the letter we filed, dated May 20th, on his visit to Kigali, states in this letter to the UN that 20,000 Tutsis were still alive in the city after the killings in Kigali had stopped,

except for the fighting between the armies. That leaves you—that's 34,000. We are missing 6,000—and many people fled.

So who are—whose skulls are those at Gisozi? Two hundred and fifty thousand skulls, supposedly killed in Kigali. That would be the ENTIRE population of Kigali. We have an inkling of who they might be, because Antoine Nyetera said that when the RPF took the city, they rounded up all the—the entire population of different districts. In his district, over 100,000 people put in the Nyamirambo stadium. And the RPF—he said he saw thousands of Tutsis in that stadium with him. And Antoine Nyetera, remember, is a Tutsi, a very elegant man, famous artist trained in Paris, famous for designing the national stamps for Rwanda, related to the monarchy, a Prince. And he said he was in Kigali and he never saw what they say happened. He said he never saw the army killing people.

He said that when the RPF took the city, they rounded the people up, put them in the stadium. He saw thousands of people—Tutsis in the stadium with him. And then the RPF began pulling out of line the Hutus and just shooting them.

Bang, bang, bang.

And I asked him, what would happen if a Tutsi had complained about this. He said, “They'd shoot them, too.”

I remember Rose. I won't tell you her last name. This was a person who came here, a journalist, testified about going—about fleeing on the first few days of the war in April to Amahoro stadium, where General Dallaire's headquarters were based. And the refugees fled there. Mainly Hutus. And that on the stadium grounds—part of the stadium floor was occupied by, I think, Bangladeshi troops. I'm not sure. The UN troops were there. And that Dallaire, from time to time, walked through the stadium. And she testified quite graphically about how the RPF pulled people out of that stadium and shot them. Her husband was shot by the RPF, by a sniper, while he was walking in the stadium. They fired at her and wounded her foot.

She says her two sons—she attributes the suicides of her two sons to that experience. They committed suicide just last year. Twenty years old, hanged themselves because they can't take the injustice of the world.

And she said she approached him—and other refugees approached General Dallaire and said:

“When are you going to stop the RPF from murdering Hutus in the stadium—right in front of your eyes?”

He just said nothing and walked away.

So who are the dead people? Where are the hundreds of thousands of bodies? Where are the photographs? Where are the mass graves? Where are the lists of the dead? Why does the RPF refuse to conduct a census to find out what the true survival rate of the population was and who survived and who was killed?

Because, if Christophe Hakizimana and Abdul Ruzibiza are correct—and I don't know, but this is what they say—then two million Hutus were killed.

Davenport and Stam at the University of Maryland put out a study based on Prosecution figures they took, and RPF figures they were given to do a study for the Prosecution. They came to the conclusion that only 250,000 people were killed. And for every Tutsi, there were two dead Hutus. A two to one ratio. Their contract with the Prosecutor's office was then cancelled.

But they say that's what their figures revealed, based on reports they got from each village, each site, from the Prosecution's office and the RPF government.

So it's in between there and there. Two hundred and fifty thousand and two million. Nobody knows because nobody wants to find out. Or they do know, but don't want to tell us.

And we have Gersony saying 300,000 dead Hutus, in three préfectures alone, in those 12 weeks.

But the Prosecution doesn't charge anybody in that government. Not one single person!

And by encouraging Kagame in his impunity from prosecution, this Prosecution service is allowing him, encouraging him, giving him carte blanche to go into Congo and kill 10 million more people. We heard what they did to the Hutu refugees in eastern Congo, forced into the forest. Four

thousand kilometers, they're pushed into the forest. Hunted down like animals every day. You heard those stories. It will make you cry.

And we heard Rose ask: "Where is the justice for the Hutus?"

Obviously there is none.

All right. I am now going to go to the Definition of the Enemy Document. I think my friends before me addressed that very well, and the brief, I think, just totally refutes their false argument on that.

They do mention in their brief, here, that the Belgian War College thesis that General Ndindiliyimana wrote in 1974, when he was a young cadet at the Belgian War School, somehow spawned the Definition of Enemy Document.

First of all, Military I said that document is fine. It doesn't say Tutsis were the enemy. It's quite clear. Their actual indictment says it correctly. Tutsi extremists who want to take power by force of arms were the enemy, and that would be true in any state.

But those who want to change the government by democratic means are not the enemy. That's quite clear.

But somehow they use a thesis which he wrote and which was approved by the Belgian War School as correct, and then buried in their archives, somehow that influenced the Definition of the Enemy Document, without any proof whatsoever that anybody even knew about that thesis he wrote as a young cadet.

It was never produced and circulated among the army.

"Oh, that's great. We'll use that as a template for our argument."

I mean, it's just absurd what they are trying to argue here.

And it doesn't even mention the Tutsis being the enemy in his thesis. But, if he is guilty of that, then the Belgian government is too.

Para ¶525, they state that the Accused were against the Arusha Accords.

Well, I'm going to read some excerpts from some testimony which indicates that the FAR—and Ambassador Swinnen struck me very strongly on this, the Belgian ambassador. He said, the FAR were quite clearly in favor of the Accords—the Rwandan army. And it was the RPF who were the obstructionists.

And in that—In his testimony, we filed the report by the Tanzanian Foreign Minister who was acting as go-between for the negotiations between the RPF and everybody else. The Tanzanian Foreign Minister complained to the UN that it was the RPF who were the obstructionists. And when the issue about the CDR party being involved or not in the transitional government, when finally everybody agreed that they could take part, and the CDR agreed—acceded to the Arusha Accords—he said, it was the RPF who still refused to go ahead with the Arusha Accords. They were the ones opposing everything.

All right. I think I'll—there are a couple of things in this argument which also struck me as odd. This is our legal issue. It's a minor point in a way, but it's important for your considerations because, as I said at the beginning, I think—I submit that we have, brick by brick, built a wall so solid of Reasonable Doubt that they could never penetrate that wall.

There is Reasonable Doubt on every issue. And I think, in fact, we have gone beyond that and proven that General Ndindiliyimana is completely innocent—something we don't NEED to do!

They say the notion of Reasonable Doubt, at paragraph ¶1344, is related to the credibility of the evidence adduced. That's false. That's not true in law.

Reasonable Doubt is not just based on credibility. It's based on the totality of the evidence. And whether the Prosecution's proven its case on the facts and on the evidence.

Credibility is just one issue in assessing that evidence. So they don't even know what the law is on Reasonable Doubt. They misstate it!

And in—the following paragraph reveals their attitude completely in this case—in ¶1345, they say something astonishing. But, unconsciously or not, they represent their true point of view. They say,

“After the presentation by the parties of their evidence, the Prosecution observes that the Defense has not established at any point in time the innocence of the Accused.”

That shows exactly what their mindset is, and why they don't back up any of their charges. They make charges and bring no evidence. They charge that he should be in control of [Radio] RTLM, General Ndindiliyimana, but they brought no proof that he had any legal responsibility over RTLM.

They brought no expert to say so, no member of RTLM to say so, nobody in the RPF to say so, no expert in law and media to say so. No one. They just say, “He is responsible.” And, “You got a response to that, Mr. Black?”

That is their attitude.

We demolished that case anyway, because I know the thinking over there.

They did it again when they alleged he could have done more to save lives. They didn't bring one military police expert here—which they could easily have done—to say, based on the resources he had at this time, based on what was going on on the ground and the dynamics of the situation, he could have done this, he could have done that, and he could have done the other, or he should have done this, he should have done that. He didn't. And he didn't do it for bad reasons.

So negligence is not enough. They've got to prove he didn't do something with intent to assist in the killing.

They just made the accusation: He didn't do enough. And they could have brought an RPF officer here. “I was in Kigali at that time fighting. I knew what they had. I knew they could have done that and done that.”

They could have brought General Dallaire to say so. They didn't do it.

They could have hired any sort of military expert from all their military colleges in Britain and the United States to come and do a study. They didn't.

Major Nsanzimfura, who is their case manager in this case, because he is a G4, logistics officer. Major Nsanzimfura was aware of all the capabilities of the Gendarmerie: Number of men available, weapons, food supplies. He knew everything that General Ndindiliyimana had at his disposal, and he sits back there—he's not called as a witness to say,

“General Ndindiliyimana is wrong. He could have done this and done that. We complained, and he wouldn't do anything.”

But they don't call Major Nsanzimfura because Major Nsanzimfura would not agree with them.

And I go back just briefly to the charges they raised at the beginning of the case, the horrible charges laid against General Ndindiliyimana and no evidence whatsoever supported those charges. They were just withdrawn, because they laid those charges to manipulate the Judges and to make him look bad.

Now, the big attack on General Ndindiliyimana was made by Mr. Strickland, who said that he is a liar.

Plain and simple. Without establishing any reason why he should be considered a liar, he just says he is a liar.

So—and why is he a liar? Because—well, he is a General, and he is a politician. He is a Hutu. Their attitude is: All Hutus are liars.

So, why have a trial? If no witness can be believed here because he is a Hutu, why have these trials at all? It's a farce.

Since I'm forced into this exercise, let's spend some time establishing that Mr. Strickland's statements were totally groundless and slanderous.

I read from my brief—I wasn't going to do this because I don't think I need to, but I am forced to now.

Paragraph ¶17, page 10. Colonel Vincent says, in support of General Ndindiliyimana's testimony, quote,

“I am persuaded that the General—the General was in favor of implementing the Arusha Accords.

And the Gendarmerie cooperated fully with UNAMIR in the implementation of the Accords, fully, indeed.”

Further he stated,

“At no time did we have any perception of General Ndindiliyimana’s being in any way implicated or involved in any of the massacres.”

Page 15. Dr. Des Forges, I asked her—I put this question to her:

“Question: In April—” and I’m reading to her from her book. “In April, General Ndindiliyimana and Colonel Gatsinzi and Rusatira summoned Gahigi of RTLM and Jean François Nsengiyumva of Radio Rwanda to the Military School in Kigali. The officers supposedly told them that the radios must stop calling for violence against Tutsi and discrediting military officers opposed to genocide. Another RTLM announcer incited militia to attack Ndindiliyimana, reporting that he was transporting RPF soldiers in his vehicle, for which the license plate number was given, when he was trying to help Tutsi escape.’ You wrote those words, did you not?”

She said, “Yes, I did.”

Colonel Vincent, on page 19, in talking about the General’s cooperation with UNAMIR, said, “At the level of the negotiations for the KW—the Weapons Secure Area Agreement, he played a role which I may refer to as an important role.” And Colonel Marchal confirmed that.

And Colonel Marchal, to add to my last point, goes on to say that—explaining the negotiations, he said,

“I would say the Rwandan government forces”—now,

Colonel Marchal is the head of the Belgian UN contingent to Kigali. He said,

“I would say that Rwandan Government Forces and the Gendarmerie did not give me major problems. There were problems. but quite understandable, and that can be explained in the context at the time. “

“However, on the RPF side, it was a permanent struggle to have them comply with the requirements of the Agreement, the Protocol. And when I say constant struggle, I say it because—with a great deal of conviction, because at the time I kept a private journal and would often send reports on my activities to my general staff in Brussels. And it is true, when I reread through that period, I see that sometimes I had serious problems with the military component of the RPF at the CND.”

With respect, specifically to the credibility of, and the sincerity of General Ndindiliyimana at page 20, paragraph ¶36, I asked him—he said this—however, he said this, and I quote him. He said, “In regard to the Gendarmerie, Colonel Marchal testified he did not have problems with them. And he had noted at the time very clear orders from General Ndindiliyimana to all gendarme units to comply with the agreement. Further, Colonel Marchal assigned observers to see if the general had kept his word or was

playing a double game.”

That is, he put—he tailed him. He had him followed to see if he was playing straight. This is what he says:

“So I assigned observers, so I can tell you” this is a quote. Quote, “So I can tell you that if there was any need for General Ndindiliyimana to play a double game, so to speak. We would have been able to see through it, given the circumstances, particularly in view of what we experienced. It is through these observations that I became more trusting, and I found the chief of staff of the Gendarmerie to be a credible person.”

So where does Mr. Strickland get off to saying he is lying? Where? Based on what?

[FREEZE]

[VO] MR. STRICKLAND: (another prosecutor)

I’m about to read from Mr. Van’s cross-examination of your client in this case where this very state—this testimony is put to him.

June 23rd, 2008. “Question: General, with regard to the information provided to you by your collaborators—you made mention of this in the Bagambiki case. During the hearing of 17th of February 2003, when you were testifying on behalf of Préfet Bagambiki,—“

This is Mr. Van. “I have before me an excerpt of the transcript of Monday, the 17th of February 2003. And Counsel Lurquin put to you the following question:

‘Before the 6th of April 1994, when you were chief of staff of the Gendarmerie, were you regularly informed of the security situation in the Cyangugu préfecture?’

To which you answered, ‘Yes, Counsel. In my capacity as chief of staff with a full department of employees, we would regularly receive from all the Gendarmerie units, including Cyangugu, information on the situation that prevailed in the préfecture where we had our units. Question: After the 6th of April, would you still receive such reports?

Answer: Yes, Counsel.

Question: Witness, were the reports made on a regular basis?

Answer: The reports were indeed made on a regular basis. There is what we call information reports that are given every day, and we receive them at the general staff.

Question: Who would send reports to you from the Cyangugu préfecture?

Answer: From Cyangugu, as from other préfectures, we had the Gendarmerie. It is the commander of the Gendarmerie unit that would send the report to us.’

End of quote.”

Now, I invite the Chambers to read General Ndindiliyimana’s response. I don’t want to go on too long. But what’s interesting here is that, before that Trial Chamber in the Bagambiki case, Ndindiliyimana wanted to stress the extent of his knowledge of events in Cyangugu and never did he suggest—never—I’ve read the transcript—never did he suggest that his intelligence was incomplete or ever incorrect. Never. But, in this case, it is the—almost the first point he brings to the floor, that the information we received is incomplete or sometimes false, because here he wants to make it appear that he was largely in the dark with respect to the killings throughout Rwanda and largely in the dark about the actions of his own officers.

Mr. President, on April 6th and 7th, 1994, the political survival skills, techniques, of General Ndindiliyimana came to the fore. He occupied a central position in the military-led Crisis Committee, which initially took the reins of power in the aftermath of the president’s death.

General Dallaire testified that at times he was under the impression that General Ndindiliyimana was acquiescing to General Bagosora’s agenda, and, at other times, Ndindiliyimana expressed concern and a desire to stop the massacres and the killings.

Well, Mr. President, after hearing all the evidence, Prosecutor wants to make our position crystal clear. We are not confused, like Dallaire was. It is our position that Ndindiliyimana was wholly insincere in his dealings with Dallaire. He simply told General Dallaire whatever he thought the UN wanted to hear.

[MR. BLACK BACK LIVE]

1. BLACK

General Dallaire said,

“In the case of the Gendarmerie, I have absolutely no reports of any maneuvering outside the KWSA rules. He was cooperative in trying to maintain order within the limited resources he had.”

Ambassador Swinnen said, page 25, . . . the Belgium ambassador said,

“I knew him when he assumed his responsibilities and when he went to the National Gendarmerie. He showed a determination to work and cooperate with Belgium and with the Belgians. And I had a very favorable view of Ndindiliyimana.”

And this despite the fact there was some tension between Belgium and Rwandan at the time. But he was able to transcend this tension.

“I saw someone who really wanted to work, who really demonstrated his will to make process—processes work.”

And he remembers that General Ndindiliyimana had a conversation with the Chief of Staff of the Belgian Army, the armed forces, Admiral Ver Hurst. It's V-E-R, H-U-R-S-T. Admiral Ver Hurst, he said—he told Admiral Ver Hurst that he was in favor of a stronger exercise of the mandate of the United Nations. He said that to Admiral Ver Hurst. And I was given that as one of the examples of what we believed to be a sincere commitment to peace. And Belgium, in line with the General's wish, thought that that should work.

And General Dallaire, paragraph ¶53, I asked him, "Oh"—he's talking here about the cooperation with Ndindiliyimana and UNAMIR.

He said—I asked him, "Oh, so you regarded him as the most cooperative officer on either side, RGF or RPF?" His answer was, what? "Absolutely." Absolutely.

They attack him by saying that—Van attacked him by saying that the Crisis Committee was some sort of Machiavellian plot to take over the government.

Des Forges says this about that meeting: "With Gatsinzi at least nominally in command of the armed forces, he, Rusatira, and Ndindiliyimana sought to wrest control from Bagosora. And the Crisis Committee met on the evening of April 7th. They refused to allow Bagosora to run the meeting. He insulted others, particularly Rusatira, and boycotted the rest of the meeting. The others made some plans for bringing the Presidential Guard under control and setting up the government based on the Arusha Accords."

You wrote those words? "That sounds familiar." That's fine.

This is their witness, not my witness. This is their case, not my case. How can they come here and deny their own case and just put out lies when their witnesses said the Crisis Committee did not have that purpose and General Ndindiliyimana's role was not as they say it was?

And that's why they suppressed all mention of Des Forges and Dallaire in their argument—because they're dishonest.

A dishonest lawyer would say, "Dallaire and Des Forge said this, but we think . . ." They don't even try to argue their way out of it. Just drop it out of the picture entirely.

And Des Forges goes on:

"In the early days of April, it appears that General Ndindiliyimana made efforts to organize some sort of opposition in—meetings with opposition to Bagosora and, in addition, made efforts to save lives"—despite what Mr. Van says.

He didn't save anybody?! Mr. Van has the temerity to say he didn't save anybody! And yet he saved 37 Tutsi orphans and two priests at his house in April.

He had his armored car taken away from him because they thought maybe he was working for the RPF.

And then she wrote this:

"The senior officers opposed to Bagosora" because he—Mr. Van mentioned something about international support for the so-called moderates, which is a false dichotomy, but she said,

"The senior officers opposed to Bagosora either could not bring themselves to join forces with the longstanding enemy or do not believe that they could lead a substantial number of soldiers into such an arrangement. They looked instead to the International Community for support.

"Dallaire would have liked what he saw as a new army, but he was blocked by the narrow interpretation of the mandate, . . ." and so on.

"Ndindiliyimana explored the possibility of foreign support with the Belgian ambassador, Johan Swinnen, the evening of April 7th. No one had resources to offer dissenters who hoped to oust Bagosora and stop the slaughter of Rwandans."

"You wrote that, did you not?"

She says, "Yes, I believe I wrote that."

And Dallaire, who was at the meeting of the Crisis Committee, says—I say to him:

"Question: I believe you classified someone like Ndindiliyimana and somebody like Rusatira as so-called moderates."

He said, "Yes."

Now, I don't like that false dichotomy, and other officers here don't like that dichotomy. It's a false dichotomy. But those are the terms they used.

And Colonel Marchal, who was at the meeting of the military officers on April 6th, 7th, at the ESM, invited by General Ndindiliyimana, and General Dallaire was present, invited by General Ndindiliyimana.

Colonel Marchal says this:

“Another aspect of this part of the meeting which seems essential to me, is that everyone, everyone in the FAR was of the decision to put in place, as soon as possible, the transitional institutions and help manage the crisis and to hand over authority as rapidly as possible to the politicians. And the soldiers present did not raise any objection to this.

The soldiers said, ‘It's not our role to manage. We help. It's the politicians who need to manager the crisis.’”

This was a great concern. And he confirms that General Ndindiliyimana supported that initiative. In fact, he was the one that broached it first.

Then we have—to support his credibility—the telephone call of Johan Swinnen, the night of the 7th and 8th.

I won't read the entire transcript here, but the second paragraph on page 44 is important.

The general phones Ambassador Swinnen and says,

“Don't leave us. Belgians will be killed. Soldiers will be killed. Don't leave Rwanda. We need you here or else it's just going to deteriorate and get worse. Please stay.”

It's a long conversation, 3 o'clock in the morning. Mr. Strickland says he is a liar.

Well, Ambassador Swinnen said, “That was a very emotional conversation. And I think that at that time I could not have thought that he was just pretending or acting. I think that he was acting lucidly and seriously. Unfortunately, I had to tell him, ‘We have not yet taken a decision.’ And I had the feeling that I was talking to someone who was very disappointed and still wanted to make an effort to see to it that the Belgians do not—are not compelled to take a decision to leave.”

And Dr. Des Forges, their witness, confirmed in her remarks on this conversation. She said,

“So I think it does reveal, probably—no, I think it does reveal, certainly—on the part of Ndindiliyimana—a sincere desire for the international forces to remain there.”

This is their witness.

I can go on. Colonel Marchal confirms that the gendarmes could do no more than the blue berets, that the blue berets who were guarding the so-called moderate politicians were overwhelmed by the Presidential Guard attacking their unit. Four or five men were attacked by twenty. He said,

“Our men couldn't resist the Presidential Guard and the Gendarmerie couldn't do anything better.”

So that also corroborates the General's testimony.

They laughed at the fact that he says,

“Oh, I didn't have resources and I couldn't control the events.”

“You could have done SOMETHING!”

They forget the argument in my brief about the consequences of the RPF attack on the refugee camp at Nyacyonga. Remember there is, north of the city, one million people, one million living in tents, forced there by the RPF.

April 10th and 11th, they begin bombarding that camp with heavy, heavy—high explosive shells. How many thousands of people were killed in Nyacyonga?

How many?

That's a war crime, to attack a refugee camp with heavy artillery, hour upon hour, over two days.

Why did they do that?

Because they wanted to force that mass of people into the city to create chaos. They just flooded the city. The army couldn't even function. You got a million people blocking roads, swarming

everywhere, running away from that shelling. And many of them were killed by civilians in Kigali who thought they might be RPF infiltrators.

Many innocent people died because of that. And whose fault is that?

Not General Bizimungu's, General Ndindiliyimana's.

It's General Kagame's fault!

He shelled that camp.

And you people don't even charge him. And you know he did that. I mean, can you imagine attacking one million people—living in tents—with heavy artillery. And not a word is said about it.

Again, on page 72, Colonel Marchal repeats,

“I would say that what was true as far as the UNAMIR was concerned was true as far as the Gendarmerie was concerned. The gendarmerie was not numerous enough to face a normal situation. You must realize that after the crash, the plane, very quickly, the gendarmes' means were frozen—well, frozen. I say they were nailed to their camps because of the RPF action.”

Because all the camps were attacked. All the gendarme camps were attacked. Remera camp was overrun and eliminated. Attacked his headquarters. Just bombed it. What was he supposed to do? Run a police operation?

And police stations are being bombed and overrun.

And they, even in their brief, question the validity or the veracity of his statement that he lost most of his command. Colonel Vincent stated, page 72,

“So any Gendarmerie unit within that sector, operational sector, falls under the operational command of the commander of that sector.”

And General Dallaire said, when I asked him did General Ndindiliyimana have a command left, he said,

“Well, I recall him explaining it to me, and we had a couple of meetings during that time. And he explained that the Gendarmerie was reverting to the command of the Army. And so, essentially, he didn't have a command left.”

That's their evidence.

“He didn't have a command left. And the way I saw it at the time, and certainly the Minister of Defense never negated that.”

So, in fact, he was sort of like a floater. He had no job. And, witnesses said, in the entire country, 200 men were left to his command: 100 in Kigali, which he placed to try and protect Tutsis as best he could with that small amount of men.

And they confuse, misconstrue our argument.

Our argument is not that gendarmes specifically—where he gave orders to gendarmes to do certain things, he didn't have command over them.

Of course he did—that's obvious.

Our argument about command responsibility is about capacity. He lost most of his command.

Therefore, he could not do more than he did.

Now, they say he did not support the communiqué of April 12th to the RPF offering a surrender.

Well, General Dallaire confirms that Ndindiliyimana supported the communiqué.

And Dr. Des Forges also confirmed that he was part of that group of officers.

[FREEZE]

[VO] Mr Strickland:

In this context we see the best example of Ndindiliyimana's talent for duplicity and self-serving overtures. Chambers will recall that there was discussion of a surrender communiqué that was released by several high-ranking Rwandan officers on April 12th, 1994. General Dallaire heard of this surrender communiqué, this overture of peace, and he wondered why Ndindiliyimana—whom he considered a moderate Hutu—why he had failed to sign that document. He asked the General for an explanation. In response Ndindiliyimana told General Dallaire that he had failed to sign a surrender communiqué of April 12th, 1994, because he was busy saving Tutsis in Butare.

That—that was an utter lie! It was an utter lie!

Because, as General Ndindiliyimana made clear, himself, when he testified, himself, he told us this: He didn't visit Butare until April 15th. So here it is. Here we see the real General Ndindiliyimana. This is a concise example of the tenor and tone of his testimony before this Tribunal. It was disingenuous, dishonest, self-serving, insincere. He claims to have supported a surrender communiqué. For some reason he didn't sign it. He held himself up as a savior of Tutsi refugees. He wasn't even in Butare before the 15th. How could he be busy there saving refugees?

[MR. BLACK BACK LIVE]

1. BLACK:

And Dr. Des Forges says that Gatsinzi—I asked her in cross-examination about Gatsinzi. Mr. Strickland said that he never—he told General Dallaire—General Ndindiliyimana told General Dallaire he was off in Butare saving Tutsis. Well, he was down south saving Tutsis. Because Antoine, the hotelier—remember him?—he was a very interesting character, the Tutsi hotel owner. He came here to testify for us. A very interesting character. You can't forget him.

And he testified that General Ndindiliyimana, with his gendarmes, the few he had left, on a mission down there, went to the hotel, found out they were being threatened by so-called Interahamwe and left his unit—his close-protection unit—some of it, right there to protect the Tutsis in that hotel—who included several Tutsi businessmen and their families. And they survived the war. And those gendarmes stayed with those Tutsi families throughout the war until they left in late or early June.

And Dr. Des Forges confirmed, when I put to her General Gatsinzi's letter—we referred to a letter by General Gatsinzi in which he confirms that General Ndindiliyimana supported the April 12th communiqué, but he couldn't sign it because he said he was in the south saving Tutsis. And she said, "That's correct."

That's their witness, not mine. That's the Minister of Defence from Rwanda.

I don't know why they charged General Ndindiliyimana, and I would really like to know why. Maybe in their rebuttal they can tell me why he has spent the last nine years in prison for no reason.

I put several questions to Dr. Des Forges about Gatsinzi, Rusatira, Ndindiliyimana, trying wrest control from Bagosora, trying to stop the killings, trying to keep the Peace Accords going. There are many references to that. And in each one of them, I put to her this question—at page 75:

"Well, I'm going to press. Aren't those actions consistent with someone who opposes any killing of Tutsi civilians and any plan to do so? Aren't they consistent with a man who opposed that, those actions in themselves?"

And she replied, "Those actions in and of themselves do appear to be consistent with that, yes." That's their case.

He is not guilty. They raise reasonable doubt—and more of it in their own case!

And they did that with their very first indictment.

My Honourable Judges, here, were not here at that time.

But when the first indictment came down against him, in the indictment itself, in the sections they wrote, they actually put in evidence which clears him of the very charges they charged him with in the preceding paragraph. It was bizarre. It was quite clear they just concocted—rapidly—an indictment in order to keep him in prison for some reason.

To testify against Bagosora, that was their main objective, I think.

And at page 76, regarding, again, Gatsinzi's letter stating that Ndindiliyimana was in favor of the April 12th telegram,

Des Forges says, "If you recall yesterday I said that the actions which I knew about concerning Ndindiliyimana seem to me a period when he was not in favor of genocide."

She never negates the contents of the letter.

And we have General Mahundi, the Tanzanian Inspector General of police who testified for General Ndindiliyimana. And General Mahundi was not only the Inspector General of police at the time, in 1993, he was also the vice president of Interpol. And he states that General Ndindiliyimana spoke to him and talked about the fact that the political leaders in Rwanda are likely to come to an agreement, and they would like to integrate our forces. So we would like to get training in your

country so we can more easily integrate the forces together. And he was more concerned with the crime and tranquility, generally.

And, page 78, his point of view was, he was expecting the two sides, politically, the two sides to—

[VO] THE ENGLISH INTERPRETER:

Mr. President, could counsel give the interpreters time to find the reference that he has given.

1. BLACK:

It's page 78 in our brief. I'm sorry.

So he was expecting the two sides to negotiate their conflict and find a solution to their conflict. He was very much hopeful that that negotiation there would be likely to end up successfully.

I think that puts 'paid' to Mr. Strickland's arguments that—I can make some other references here. I haven't got much time left.

Mr. Strickland attacked me about his witness, GCB, about the so-called massacre at Saint André. We state, based on the evidence, there was nobody killed there at all. Period. And he mocks my argument by saying, "Mr. Black, this man said he was wounded in the hand, shot in hand, and Mr. Black mocked him because he had no wounds—no bullet wounds."

Well, it's true. Read the transcripts. That witness, remember, came and said he was forced on the ground and laid down, his hands covering his head like that, and a gendarme, he said—he alleged, fired a high-powered automatic rifle five times at his head, and not only did his head not explode from the first round or second, third, fourth or fifth, but he only lost one finger. And I put it to him that that finger was probably lost some other way.

There was no bullet wound from a high-powered automatic—high-velocity round. That would have blown his head apart the first time.

And with respect to "you can't use DH91 and DH90," well, I used it in cross-examination. That's the evidence. Read the brief. There was no killing at Saint André College.

They go on and say, this is not an international armed conflict. Well, I said that the Ugandan Army was heavily involved, as was Museveni. There is some evidence that Burundi also invaded from the South.

And it's quite clear, General Ndindiliyimana testified that he received intelligence reports from the field, Kibungo especially, that an American C130 Hercules was seen dropping men by parachute behind RPF lines. That's an act of war by the United States. So—and everything confirms that—because now, Rwanda is nothing but an American military base.

Now, I just want to end with—I haven't much time left, so a few minor things—like communications.

General Ndindiliyimana's ability to know and react. I think our chronology is very well done. And I thank Ms. Tipton for doing a large part of it. And that quite clearly shows what he knew when and what he did in reaction to that.

And he testified that the Alcatel system was bombarded, was destroyed. His jeep, which had communication equipment in it, was destroyed by a bomb. He did have information coming in. He explained quite clearly, and in a detailed manner, what type of information and how he reacted to it. And he went further than that. He said that he sent teams out into the field to try to find out what was going on.

So it's not—we are not saying we didn't have information. He searched for information. But he never received any information that the gendarmes were hurting anybody. Only that they were trying to protect people.

And this ridiculous remark that they made about—oh, I can't find it.

But, anyway, Mr. Strickland said something about the gendarmes in his house, the General said, walked 12 miles and made a report from Butare. That's not what he said. He said, in a general answer about the context of his communications—he gave an example. He said,

"It was so bad. For instance, the men guarding my house, if they had wanted to make a report to me, had to walk 12 kilometres to make such a report."

He didn't say they made a report.

So—yeah, I've got the quote here. It's page—June 18th, 2008, page 49. So, he said,

“So we had these small operational detachments. That's how the gendarmes worked. We send out small teams. For instance, the team that was in my place in Nyaruhengeri, if I had a minor problem, the gentlemen would need to walk or trek some 12 kilometres to Butare to report. So there weren't really any means of communication between those small units operating on the ground and the command post.”

It's the opposite of what Mr. Strickland said. And Mr. Strickland knew that when he said it. And I found the quotes—just very quick—where—this is Des Forges, said that she—the claim by Kagame that he started—he loosed “the dogs of war” on the 7th or 8th—his claim to save Tutsis is wrong.

She said this, page 18, October 11th, 2006, she says,

“I had concluded previously, and I believe the evidence is solid, that the RPF gave priority to winning a military victory and not to saving the lives of civilians, including, particularly, Tutsi civilians in the country. I have said that on a number of occasions, and I believe that the evidence supports that conclusion.”

—Give me five more minutes. I'm going to close with—I refer you to—because I have only got three or four minutes on this. But I want to refer you to the assessment of—remarks by Colonel Marchal at the end of my brief, remarks by Ambassador Swinnen about the character of General Ndindiliyimana and how they saw him, and that he was viewed in a very positive way, and then I will sit down.

So I think—I don't like to hit them over the head with these things, but it's true. If I can find it—excuse me. Oh, here we go.

First of all, at page 243, Alain De Brouwer said,

“I briefly remind you of the very well-known role occupied by General Ndindiliyimana in Kinihira in 1993, where he saved the Arusha Accords by giving a solution to the military aspect.”

And talking about the telex sent by Willy Claes, the Belgian Foreign Minister, in regard—with respect to General Ndindiliyimana, he says,

“We knew that the person of General Ndindiliyimana, we had somebody who would bring a great deal of collaboration in the search for the truth as to the events which occurred in Rwanda.”

The truth. And he praises him.

The Belgian ambassador, Mr. Swinnen, read the telex sent by Willy Claes, and Willy Claes was then the Belgian Foreign Minister, and became later the Secretary General of NATO. And his telex says, in instructing the Belgian ambassador to Kinshasa to give him a visa,

“The person concerned has always proven to be of service to proper conduct towards Belgium. Similarly, during a recent period of violence in Rwanda, the person concerned showed that he was a friend of Belgium. Furthermore, he helped many Rwandans. He helped many Rwandans to find a safe shelter or to find safety, and helped many Rwandans to escape a certain death and obvious death.”

Then the ambassador continued:

“I want to say a lot of things because we are dealing with a case which, to my book, deserves very special attention. I consider General Ndindiliyimana as a positive person. I do not have all the details about his movement during the genocide, not even about the period preceding the genocide, but I have given you the basis upon which I have always and I still take General Ndindiliyimana seriously. I have not had any signals or got any statements from him which make it possible for me to create any doubt about his commitment to reconciliation.” And he goes on.

One minor thing—and I am going to conclude—about Nyaruhengeri and Kansi. I think our brief is very complete on that. There is one thing you should also consider. They say,

“Well, the gendarmes could have heard shots,” and then,

“You should have gone and helped people.”

Well, no test was done to see if shots could have been heard several kilometers away. That's just speculation. And sometimes a shot could be heard that far. It depends on atmospheric, wind direction, all sorts of things. It's equally possible he didn't hear a damn thing. Excuse my language. I retract that. He didn't hear a thing.

But, in any case, on the 21st of April, you remember, the same day Radio Muhabura—I believe it was Muhabura, RPF propaganda hate radio—put out a message that General Ndindiliyimana had been killed by northern officers trying to create chaos in the ranks, I suppose.

Why would the gendarmes—Marie, his wife, allow gendarmes—there are several gendarmes there, three or four gendarmes there—to leave her when she heard on the radio that her husband had been assassinated?

Do you think those gendarmes assigned to protect her by Charles Kabeza, the burgomaster, would have left the family they were loyal to to run down the road, some possible shots being fired 3 kilometers away, knowing their chief had been murdered? It doesn't fly.

I'm going to conclude with—I think of my friend and comrade Maître Lurquin, who can't be with us today because he has been elected, happily, to the European Parliament. And I would like to read those remarks, because Maître Lurquin wrote the last two pages of this brief.

I translated from French into English. He approved of my translation, so I think it's ok.

At page 247, paragraph ¶615—and I read this because I submit that it's true based on the evidence.

“General Ndindiliyimana is a man who is more than just his function. The Prosecutor's strategy appears to be to charge those who occupied the highest functions of the state in Rwanda, Ministers, préfets, Chiefs of Staff and intellectuals, who appear to have been arrested, not because of what they did but because of their position.

“The trial is a nightmare for the Prosecutor because behind the veil of his function was the reality of the man, with his weaknesses, perhaps, but also a man with strengths and commitment, a man that no witness, either for the Defense or the Prosecution, ever accused of being an extremist in his politics or with respect to ethnicity.

“On the contrary, he was portrayed as a man who is tolerant, good, respectful of and respected by all, no matter what their social rank, a man who could have remained”—like Nsanzuwera, who works for you—”who could have remained, like so many others, a spectator fleeing the violence, rather than a man who tried to fulfill his responsibilities, a man who could have been among those who pretend to judge instead of a man being judged. But to have been among those who fled their responsibilities, he would have had to surrender his humanity and the lives of all those he saved, a man whose heart made him steadfast in his commitment to the people of Rwanda. And perhaps that's why he is really accused, because he did not abandon the people he is proud to be proud of. And that is not a crime.”

Now, I have been on this case for ten—almost ten years. When I came here, I believed everything I read in the press about the so-called genocide. And the entire case to me has been frustrating, depressing, distressing and shocking.

I once believed in International Justice. I no longer do.

I believe in you Judges, and I am sure you believe in International Justice. I would like to.

But the maneuvers of the Prosecution in imprisoning this man without an indictment for four years, and then, one month before the trial starts, handing down a totally different indictment with a totally different theory of what the facts said, and forcing us on to trial, and then not backing up most of their charges at all, making accusations, hiding disclosures, manipulating the Judges, lying, cheating, I've never seen anything like it in my life. I've never even heard of anything like this in history.

And many other people are distressed by what they see going on here. I am lucky, I think, because, Mr. President, we had some struggles early on in the case, and that may be a reflection of what you and I both read when we first came here. But I am confident now that after you've heard the

evidence and you've had all the hot debates about procedure and evidence that you have, I believe, sincerely you have been listening. And, therefore, I really hope and urge you, on the evidence, to acquit General Ndindiliyimana of all the charges.

Because the Prosecution has not proven its case beyond a reasonable doubt—on any charge whatsoever!

And if this man is convicted—if General Ndindiliyimana is convicted, there is no hope for national reconciliation in Rwanda—ever. Ever.

The Hutus are going to feel condemned and hated just because of the fact they are Hutus—forever.

And it is going to create more ethnic tension in Rwanda and lead to more violence in the future. And we don't want that.

But I want this man to go home to see his wife and children.

Thank you. Unless you have any questions for me, those are my submissions.

END OF THE ARGUMENT

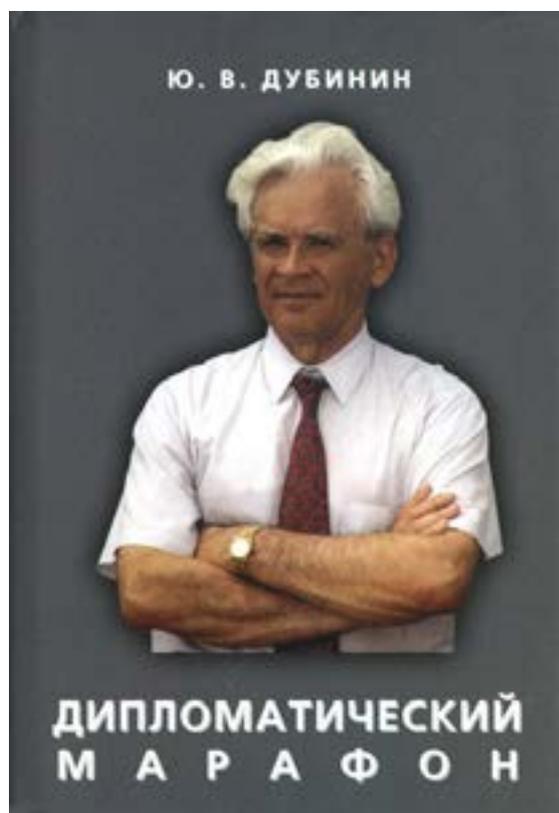
END OF PLAY

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ

Юрий Владимирович Дубинин, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации (1994-1996). Родился 7 октября 1930 г. в городе Нальчик Кабардино-Балкарской АССР. Учился в МГИМО, кандидат исторических наук. Дипломатический ранг – Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1955 года по 1956 гг. – сотрудник посольства СССР во Французской Республике. С 1956 по 1959 гг. – сотрудник секретариата ЮНЕСКО в Париже. С 1959 по 1963 гг. работает в аппарате МИД СССР. С 1963 по 1968 гг. – первый секретарь, советник посольства СССР во Французской Республике. С 1968 по 1978 гг. работает в аппарате МИД СССР, в частности на посту заведующим Первым Европейским отделом. С 1978 по 1986 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Королевстве Испания. С 1986 по 1990 гг. – постоянный представитель СССР при ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США. С 1990 по 1991 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР во Французской Республике. С 1991 по 1994 гг. – посол по особым поручениям МИД России. С 1994 по 1996 гг. – занимал пост заместителя министра иностранных дел Российской Федерации. С 1996 по 1999 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации на Украине в ранге заместителя министра иностранных дел Российской Федерации. С 1999 по 2012 гг. – профессор МГИМО (У) МИД России.

О МЕМУАРАХ ПОСЛА Ю.В. ДУБИНИНА

Мезяев А.Б.

Юрий Владимирович Дубинин – один из самых крупных советских и российских дипломатов. Вершинами его дипломатической службы была работа в качестве Постоянного Представителя СССР при ООН и заместителя министра иностранных дел Российской Федерации. При этом Юрий Владимирович был талантливым писателем: практически о каждой своей дипломатической миссии он написал интересные воспоминания. Мне довелось присутствовать на его занятиях по искусству дипломатических переговоров, которые он, уже после своей отставки, вел в МГИМО...

К сожалению, Юрия Владимировича уже нет с нами. Нашему журналу удалось получить большое интервью незадолго до его кончины. В настоящем выпуске журнала мы публикуем выдержки из его мемуаров, посвященных истории подготовки международно-правовых документов, заключенных между Россией и Украиной, прежде всего, по статусу Черноморского флота СССР. После отдельных выдержек из мемуаров мы публикуем интервью, в котором обсуждаются некоторые аспекты, затронутые Юрием Владимировичем в его книге...

Дагомыс. Как-то в Москве меня попросили принять участие в переговорах с делегацией, прибывшей из Лондона. Пояснили: она интересуется проблемой Черноморского флота. Это настораживало. В средствах массовой информации то и дело проскальзывали сообщения о том, что Киев ищет пути интернационализации проблемы Черноморского флота, рассчитывая на то, что Запад поддержит его подходы к ней. Более того, стало известно, что Киев посетили представители НАТО, и в ходе бесед там поднимался и вопрос о Черноморском флоте. [...] Мне была поручена подготовка предложений по политической концепции переговоров в Дагомысе. Как мне представлялось, перед встречей следовало поставить две главные задачи: во-первых, выровнять отношения с Украиной, придать им позитивный импульс, определить перспективу их развития; во-вторых, укрепить политическую основу для решения проблемы Черноморского флота. [...] Мои соображения были одобрены российским руководством.

28 июня в Дагомысе собрались все первые лица как России, так и Украины – президенты, председатели Верховных Советов, руководители правительств двух стран, многие министры. Вопросов обсуждалось много. Главные итоги переговоров были зафиксированы в Соглашении между Российской Федерацией и Украиной о дальнейшем развитии межгосударственных отношений, подписанном всеми участниками встречи.

Б.Н. Ельцин предложил украинской стороне разработать полномасштабный политический договор, который отражал бы новое качество отношений между Россией и Украиной. Предложение было принято украинскими гостями, и договоренность о том, чтобы к подготовке такого документа приступить незамедлительно, составила первый пункт подписанного в Дагомысе Соглашения.

Разумеется, много внимания в Дагомысе было уделено обсуждению проблемы Черноморского флота. Замысел Л.М. Кравчука явно состоял в том, чтобы уйти от обязательств в отношении Черноморского флота, зафиксированных в подписанных им самим документах об Объединенных Вооруженных Силах СНГ. Добиться этого ему не удалось. Правда, в то же время он воспротивился прямому упоминанию в Дагомысском Соглашении о Черноморском флоте как составной части Стратегических Сил СНГ.

Компромиссная формулировка, записанная в пункте 14 Соглашения, в своей первой части гласила: «В связи с созданием своих Вооруженных Сил Страны подтвердили важность продолжения переговоров по созданию на Черном море ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота». Подобная формулировка акцентировала внимание на разделе Черноморского флота между Россией и Украиной, казалось, в большей степени, чем раньше, отвечала тому, чего искал Киев, но вместе с тем она была дополнена следующей фразой: «Они (т.е. Россия и Украина) согласились на договорной основе использовать существующую систему базирования и материально-технического обеспечения».

Это было к высшей степени важное положение, отвечавшее основной цели переговоров, которая была поставлена в Директиве по их ведению, утвержденной Президентом России перед первой моей поездкой в Киев. Эта договоренность становилась после Дагомыса основной в переговорах по Черноморскому флоту, выдвигалась на первый план.

Протокол от 16 января сыграл важную роль в том, чтобы продемонстрировать с правовой точки зрения несостоятельность претензий Украины на весь Черноморский флот. Он продолжал сохранять свое значение. Однако поскольку на центральное место в переговорах выдвигалась проблема базирования Черноморского флота России, дагомысская формула приобрела значение отправной точки и нормативной опоры в наших действиях.

Достоинство дагомысской формулы состояло в том, что в ней прямо говорилось о базировании, то есть о том, что интересовало Россию. Причем договоренность на этот счет впервые носила двусторонний характер, что было существенно для дальнейшего.

В последовавшем вскоре еще одном соглашении по Черноморскому флоту – Ялтинском – было прямо записано: Россия и Украина руководствовались при его заключении статьей 14 Соглашения, подписанного в Дагомысе. Из этой формулы в результате сложных, напомина-

ющих зигзагообразную линию переговоров вырастет целая цепь промежуточных договоренностей, которые, в конце концов, приведут к решению проблемы.

В Дагомысском соглашении было также записано, что «до завершения переговоров Стороны договорились воздерживаться от односторонних действий». Теперь такое обязательство было взято от имени всех украинских руководителей, и мы считали это весьма существенным для стабилизации обстановки на Черноморском флоте. В Соглашении Россия и Украина подтвердили «свою приверженность существующим соглашениям, определяющим статус Стратегических сил Объединенных Вооруженных Сил СНГ», что касалось и Черноморского флота. В целом, Дагомысское соглашение существенно улучшало обстановку в переговорах с Украиной по всем вопросам, в том числе и по Черноморскому флоту.

Ялта. Официально встреча была названа Ялтинской. Состоялась она 3 августа 1992 г. Главное в нашем замысле состояло в том, чтобы предотвратить худшее – перерастание напряженности на флоте в открытый конфликт. Прежде всего, приходилось думать и заботиться об обеспечении спокойствия на флоте, пусть даже ценой некоторой затяжки с радикальным решением его проблемы.

Опыт предшествовавших месяцев показал, что добиться желаемого и в рамках военных структур СНГ оказалось невозможным уже в силу все более негативного отношения к этим структурам Киева. Представлялось очевидным и другое: решить проблему Черноморского флота форсированно, как бы «с ходу» – нереально.

В силу этих обстоятельств урегулирование проблемы предполагалось отложить до конца 1995 г. До этого времени установить переходный период, на время которого Черноморский флот вывести из состава Объединенных вооруженных сил СНГ и подчинить непосредственно Президентам России и Украины. Что касается решения проблемы Черноморского флота по существу, то имелось в виду произвести его раздел между Россией и Украиной.

Основные элементы такой позиции были обговорены в Мухолатке во время переговоров двух президентов с глазу на глаз. После этого группе из четырех человек (от нас это были Ю.Ф. Яров и я, от украинцев – В.В. Дурдинец и депутат А.Матвиенко) было поручено подготовить текст соответствующего соглашения. При этом президенты запретили кому бы то ни было из других сопровождавших их лиц, независимо от положения, вторгаться в нашу работу. Согласованный таким образом проект мы должны были доложить президентам для обсуждения в присутствии других прибывших в Мухолатку российских и украинских представителей.

Проект соглашения, названного «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР», включал следующие основные положения. В нем определялось, что обе стороны руководствуются статьей 14 Дагомысского Соглашения, специально посвященной Черноморскому флоту. В статье первой Ялтинского соглашения фиксировалось решение о разделе Черноморского флота между Россией и Украиной.

Статья вторая устанавливала переходный период до 1995 г. включительно и предписывала до октября 1992 г. заключить отдельное соглашение о статусе этого переходного периода. В статье третьей говорилось о выводе на переходный период Черноморского флота из состава ОВС СНГ и подчинении его непосредственно президентам России и Украины. На переходный период командование Черноморским флотом должно было назначаться консенсусом президентами РФ и Украины. Это было записано в статье четвертой. Специальные положения Соглашения должны были снять сложности вокруг проблем комплектования Черноморского флота и порядка принятия присяги новобранцами.

Так, статья пятая определила, что на переходный период комплектование Черноморского флота должно было проводиться призывниками России и Украины в равной пропорции (50 процентов на 50 процентов). Статья шестая гласила, что на переходный период военнотрудовые ресурсы России и Украины, призываемые для прохождения службы на Черноморском флоте, приводятся к присяге государствами, гражданами которого они являются. В месячный срок

должна была быть определена и утверждена президентами военно-морская символика Черноморского флота (статья седьмая).

В статье восьмой говорилось, что в течение переходного периода Россия и Украина должны были совместно использовать существовавшую систему базирования и материально-технического обеспечения. Особенно важным было содержащееся в этой статье уточнение о том, что дальнейший порядок базирования будет определен отдельным соглашением. Это был шаг вперед по главной для нас проблеме по сравнению с Дагомыским соглашением. Статья девятая была посвящена обеспечению политических, экономических и социальных прав военнослужащих Черноморского флота.

В статье десятой говорилось, что совместное использование Договаривающимися Сторонами существующей системы базирования и материально-технического обеспечения будет осуществляться с должным уважением законодательства Договаривающихся Сторон и без вмешательства во внутренние дела друг друга. Упоминание о законодательстве во множественном числе было важно, потому что это укрепляло основу для ограждения внутренней жизни Черноморского флота. В данной статье также уточнялось, что любое заявление или иное действие должностных лиц, направленное на вмешательство во внутренние дела Договаривающихся Сторон, влекут принятие соответствующих мер.

Было решено, что Россия и Украина заключат отдельные соглашения о конкретизации содержащихся в Ялтинском соглашении принципов. Государственным делегациям предписывалось подготовить проекты таких соглашений до 1 октября 1992 г. (статья одиннадцатая). Соглашение было прямого действия: оно вступало в силу с момента его подписания и действовало до окончания переходного периода.

Текст готовился нашей группой из четырех человек в обстановке большой срочности. Президенты и остальные их сопровождающие ждали появления проекта, рассевшись за столом на террасе верхнего дома Мухоматки.

После того как мы представили проект, он зачитывался статья за статьей, как говорится, с листа. Украинским военным проект очень не понравился.

Особенно резко министр обороны Украины К.Морозов возражал против положений, касающихся порядка принятия присяги. Эти положения делали неправомерным до окончательного решения вопроса о Черноморском флоте принятие новой присяги офицерами, мичманами и прапорщиками Черноморского флота. Такой подход мешал украинским военным властям склоняться к украинской присяге отдельных офицеров, что было источником конфликтов на флоте.

Л.М. Кравчуку пришлось не раз осаждать своих военных. Текст был одобрен, подписан и сразу предан гласности.

Мы воспользовались встречей в Мухоматке для того, чтобы передать украинцам наш предварительный проект политического договора между Россией и Украиной. Это было поручено сделать мне в личной встрече один на один с министром иностранных дел Украины А.М. Зленко. Передавая проект, я подчеркнул, что делаю это в доверительном рабочем порядке для того, чтобы начать процесс совместной работы, и что мы, конечно, ждем встречных соображений от украинцев, отдавая себе отчет в том, что впереди нас ждет немало работы. А.М. Зленко заявил, что он все это понимает, и обещал таким же путем передать нам украинские замечания или контрпроект.

После подписания Соглашения Б.Н. Ельцин улетел с визитом в Болгарию, Л.М. Кравчук остался отдыхать в Крыму. Все остальные участники встречи как с российской, так и с украинской стороны собрались в павильоне аэропорта «Бельбек» для обеда перед вылетом кто в Москву, кто в Киев. Настроение наших украинских коллег было траурное. К.Морозов, А.Д. Бутейко не скрывали своего недовольства Соглашением, расценивали итоги ялтинской встречи как трагедию для Украины.

Ялтинское соглашение действительно создавало хорошую основу для урегулирования проблемы. Оно явилось результатом реалистического осмысливания обстановки и учета ин-

тересов как России, так и Украины. Поэтому в Москве его восприняли как многообещающий документ.

Перед государственными делегациями в связи с Ялтинским соглашением возникала необходимость решения двух групп вопросов. В первую группу входили вопросы подготовки серии соглашений, определяющих статус переходного периода. Эти соглашения должны были урегулировать проблему формирования Объединенного командования Черноморским флотом, определить цели и задачи переходного периода, порядок комплектования Черноморского флота, его технического и тылового обеспечения и финансирования, социальные, политические и экономические гарантии личного состава флота, иными словами, создать надежную правовую основу для нормального функционирования флота и поддержания его боеспособности с целью обеспечения безопасности в районе Черного моря.

Соответствующие проекты предстояло подготовить до 1 октября 1992 г. Разумеется, эти проблемы требовали первоочередного внимания, поскольку их решения ждали личный состав Черноморского флота, жители Севастополя, общественное мнение России и Украины.

Другую группу вопросов составляли суммарно все проблемы Черноморского флота, решение которых требовало окончательного урегулирования. Временная граница для этого была теперь отодвинута до конца 1995 г.

Первым соглашением, подготовленным после встречи в Ялте, должно было стать Соглашение о военно-морской символике на переходный период.

На это президенты России и Украины давали месяц, и единственный раз их указание удалось выполнить в срок.

3 сентября соответствующий документ, подготовленный на встрече представителей государственных делегаций в Киеве, был подписан Б.Н. Ельциным и Л.М. Кравчуком.

Флаг Черноморского флота должен был представлять собой белое полотнище с голубой полоской, идущей вдоль нижней кромки флага. При нахождении кораблей и судов Черноморского флота в территориальных и во внутренних водах третьих государств на них должны были подниматься также государственные флаги Российской Федерации и Украины. Разосланная во все посольства в Москве и в Киеве в октябре 1992 г. нота оповестила мир об этой новации в международной практике. Объективности ради следует отметить, что присвоение кораблям Черноморского флота новой военно-морской символики могло повлечь за собой возникновение ряда проблем. В частности, сложности проистекали из того, что в соответствии с Женевской конвенцией 1958 г. об открытом море «суда имеют национальность того государства, под флагом которого они вправе плавать». При этом «суда должны плавать под флагом только одного государства».

Военные корабли, помимо этого, должны соответствовать требованиям, в силу которых словосочетание «военный корабль» означает «судно, принадлежащее к военно-морским силам какого-либо государства и имеющее внешние знаки, отличающие военные корабли его национальности, находящееся под командой офицера, состоящего на государственной службе, имя которого занесено в список офицеров ВМФ, и имеющее экипаж, подчиненный регулярной военной дисциплине».

Таким образом, национальная принадлежность является важнейшим составным элементом определения понятия «военный корабль», без четкого установления которой военный корабль не сможет пользоваться иммунитетом и другими вытекающими из его статуса правами. Флаг судна символизирует принадлежность военного корабля только одному государству.

В силу этого нельзя было исключать, что какие-либо государства могли бы по тем или иным причинам поднять вопрос о том, что на Объединенном Черноморском флоте используется символика несуществующего государства и что его корабли по этой причине не имеют государственной принадлежности.

Обоснованием для подъема флага на кораблях Черноморского флота, находящихся под объединенным командованием президентов России и Украины, могло бы служить положение Женевской конвенции, согласно которому ее нормы, касающиеся права на флаг, «не затраги-

вают вопроса о судах, состоящих на официальной службе какой-либо межправительственной организации и плавающих под флагом этой организации». [...]

На этой стадии в переговорах произошел весьма необычный для дипломатической практики казус, который заслуживает подробного рассказа. Дело обстояло так.

Президент Украины, ознакомившись с ходом переговоров, внес ряд существенных поправок в украинскую позицию по проблеме Объединенного командования. 30 ноября он направил Б.Н. Ельцину личное письмо с исправленным вариантом Соглашения об объединенном командовании Черноморского флота и Положения о нем, а также текст совместного решения о назначении вице-адмирала В.П. Ларионова временно исполняющим обязанности командующего Черноморским флотом.

Все эти документы, заранее им подписанные, были направлены в Москву с предложением, чтобы Б.Н. Ельцин поставил под ними свою подпись, а затем передал, таким образом, подписанные документы в Киев без личной встречи. Именно так поступили Москва и Киев ради экономии времени с Соглашением о военно-морской символике Черноморского флота на переходный период. [...]

Москва сочла неприемлемым положение о том, что все приказы и директивы командующего Черноморским флотом, а также начальника штаба ЧФ имеют юридическую силу только при наличии подписей их первых заместителей. Поэтому вместо того, чтобы поставить свою подпись рядом с подписью Л.М. Кравчука в присланных ему документах, Б.Н. Ельцин направил ему ответное послание.

В нем Президент России обращал внимание украинского президента на то, что вполне достаточно того, что объединенное командование ЧФ будет непосредственно подчиняться двум президентам, и, стало быть, должно будет выполнять все принятые президентами решения. В таких условиях обязательность подписей первых заместителей командующего Черноморским флотом станет не только нецелесообразной, но и, по мнению военных специалистов, создаст излишние трудности для нормального функционирования ЧФ. Б.Н. Ельцин предложил внести соответствующие поправки в присланный Л.М. Кравчуком текст.

Президент России высказал также мнение о важности подписания документа об объединенном командовании одновременно с пятью другими документами, которые в Ялте были определены как первоочередные и призваны обеспечить нормальное функционирование Черноморского флота в переходный период. Он перечислил их.

Речь шла о таких соглашениях, как о статусе, целях и задачах переходного периода; о порядке комплектования ЧФ на переходный период; о тыловом обеспечении ЧФ на переходный период; о финансировании ЧФ в переходный период; об особенностях применения нормативных актов, регламентирующих порядок прохождения военной службы на переходный период. Без внесения ясности в эти вопросы трудно обеспечить деятельность Черноморского флота. При этом было добавлено, что государственным делегациям по ЧФ России и Украины следует активизировать работу с тем, чтобы в кратчайшие сроки представить все эти соглашения на рассмотрение президентов.

В текст совместного решения о назначении вице-адмирала В.П. Ларионова временно исполняющим обязанности командующего Черноморским флотом в Москве была внесена одна поправка – снято упоминание о законодательстве страны пребывания как одной из правовых основ деятельности командующего флотом.

При этом Москва исходила из того, что Черноморский флот – это совместный флот России и Украины и его командование должно руководствоваться в своих действиях нормами и категориями международного права, т.е. соглашениями между Российской Федерацией и Украиной, а также совместными решениями Президента России и Президента Украины.

Именно так было записано и в Положении об Объединенном командовании ЧФ, присланном самим Л.М. Кравчуком. Б.Н. Ельцин подписал измененный текст решения и отправил его на подпись Л.М. Кравчуку в случае его согласия. Такая формула была принята Киевом

и использована несколькими неделями позже при назначении командующим Черноморским флотом адмирала Балтина.

В декабре Президент России направил в Киев это ответное послание вместе с перечисленными выше документами с нашими уточнениями. Ответа из Киева получено не было.

Этот вопрос получил совершенно неожиданное развитие. 15 января 1993 г. в Москве состоялась встреча Б.Н. Ельцина и Л.М. Кравчука. Она была названа встречей государственных делегаций Российской Федерации и Украины, возглавлявшихся президентами двух стран.

Никаких переговоров по Черноморскому флоту в период между отправкой Б.Н. Ельциным в Киев в середине декабря своего послания вместе с соответствующими документами и встречей 15 января не велось. Стало быть не произошло и никакого движения вперед в подготовке набора соглашений, необходимых для нормального функционирования Черноморского флота в переходный период.

Тем большее удивление вызвал у меня звонок помощника Президента России Д.Рюрикова, сообщившего мне накануне прибытия Л.М. Кравчука в Москву, что на имя Б.Н. Ельцина получен проект соглашения об объединенном командовании Черноморского флота, уже подписанный Л.М. Кравчуком. Украинский президент предлагает Б.Н. Ельцину подписать его во время их встречи. Д.Рюриков попросил меня взглянуть на всякий случай, о чем идет речь.

Вскоре офицер фельдсвязи вручил мне пакет, в котором я обнаружил текст соглашения, действительно подписанный Президентом Украины, но в варианте, против которого возражала российская сторона. К тому же все остальные соглашения оставались, как говорится, за бортом. При этом никаких пояснений. Бывает и такое...

Посоветовавшись в делегации, мы пояснили Д.Рюрикову суть дела. Наступил день встречи. Она началась с беседы президентов с глазу на глаз, после чего делегации собрались в полном составе в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Делегации немногочисленные, всего по восемь человек. Л.М. Кравчук предложил начать с вопроса о Черноморском флоте. Б.Н. Ельцин согласился. Сразу после этого Президент Украины протянул через стол отпечатанный на договорной бумаге текст Соглашения об объединенном командовании Черноморским флотом на переходный период.

– Я уже подписал его, – пояснил он, – может быть, подпишете и вы, Борис Николаевич?

Б.Н. Ельцин неуверенно взял в руки документ, потом вопрошающе взглянул направо от себя. Сидевший там министр никак не реагировал на происходящее. Б.Н. Ельцин взглянул налево. Там другой министр тоже молчал и как бы не замечал взгляда Б.Н. Ельцина. Было ясно, что президент оказался в затруднительном положении: он был не готов к такому повороту событий.

Б.Н. Ельцин держал текст Соглашения, но как поступить с ним он явно не знал, и никто из окружавших его ближайших помощников на помощь к нему не приходил.

Я занимал восьмое, последнее по рангу, место среди присутствовавших и все отчетливее понимал, чем могла завершиться эта немая сцена: еще минута, другая и, попав в такое положение, президент поставит свою подпись. Документ вступит в силу со всеми вытекающими для флота и для России последствиями! Наблюдаемая мною картина резко расширяла мои представления о том, что может происходить в дипломатии. Оказывается, в ней может быть и такое, чего и быть не может! И уж во всяком случае, не должно было быть! Надо действовать!

Я встаю со своего места в конце стола, подхожу к Б.Н. Ельцину и громко, так, чтобы слышала вся украинская сторона стола, говорю, что переговоры не завершены, тексты соглашений не готовы. Б.Н. Ельцин не произносит ни слова, но и не подписывает документ. Он смотрит на Л.М. Кравчука. Опять молчание. Но теперь на него нужно отвечать украинской стороне. Может быть, кто-то (тот же В.В. Дурдинец – он рядом с Л.М. Кравчуком) возразит мне? Этого не происходит. Молчание прерывает Л.М. Кравчук.

– Так что, пусть делегации поработают еще? – с улыбкой спрашивает он, обращаясь к Б.Н. Ельцину.

– Да, пусть поработают, – отвечает Б.Н. Ельцин.

Злополучный текст возвращается в руки украинского президента. Я отправляюсь на свое место. Присутствующий при этом главнокомандующий нашим ВМФ вздыхает с облегчением.

Завидово. Встреча состоялась 17 июня. На саму встречу я приглашения не получил. Как мне рассказали, встреча проходила сложно. Соглашение по Черноморскому флоту, которое Б.Н. Ельцин и Л.М. Кравчук подписали в ее итоге, далось ценой больших усилий. Президентам неоднократно приходилось лично вторгаться в работу экспертов для того, чтобы сбрасывать накал эмоций. Было принято решение провести ускоренный раздел Черноморского флота. К этому президенты пришли в разговоре один на один. Начать раздел предписывалось уже в сентябре 1993 г. путем «практического формирования ВМС Украины и ВМФ России на основе раздела Черноморского флота и определения договорных условий базирования ВМФ России в Украине». Завершить это формирование «в срок, определенный Ялтинским соглашением». При этом уточнялось, что базирование флота на переходный период остается совместным и определяется отдельным соглашением.

В Соглашении было отмечено, что при формировании Военно-Морских Сил Украины и Военно-Морского Флота России на базе Черноморского флота стороны будут взаимодействовать в интересах обеспечения безопасности Украины и Российской Федерации. Наконец, президенты вновь записали положение о запрете на переходный период любых односторонних действий в отношении Черноморского флота, а также на издание приказов и распоряжений, не исходящих от президентов РФ и Украины. В течение этого периода командующий Черноморским флотом должен был управлять им в соответствии с данными ему президентами РФ и Украины полномочиями.

Масандра. Соглашение, подписанное в Завидово, подлежало ратификации и вступало в силу с момента обмена ратификационными грамотами. На этом условии настояла украинская сторона. Но думал ли Киев выполнять его? Ничего не говорило в пользу этого. День за днем истекали все сроки, обозначенные в Соглашении в качестве рубежей его выполнения. А через два года в уже цитировавшемся нами интервью от 20 июня 1995 г. Л.М. Кравчук откровенно заявит: «Соглашение о разделе Черноморского флота 50 x 50 еще не означало его фактического раздела, так как этот документ предстояло ратифицировать парламентам России и Украины, на что, как было заведомо известно, они не пойдут».

Поскольку Соглашение в действие не вводилось, ничего не делалось и в отношении создания предусмотренной в нем межгосударственной комиссии, призванной разработать документы по осуществлению Соглашения. В таких условиях деятельность ранее существовавших государственных делегаций России и Украины по Черноморскому флоту оказалась парализованной и переговорный процесс заглох.

Наши обращения к Киеву с целью наметить пути движения вперед отклика не находили. В российском руководстве это вызывало недоумение, которое усиливалось под влиянием того обстоятельства, что Украина настойчиво ставила перед Москвой интересовавшие ее вопросы. Прежде всего, экономические. При этом наши партнеры неизменно находили понимание их озабоченности, вызванной тяжелым положением украинской экономики.

Нефть и газ – жизненно важные для Украины энергоносители – поставлялись Россией в Украину по ценам значительно ниже мировых. В результате, по подсчетам российских специалистов, только в 1992 г. Россия недополучила 15,6 млрд. долл. США.

Во время встречи в Дагомысе по настоянию украинской стороны в подписанное там Соглашение было включено положение о том, что «во взаиморасчетах за товары и услуги Стороны (т.е. Россия и Украина) будут исходить из цен мирового рынка». Оставалось неясным, чем объяснялась проявленная украинцами при принятии этого положения настойчивость: иллюзорными оценками возможностей украинской экономики или стремлением что-то продемонстрировать политически.

На деле и после встречи в Дагомысе Киев прилагал все возможные усилия, чтобы получать энергоносители из России по ценам ниже мировых. При этом быстро нарастала задолженность за российский газ. К концу августа 1993 г. она перевалила за 600 млн. долл. Причем российская сторона выполнила в первом полугодии 1993 г. в рамках установленных квот договор на поставку украинским потребителям энергоресурсов с незначительным отставанием по нефти (9%). Украина за этот же период обеспечила поставку оборудования для российских предприятий топливно-энергетического комплекса только на 9,6%.

26 мая правительства двух стран подписали Соглашение о реоформлении в государственный кредит, то есть фактически в государственный долг Украины ее задолженности в сумме 1050 млрд. рублей, образовавшейся в связи с получением Украиной кредитов в Центральном банке Российской Федерации.

Общая величина предоставленного кредита учитывалась в этом Соглашении в долларах США и была определена по согласованному для этой цели с украинцами курсу в сумме 2500 млн. долл. США. С учетом того, что курс рубля снизился, соответственно, сумма долга в рублях уже к середине сентября 1993 г. достигла примерно 2,5 трлн. рублей.

Предусмотренный этим Соглашением государственный кредит был выдан сроком до 1 октября 1999 г. с погашением в 1994-1999 годах в размере одной шестой части общей суммы ежегодно. В июне 1993 г. правительство России согласилось предоставить Украине дополнительный государственный кредит в размере 250 млрд. рублей для оплаты поставок товаров и услуг из России.

При таком внимании к потребностям Украины и к выполнению договоренностей, представлявших для нее интерес, дефицит взаимности с украинской стороны в других областях в Москве вызывал все больше вопросов. В частности, это касалось выполнения Соглашения по Черноморскому флоту. Отметим попутно, что трудно шли в то время и переговоры о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия.

В связи с этим в Москве возникал более масштабный вопрос: как относиться к заверениям украинского руководства, зафиксированным, в частности, в Дагомыском соглашении о заинтересованности в развитии дружественных отношений с Россией.

В силу всего этого Москва предложила Киеву в срочном порядке провести новую российско-украинскую встречу на высшем уровне для обсуждения складывающегося в отношениях между двумя странами положения. Местом встречи была избрана Массандра в Крыму.

Сочи. В воскресный день в начале июня мне на дачу позвонил В.С. Черномырдин. Сказал, что в Минске Б.Н. Ельцин и Л.Д. Кучма договорились провести специальную встречу, посвятив ее главным образом проблеме Черноморского флота. В Сочи. 9 июня.

– Приготовьте все, что требуется.

Звонок неожиданный. После согласия Б.Н. Ельцина с предложением Л.Д. Кучмы о том, чтобы все переговоры с Украиной возглавил с нашей стороны О.Н. Сосковец, задания по Украине проходили через него. Теперь я получил указание непосредственно от руководителя правительства, и это скорее всего было согласовано с Президентом.

Задание ответственное, поскольку то, что произошло на переговорах в Киеве 7-8 февраля и 20-21 марта, было контрпродуктивно для российско-украинских отношений в целом.

Плохо было уже то, что там была сделана серия уступок без ответных шагов партнера, а это обычно только мешает достижению договоренностей. Но главное, что в Киеве уверовали в возможность заключения общеполитического договора и визита Б.Н. Ельцина в Украину без решения проблем Черноморского флота.

Это вело к нарушению хода переговорного процесса и грозило породить негативное отношение к действиям российского руководства со стороны общественного мнения России. К тому же Киев продолжал ужесточать свои позиции по проблеме Черноморского флота.

6 июня украинцы передали нам свой проект заключительного документа встречи в Сочи. Заранее. Такое с нашими коллегами не случалось никогда раньше. В Киеве, вероятно, стреми-

лись повлиять на ход нашей подготовки и повлиять на высшем уровне, поскольку их проект предназначался для российского руководства.

Что же представлял собой украинский проект? Он был составлен в виде совместного заявления, причем под этим названием, в качестве подзаголовка, уточнялось, что речь шла лишь о коммюнике. Таким образом, Киев намеревался выразить итоги переговоров в Сочи в наименее обязывающей форме по сравнению со всеми ранее принятыми российско-украинскими документами по Черноморскому флоту. По сути проект отражал содержание послания Л.Д. Кучмы Б.Н. Ельцину от 22 мая, о котором уже шла речь выше.

По мнению всех наших заинтересованных ведомств согласие с изложенным Киевом подходом означало бы ликвидацию всякой правовой основы присутствия нашего Черноморского флота в Украине. В украинских предложениях отсутствовало даже указание на то, что штаб Черноморского флота РФ должен располагаться в Севастополе. Их принятие привело бы к тому, что Россия там не имела бы ни базы, ни флота.

Кроме того, украинский текст был отягощен такими не имеющими отношения к рассматриваемому вопросу проблемами, как введение в действие конвенции по запрещению химического оружия, договора по открытому небу, конвенции по запрещению биологического оружия, да и не только этим. Данный проект только усилил возникшее на самом верху недоумение: выходило, что при президентстве Л.М. Кравчука договариваться с Украиной было проще, чем при президентстве Л.Д. Кучмы.

Все это надо было постараться выправить на встрече в Сочи, что подчеркивало ее значение.

Я предложил главные итоги переговоров в Сочи отразить в форме соглашения по Черноморскому флоту, придав к тому же этому документу как можно более обязывающий характер.

Дополнительно – по другим вопросам, которые могли бы обсуждаться в Сочи, – можно было бы составить коммюнике, учитывая, что такая форма заключительного документа предлагалась украинцами. Это был бы небольшой шаг им навстречу.

Данные предложения были приняты, и наша делегация разработала соответствующий проект соглашения.

Прилетели мы в Сочи 8 июня утром. Президент серьезно готовился к встрече. Я это чувствовал по тому, что его помощники Батурин и Д.Рюриков до поздней ночи несколько раз просили меня пояснить или уточнить те или иные положения нашего проекта Соглашения. В конце концов, проект был окончательно одобрен, и Д.Рюриков повез передавать его украинцам утром 9 июня до начала переговоров. О серьезности настроя свидетельствовало и то, что незадолго до выезда на переговоры меня попросили подготовить заявление на случай их неудачи.

Переговоры начались с беседы один на один: Б.Н. Ельцин – Л.Д. Кучма. Затем последовало краткое заседание в расширенном составе. Указание двух президентов: согласовать проект Соглашения. С российской стороны это поручается мне, с украинской – министру иностранных дел Г.Удовенко. Ориентировку к этой работе я получаю минимальную: не настаивать на использовании нами «всех» объектов в Севастополе и на фиксации в Соглашении места расположения штаба ВМС Украины. Решение последнего вопроса оставлялось на усмотрение Украины, так как речь шла о ее территории. Это все, если не считать настойчивой просьбы: подготовить быстро. [...]

В середине работы меня приглашает переговорить В.С. Черномырдин. Он в небольшом садике вместе с Л.Д. Кучмой. Л.Д. Кучма просит не упоминать в Соглашении открытым текстом о неперемещаемости Черноморского флота. Украинский президент поясняет, что прямое указание на ее раздел может создать для него большие трудности. В.С. Черномырдин говорит мне, что надо пойти навстречу. Я предлагаю в качестве выхода объединить все движимое и недвижимое на Черноморском флоте одним понятием «имущество» Черноморского флота. Оба соглашаются. Чем дальше, тем чаще около нас появляются помощники Б.Н. Ельцина:

«Хорошо бы поскорее...», «А нельзя ли еще быстрее...». Наконец, текст готов. Президенты одобряют его без поправок. Сразу же следует подписание.

Что же в Соглашении? В статье первой говорится: «На основе Черноморского флота создаются Черноморский флот России и ВМС Украины. Черноморский флот России и ВМС Украины базируются раздельно».

Это означает, что впервые с тех пор, как переговорами занялся Е.К. Марчук, Украина признает название «Черноморский флот Российской Федерации». Даже в украинском проекте итогового документа по Сочинской встрече, переданном 6 июня, Киев продолжал предлагать формулу «Военно-Морской Флот Российской Федерации на Черном море».

Мы много раз просили украинских коллег пояснить, в чем для них проблема говорить о Черноморском флоте России. Они без объяснений заявляли, что для них это едва ли вопрос принципиального значения. Может быть, конечно, кого-то в Киеве смущало то, что название «Черноморский флот Российской Федерации» делало нашу страну в этом вопросе преемницей и носительницей многовековой традиции? Но мы ведь были вправе называть наш флот на Черном море так, как считали нужным. Как бы то ни было, вопрос отныне был решен при обоюдном согласии.

В статье второй четко говорится, что «основная база Черноморского флота Российской Федерации с размещением в ней штаба Черноморского флота Российской Федерации находится в г. Севастополь». Далее уточняется, что «Черноморский флот Российской Федерации использует объекты Черноморского флота в г. Севастополь и другие пункты базирования и места дислокации корабельного состава, авиации, береговых войск, объектов оперативного, боевого, технического и тылового обеспечения в Крыму».

Отсутствие указания на «все» перед словом «объекты» было шагом навстречу пожеланиям украинцев, сделанным на высоком уровне, и открывало предпосылки для более гибкого решения проблемы.

В статье 3 говорилось: «Правительства Сторон урегулируют вопросы, относящиеся к имуществу Черноморского флота, и подпишут на этот счет отдельное соглашение, имея в виду ранее достигнутую договоренность о разделе указанного имущества в соотношении 50 на 50 процентов».

Насчет кораблей и судов Черноморского флота в статье 4 было подтверждено, что 81,7% из них передается России, 18,3% – Украине.

Статья 6 гласила: «Если одна из Сторон будет заинтересована в использовании объектов, которые по условиям настоящего Соглашения предусматриваются для использования другой Стороной, вопросы будут решаться путем заключения специальных соглашений для каждого конкретного случая».

Это открывало путь к решению проблем с использованием так называемых уникальных объектов, то есть объектов, не поддающихся разделу, но необходимых для функционирования обоих флотов.

В статье 7 говорилось, что «каждый офицер, мичман и прапорщик Черноморского флота имеет право на свободное определение своей дальнейшей службы».

Первоначально украинцы настаивали на том, что определяющим для выбора дальнейшей службы должно быть гражданство военнослужащего.

Статья 8 зафиксировала, что «Российская Федерация участвует в развитии социально-экономической сферы г. Севастополь и других населенных пунктов, где будет дислоцироваться Черноморский флот РФ».

В статье 9 нашла отражение давно высказывавшаяся идея о том, что «Стороны в целях сохранения стабильности в регионе Черного моря и обеспечения безопасности с морских направлений объединят усилия по взаимодействию и сотрудничеству в военно-морской области. Организация и порядок сотрудничества в этой области будут определены Соглашением о сотрудничестве между ВМФ России и ВМС Украины».

Было решено, что «Стороны продолжают переговоры, относящиеся к Черноморскому флоту, и, в частности, разработку правового статуса и условий пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины; порядка осуществления взаиморасчетов, связанных с урегулированием проблемы Черноморского флота, и по другим вопросам» (статья 10).

Наконец, в статье 11 говорилось, что «для наблюдения за выполнением договоренностей по Черноморскому флоту создается смешанная российско-украинская комиссия в составе государственных делегаций РФ и Украины по переговорам по Черноморскому флоту.

Комиссии поручается разработать конкретные параметры раздела объектов Черноморского флота».

Главное достоинство Соглашения состояло в том, что оно содержало четкие указания для завершающего этапа переговоров по Черноморскому флоту на основе баланса интересов России и Украины, выявленного за несколько лет напряженного совместного поиска.

Соглашение было подписано Б.Н. Ельциным и Л.Д. Кучмой. [...]

Обстановка после сочинских договоренностей требовала незамедлительных действий. Необходимо было конкретизировать заложенные в них принципы. Только это позволило бы на деле создать Черноморский флот России. Я полагал, что это следовало сделать путем заключения с Украиной трех соглашений: «О статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины»; «О параметрах раздела Черноморского флота»; «О взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины».

Первостепенное значение при этом имели первые два. Их я и предложил разработать в срочном порядке. Третье соглашение такой срочности не предполагало. Но в случае настойчивости украинской стороны его можно было заключить одновременно с двумя первыми в качестве развязки переговоров.

Далее. Анализ обстановки в Украине вокруг проблемы Черноморского флота показывал, что надежность в урегулировании проблемы Черноморского флота связывалась с неременной ратификацией договоренностей парламентами двух стран. Это требовалось и в России.

Страсти вокруг судьбы Черноморского флота в нашей стране продолжали кипеть. Ратификация возможных договоренностей требовалась уже для того, чтобы привести общественное мнение страны по данной проблеме к какому-то общему знаменателю.

В то же время необходимо было обойти опасные рифы, связанные с ратификацией Соглашения. Особенно это касалось Украины. Сложности состояли в том, что процесс ратификации мог растянуться до бесконечности, а самое главное, ратификация могла и не состояться. Так уже случилось с Московским соглашением. Она также могла быть сорвана и в отношении новых соглашений, и это потребовало бы новых переговоров, а значит, и затяжки с решением проблемы на неопределенный срок.

Чтобы избежать этой угрозы, я предложил воспользоваться положением Венской конвенции о праве договоров. Данное положение предусматривало введение в действие по согласию сторон договора или соглашения, подлежащего ратификации, на временной основе сразу же после его подписания. При этом имелось в виду, что ратификация будет произведена позже.

Требовалось также определить сроки действия договоренностей по Черноморскому флоту. Следовало исходить из того, что этот срок должен быть значительным. Его продолжительность необходима для надежного функционирования флота и оказания эффективной помощи Севастополю в решении социальных проблем.

Наконец, представлялось важным сохранить высокую степень вовлеченности в переговоры руководителей России и Украины, сократив до минимума вероятность заклинивания переговоров на экспертном уровне.

Все эти соображения нашли одобрение руководства.

ИНТЕРВЬЮ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ¹
ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДУБИНИНА
РЕДАКЦИИ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Редакция КЖМП (А.Б. Мезяев): Юрий Владимирович, Вы описываете в своей книге интересный прецедент, когда во время переговоров, которые Вы вели по Черноморскому флоту, международный договор был подписан путем обмена письмами. Президент Украины Кравчук отправил Президенту России уже им подписанное письмо, на что Президент России сделал поправки и отправил ему уже свой вариант. Насколько часто используется такая практика, когда международные договоры заключаются обменом письмами?

Ю.В. Дубинин: Видите ли, переговоры имеют определенную дипломатическую историю, накоплен огромный багаж прецедентов. Переговоры – это творческий процесс, в мире нет двух переговоров, идентичных или повторяющих друг друга. Переговоры предполагают использование самых различных методов и приемов, для того чтобы искать договоренность и находить договоренности. Такая форма, как направление прямых каких-то предложений от руководителей дипломатических служб, руководителей стран одного государства другому, часто применяется или в начале переговоров, или входе переговоров. Много раз наша страна выходила на переговоры, применяя тактику предварительной, до начала переговоров, передачи другой стороне не только нашей общей позиции по обсуждаемому предмету переговоров, но и текстов конкретных соглашений, которых хотели бы достичь. Так что и в данном случае был один из методов ведения переговоров, но вместе с тем, я хочу сказать, при всей гибкости этой практики существует и определенная этика ведения переговоров. Во время переговоров по Черноморскому флоту мы столкнулись с любопытной акцией украинской стороны. У нас также там были с украинской и с российской стороны государственные делегации, которые вели переговоры с соответствующими полномочиями. Эти делегации досконально разбирали

¹ 1994-1996 гг

вопросы, заявляли свои позиции, и в ходе этих переговоров возник целый ряд сложностей. С украинской стороны были заявлены такие позиции, которые в этих же переговорах были отклонены российской стороной. Отклонены обосновано, предметно. Вслед за этим последовала несвязанная с данными переговорами встреча двух президентов России и Украины. Встреча проходила в Москве, мы нашему Президенту доложили о ходе прошедших переговоров и заявленные позиции. Нами были разработаны для нашего Президента какие-то развязки тех вопросов, которые существуют, это обычная практика подготовки такого рода встреч. И вдруг, накануне приезда украинского Президента, мне помощник нашего Президента сообщает, что на имя нашего Президента Президент Украины прислал полный текст договоренностей по Черноморскому флоту, уже подписанный, который предлагалось подписать и нашему Президенту. Этот текст совершенно не учитывал те позиции, которые российская сторона довела до сведения украинской стороны в ходе прошедших переговоров. Я бы даже сказал, что учитывал с точностью до наоборот. Вместе с тем, это письмо было передано нашему Президенту. Передано прямым способом, даже не через Министерство иностранных дел. Накануне приезда и в самый последний момент мне его передали посмотреть. У нас даже не было времени для того, чтобы обработать это письмо, подготовить ответ нашего Президента. И, в конечном итоге, на встрече двух президентов украинский Президент начал с того, что «я вам прислал письмо с приложением текста с предложением по Черноморскому флоту. Я его уже подписал. Не согласитесь ли Вы тут же подписать это письмо?». Это был такой сюрприз с точки зрения переговорной практики. Президент Украины после его заявления взял и протянул на подпись через стол нашему Президенту этот документ. Наш Президент был поставлен в сложное положение, ни он, ни министр обороны, ни министр иностранных дел не были знакомы с этим соглашением. И тогда пришлось, я помню, мне встать и подойти близко и в порядке информации тактично и вежливо сказать, что этот документ, эти предложения делегации не известны и не проработаны. Это было сказано громко, таким образом, чтобы слышали все. Президент Украины, услышав меня, развел руками и сказал, что пусть еще поработают, тем самым разрядил обстановку. Дальше президенты перешли к обсуждению каких-то других вопросов, а государственным делегациям пришлось продолжить их кропотливую работу. Несмотря на то, что каких-то определенных правил ведения переговоров нет, существуют просто определенные этические нормы, который носят даже определенный международно-правовой характер, а некоторые носят характер этических постулатов. Исходя из многолетней практики переговоров, эти этические постулаты исходят из общечеловеческого понимания данных этических норм, в силу чего я на следующей встрече с украинским Президентом все-таки аккуратно задал вопрос: каким образом была проведена такого рода акция в ходе переговоров, когда, не поставив нас в известность, был сформулирован текст и подан на подпись Президенту с предложением, чтобы он выступил с инициативой получить без переговоров на пленарном заседании подпись нашего Президента? Он развел руками и сказал: ну да, у нас же не было согласия, вот я решил перенести это сразу на высокий уровень, что, в принципе, вполне бывает, когда делегации не достигают договоренностей между собой. Конечно, обращаются они к руководству страны, и руководство страны вправе считать так, как считает нужным, но при соблюдении определенных этических норм. Я должен сказать, что конечные соглашения по Черноморскому флоту радикальнейшим образом отличались от тех, которые были столь необычным образом предложены для подписания нашему Президенту.

Редакция КЖМП: Читая Вашу книгу, чувствуется, что на всех российско-украинских переговорах присутствовали не только делегации России и Украины, но еще и некие «третьи силы». Так, например, Вы пишете о том, как интересовался ходом переговоров по ядерному оружию посол США, и о том, как интересовались ходом переговоров по Черноморскому флоту представители из Лондона. Как бы Вы прокомментировали, что на этих переговорах с Украиной были еще и «невидимые участники»?

Ю.В. Дубинин: Ваш вопрос вполне закономерен. В ряде случаев это были, как Вы говорили, «невидимые» участники, а в некоторых случаях, как на переговорах по ядерному оружию, США были непосредственно вовлеченными в этот процесс при определенных условиях. Но я должен сказать, что эти обстоятельства были продиктованы тем, что и те и другие переговоры носили разный международный характер. Переговоры по ядерному оружию – это часть глобальной политики, а что касается Черноморского флота – это региональная политика, хотя это также имело большое значение, и, кстати, там также косвенно возникал вопрос о ядерном оружии. То, что другие государства интересовались, и глубоко интересовались, этими переговорами, отражало не только значение этих переговоров, но и практический интерес к этому. И один из выводов такого подхода других государств и международного сообщества к этим переговорам состоял в том, что наши переговорные позиции должны были быть тщательно отработаны с точки зрения их обоснованности и с точки зрения их убедительности не только непосредственно для украинской стороны, но и для международного общественного мнения, чтобы мы могли защищать эти позиции перед международным общественным мнением открыто. В частности, это имело решающее значение при отработке нашего подхода и нашей позиции к началу переговоров по ликвидации ядерного оружия на Украине. Я этот вопрос хотел бы разобрать с точки зрения и международно-правовой, и с точки зрения дипломатического права, и с точки зрения переговорного мастерства. В чем, как правило, заключается подход развития переговоров по тому или иному вопросу? Как правило, эти переговоры начинаются с какой-то изначальной позиции, которая носит запросный характер. Это естественно, потому что каждая сторона выступает с таким вопросом для того, чтобы, во-первых, выяснить мнение другой стороны, и, во-вторых, в ходе переговоров путем взаимных уступок прийти к каким-то договоренностям. Классическая схема поисков компромиссов как одного из вариантов ведения переговоров. Отрабатывается естественно и правовая концепция, и политическая, и концепция для средств массовой информации. Естественно, что встал такой вопрос в ходе переговоров с Украиной по ядерному оружию. Вопрос: как начать эти переговоры? Вопрос о том, к чему привести был достаточно ясен, но в дипломатии имеет значение другой вопрос: Как? Каким образом? Классическая схема: запрос, потом взаимные уступки, затем – договоренность. Но какой мог быть запрос с российской стороны в отношении ядерного оружия на Украине? Это такой деликатный вопрос, в особенности в переговорах между вновь родившимися, независимыми государствами, со всеми атрибутами этой независимости, суверенности. Здесь надо было быть чрезвычайно осторожным и взвешенным, исходя из того что мы хотели вести переговоры с Украиной как с дружественной державой. С самого начала я решил снять схему какого бы то ни было запроса к украинской стороне и таким образом, априори, отказаться от тактики такого рода компромисса, который потом означает сброс позиции нашей стороны в обмен на встречные шаги со стороны Украины. Это исключалось полностью, потому что малейшая ошибка, малейшая неаккуратность в запросе к Украине могла бы быть обращена украинской стороной к своему или международному общественному мнению с обвинением России в том, что мы хотим извлечь из этих переговоров выгоду для себя и предъявляем изменения запроса Украине. Это исключалось. Была избрана совершенно другая схема переговоров. С самого начала, с первых слов, четко изложить позицию российской стороны, которая заключалась бы в том, как мы можем помочь. Максимально помочь украинской стороне, избавиться от груза доставшегося ей от Советского Союза и выйти на подписание Договора о нераспространении ядерного оружия. Конкретно это выражалось в очень простых фразах. Российская сторона готова утилизировать ядерные боеприпасы стратегического ядерного оружия, оставшиеся на Украине, и полностью вернуть эквивалент расщепляющихся материалов, которые мы извлечем из этих ядерных боеприпасов под украинским контролем. То есть запросной позиции не было, но была сразу изложена та предельная позиция, на которую позволяла выйти мне и нашей делегации директива нашего руководства. И эта позиция была сильна тем, что если бы в ответ мы столкнулись с какими-то дополнительными требованиями с украинской стороны, то тогда уже мы критически бы относились к такого рода требованиям. Требования такие

были. Так, например, были разговоры о том, чтобы Россия заплатила 10 млрд. долларов за то, что ядерные головки с Украины будут утилизированы. Простите, а за что Россия должна платить? За то, что мы дружелюбно относимся к Украине, которая до этого публично заявила при своем возникновении, как суверенное государство, что хочет быть неядерным государством? Так за что России платить? Конечно, это достаточно трудные переговорные процессы. Казалось бы, это была трудная позиция, но она оказалась выигрышной. Потому что когда мы изложили ее на первом же заседании, мы поставили Украину в безвыходное положение. Она должна была либо дать согласие, поскольку ее требования были максимально учтены с самого начала, либо начать заранее проигрышный торг. К сожалению, она пошла по второму пути. И в связи с этим, не добившись от российской стороны никаких дополнительных уступок, Украина, в конце концов, подписала соглашение, договорилась с нами по ликвидации всего стратегического ядерного оружия на тех условиях, которые были в первой части переговоров предложены российской стороной. Выбор верной стратегии и тактики привел к тому, что мы закончили весь этот цикл переговоров по основным вопросам, которые Запад поначалу считал обреченными на полный провал. А мы закончили подписанием Договора о дружбе и партнерстве с Украиной, который действует до сих пор.

Редакция КЖМП: В Ваших мемуарах указано на одну интересную деталь: российская делегация обладала самыми широкими правами, включая право парафирования подготовленных текстов договоров. Расскажите об этом, пожалуйста, подробнее...

Ю.В. Дубинин: Полномочия делегаций определяются важностью и срочностью вопросов, которые подлежат обсуждению. В наши делегации включались очень ответственные лица на уровне заместителей министра, первых заместителей министра, да и министров, отвечавших в нашей стране за те вопросы, которые подлежали обсуждению, и, таким образом, предполагалось, что это будет компетентная работа и компетентные договоренности. Однако огромные полномочия – это огромная ответственность, поскольку она как бы оставляет и предоставляет возможность решать многие вопросы по ходу дела, без длительных согласований с центром, как это часто бывает на переговорах. Но зато возлагается вся ответственность за то, что вы предложите, на плечи делегации. Во всяком случае, это создавало для нас, я бы сказал, устойчивую платформу и большую степень уверенности. И это тоже важный элемент. Бывают и такие ситуации, когда противник или партнер рассчитывает на какой-то эффектный ход, с тактическими замыслами, что делегации партнера потребуется время для обдумывания, потребуется время для доклада правительству, для согласования. А это время будет использовано авторами такого замысла, для того чтобы подавать свою версию, раскручивать какой-то свой вариант, свое видение вещей, что иногда может давать тактические преимущества. Когда же делегация чувствует себя уверенной? Когда у нее есть все необходимые полномочия и нет каких-то конкретных указаний, по конкретному вопросу, когда она может руководствоваться общими установками, пониманием общего политического курса, который ей задан, действовать быстро и сохранить, таким образом, инициативу, что для переговоров чрезвычайно важно. Кто ведет переговоры? Это существенная вещь. Я неоднократно имел дело с такими ситуациями не только в переговорах с Украиной, но и в переговорах с другими партнерами, и в том числе при подготовке заключения Хельсинского заключительного акта. Таким образом, речь идет не только о конкретном содержании вот этой фразы: «*делегации предоставляется право парафировать*», но и о той уверенности и о том доверии, которое скрывает, несет в себе такое уточнение, такое право.

Редакция КЖМП: А украинская делегация обладала таким же правом?

Ю.В. Дубинин: Я не знаю. Я не читал их директив. У них все делегации были очень высокого уровня. Ну, скажем, делегацию на переговорах по вопросам присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, т.е. фактически о ликвидации ядерного арсенала Советского Союза, который оставался на территории Украины, возглавлял член правительства

ства, к тому же он был депутатом, который вел определенную фракцию, т.е. это был весьма высокоуполномоченный человек. В делегацию входили высокие представители ведомств. Он опирался если не на какие-то конкретные указания, то, во всяком случае, на настроения, которые он сам выражал и сам формировал в украинском парламенте и украинском правительстве. То есть он обладал широкими полномочиями и с самого начала переговоров сразу сделал заявление по позиции украинского правительства. Он мог предполагать, что у нас есть директивы руководства России, но не обязательно у нас в кармане есть какие-то конкретные соображения, которые мы можем изложить от имени российского правительства, тем более в письменном виде. В таком случае могла сложиться такая ситуация, где переговоры были на виду не только у российского или украинского общественного мнения, а всего международного сообщества, когда Украина после передачи нам текста заявления от имени украинского правительства могла бы объявить общественному мнению двух стран и международному общественному мнению, что они взяли инициативу в переговорах в свои руки, что они изложили развернутое предложение и теперь будут ждать ответа российской стороны. Не знаю, было ли так написано в их директивах или были такие тактические соображения. Но имея наши полномочия и хорошо представляя общую политическую линию России в данном вопросе, мы поступили достаточно просто. Мы попросили текст заявления в письменном виде, а затем попросили сделать кофе-брейк для того, чтобы посмотреть по письменному тексту, что нам было заявлено, и после каких-то 30-40 минут мы им дали исчерпывающий ответ по этому вопросу. И вот теперь уже им пришлось готовить свой ответ. И делали они это очень долго (смеется).

Редакция КЖМП: Скажите, пожалуйста, какие директивы дал Вам Президент РФ, когда направлял Вас на переговоры по возвращению ядерного оружия из Украины в Россию?

Ю.В. Дубинин: Директивы были очень короткие. Речь шла о том, что подходя к этим переговорам с Украиной, как с государством дружественным, с которым мы хотим иметь самые тесные, наилучшие отношения, сделать все возможное для того, чтобы, если хотите, помочь или содействовать тому, чтобы Украина присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Мы были абсолютно убеждены, что это к большой пользе и России, и Украине. При этом предполагалось, что мы широким образом учтем все законные пожелания украинской стороны и что мы сделаем все, что было бы в возможностях России для того, чтобы удовлетворить эти запросы, если они будут. У нас был расчет исключительно конструктивный; более того, у нас уже за плечами был опыт переговоров с Украиной. Мой личный расчет был в том, чтобы провести переговоры быстро, потому что Россия была готова пойти навстречу Украине в этих вопросах максимально. Вот такие у нас были директивы.

КЖМП: А как бы Вы оценили с международно-правовой точки зрения попытку Украины провозгласить себя обладателями права собственности на ядерные боезаряды?

Ю.В. Дубинин (смеется): Дело в том, что эти попытки отражали определенную тенденцию украинского общественного мнения, скорее, в украинских политических кругах. Все-таки обладание ядерным оружием – это, как говорится, обладание определенным международным статусом. На территории Украины находилась огромная часть ядерного оружия Советского Союза...

КЖМП: А какая конкретно это была часть?

Ю.В. Дубинин: На Украине была часть ядерного потенциала, которая была больше, чем ядерное оружие Англии, Франции и Китайской Народной Республики вместе взятых. Таким образом, в случае, если бы Украина была бы признана ядерной державой, то она была бы третьей по величине ядерной державой в мире. Ими был выбран путь объявления Украины собственницей всех ядерных компонентов, то есть не было прямо сказано, что мы хотим быть

признанными «ядерной державой», а как бы косвенно: «мы хотим быть собственниками всех компонентов ядерного оружия». И в этом отношении их шаг был очень уязвимым с международно-правовой точки зрения, так как согласно Договору о нераспространении ядерного оружия собственность компонентов ядерного оружия – это и есть собственность на ядерное оружие. Но они его объявили свою позицию официально, защитить которую не только перед российской делегацией, но и перед международным сообществом было практически невозможно. И в этом состояли слабость и ущербность данной позиции. Что касается сути дела, то при доброжелательном отношении международного сообщества к тому, что Украина стала суверенным государством, оно с настороженностью относилось к поползновениям Украины стать ядерной державой, потому что здесь речь шла о глобальной политике и о нарушении Договора о нераспространении ядерного оружия. Украина не нашла поддержки и даже понимания у международного сообщества. Я должен сказать в оправдание высшего руководства Украины, в частности президента того времени, что оно достаточно взвешенно подходило к этим вопросам. И, в конце концов, оно же подписало эти соглашения, которые привели к благоприятному решению данных вопросов.

КЖМП: А как Вы оценили попытку Украины обосновать свою позицию уже не Договором о нераспространении ядерного оружия, а по Венской конвенции о правопреемстве государственной собственности?

Ю.В. Дубинин: Да, была такая попытка... По замыслу украинской стороны, ссылка на эту Конвенцию должна была составить платформу ее переговоров с Россией по данному вопросу. Эта попытка была рассчитана на не очень глубокие переговоры. Изначально ссылка на этот документ была с правовой точки зрения ничтожна. Конвенция не была ратифицирована Советским Союзом, этим вопрос и исчерпывался. Украина вышла, в конце концов, из того же Советского Союза, и она не могла вынести правопреемства с собой. Я даже не знаю, ратифицировала ли Украина потом эту конвенцию. В общем, получив отказ, украинцы не очень-то настаивали, каждый партнер в переговорах мобилизует все возможности, которые у него есть, в особенности правовые, или, по крайней мере, создает впечатление, что они есть.

КЖМП: Юрий Владимирович, спасибо Вам огромное, за то, что Вы поделились с нами своими воспоминаниями, за Ваши разъяснения. Наверняка осталось еще много того, чего Вы не рассказали. Поэтому будем ждать Ваших новых книг.¹

Ю.В. Дубинин: Я тронут тем, что Вы совершили такое длительное путешествие, чтобы увидеться со мной. Желаю Вам и Вашим соратникам и студентам всяческих успехов и достижений.

¹ Кроме обсуждающейся в настоящем номере нашего журнала книги «Дипломатический марафон», Юрий Владимирович является автором следующих дипломатических мемуаров: Дубинин Ю.В. «Время перемен. Записки посла в США»; Дубинин Ю.В. «Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании»; Дубинин Ю.В. «Дипломатическая быль. Записки посла во Франции».

«ПРЕСТУПНЫЕ» КНИГИ

ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

«Казанский журнал международного права и международных отношений» открывает новую рубрику – «**Преступные**» книги».

Слово «преступные» взято в кавычки. Конечно, речь идет не о книгах, которые содержат те или иные тезисы, запрещенные законом. Речь идет о книгах, которые в разное время запрещались к публикации или их публикацию пытались предотвратить. Впрочем, еще одна оговорка – потом такие запреты снимались. В этой связи представляет интерес, почему данные книги подвергались таким репрессиям.

В этой рубрике мы рассмотрим книгу бывшего пресс-секретаря Международного трибунала по бывшей Югославии Ф.Хартманн, которая отсидела в тюрьме МТБЮ за свою книгу «Преступление и наказание». Обсудим книгу бывшего министра иностранных дел Франции Ролана Дюма «L'ergueve, ergueve», публикации которой автор добился только после того, как выиграл дело в Европейском Суде по правам человека. Мы опубликуем выдержки из мемуаров бывшего президента Нигерии О.Обасанджо, тираж которой был изъят из книжных магазинов, однако генерал сумел доказать в суде свое право написать то, о чем он написал. Обсудим и книгу бывшего заместителя премьер-министра Югославии В.Шешеля, за которую его осудил Гаагский трибунал...

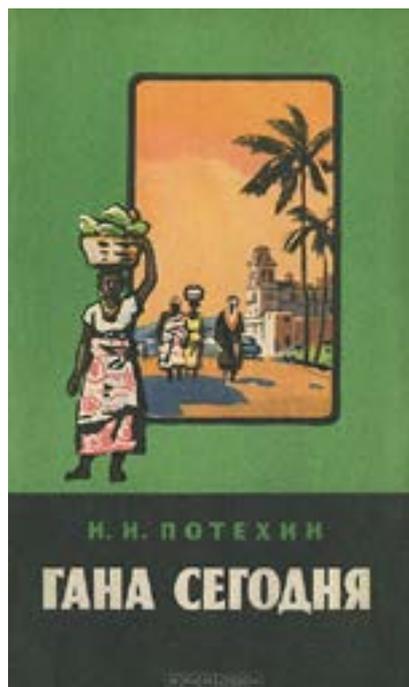
В настоящем выпуске мы открываем нашу новую рубрику статьей о поездке профессора И.И. Потехина в Гану и о судьбе его книги, написанной по результатам данной поездки. Выбор именно этой книги для настоящего выпуска обусловлен специальной темой года – 60-летие независимости Республики Гана и установление наших отношений с этой страной. Поездка профессора Потехина была необычной – она состоялась еще до того, как между СССР и Ганой (тогда еще Золотым Берегом) были установлены дипломатические отношения. В этих условиях советский ученый во многом выступил как первопроходец, в том числе по установлению контакта с первым главой независимой Ганы Кваме Нкрумой. В статье особо рассказывается о встрече К.Нкрумы с И.И. Потехиным и даже о том, как глава Ганы запросил у советского ученого совета по развитию страны.

Несмотря на то, что книга профессора Потехина была опубликована, сейчас благодаря архивным исследованиям Сергея Васильевича Мазова становится известно, что она получила негативную оценку Министерства иностранных дел СССР, в результате которой тираж книги был изъят из продажи.

С.В. Мазов пишет: *«О качестве своей аргументации [рецензент], похоже, особо не заботился, поскольку имел указание начальства дать максимально негативный отзыв о книге Потехина. ... В сопроводилке уже предлагались конкретные меры: «Просьба обратить внимание на указанные недостатки книги «Гана сегодня» и приостановить, если возможно, распространение книги впредь до соответствующей ее переработки автором». Помета на документе ... работника Географиздата: «из продажи изымается».*

Что же такое увидел и написал первый директор Института Африки Академии наук СССР Иван Изосимович Потехин – рассказывается в настоящей статье.

А.Мезяев

ГАНСКАЯ МИССИЯ ПРОФЕССОРА И.И. ПОТЕХИНА

Мазов С.В.¹

Впечатления и размышления одного из основателей советской африканистики Ивана Изосимовича Потехина² о его поездке в Гану в октябре-декабре 1957 г. были опубликованы через два года в виде дневника немислимым по сегодняшним меркам тиражом – 30 тыс.³ Несколько лет он был единственным источником, написанным профессиональным отечественным африканистом, по которому советский читатель мог составить представление о тогдашней Африке, открыть для себя континент, интерес к которому повсеместно нарастал в связи с деколонизацией. Не утратил он познавательной ценности и в наше время.

Как и любой дневник, ганские заметки – зеркало, в котором отражаются взгляды автора. Мне они не показались одномерно марксистскими и конъюнктурными. Неожиданное подтверждение своим выводам я нашел в архивных документах о сложной судьбе «Дневника» уже после его выхода в свет и возникших в связи с этим у И.И. Потехина проблем.

Сам он видел главный итог своей поездки в том, что она дала ему возможность «по достоинству оценить наследство, полученное им [молодым государством Ганой] от колониального периода, первые шаги правительства на пути дальнейшего развития экономики и культуры и трудности, которые встают перед ним на этом пути».⁴ Ганская оппозиционная пресса обоснованно сомневалась в непредвзятости советского профессора. Газета «Ashanti Pioneer» писала спустя неделю после приезда Потехина: «Он первый русский ученый из-за железного занавеса, прибывший в изучаемую страну для полевых исследований. Интересно, изменится

¹ *Сергей Васильевич Мазов* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

² О нем см.: *Давидсон А.Б.* Основатель Института Африки (И.И. Потехин) // Становление отечественной африканистики. 1920-е – начало 1960-х гг. / Отв. ред. А.Б. Давидсон. – М., 2003.

³ *Потехин И. И.* Гана сегодня. Дневник, 1957 г. – М., 1959. (Далее: Дневник).

⁴ Там же. – С. 146.

ли после работы на месте его представление о колониализме. В многочисленных статьях у Потехина для колониализма не нашлось ни одного доброго слова. Здешние обозреватели высказывают сомнения, что, просматривая архивы в Аккре, профессор будет руководствоваться следующими указаниями своих начальников в Москве: оставьте мысли об объективности и неполитическом подходе, вашей главной целью всегда должно быть укрепление коммунистической идеи».¹

Убежденному коммунисту Потехину неполитический подход был чужд. А вот с объективностью обстояло сложнее. Британское наследство Ганы не располагало к обличению колониальных язв. Золотой Берег подошел к независимости с развитым товарным сектором экономики (крупнейший в мире экспорт какао-бобов, мощная горнодобывающая промышленность), наиболее высоким в Тропической Африке доходом на душу населения (на уровне Мексики), лучшим образованием и здравоохранением, солидным валютным запасом (200 млн. ф.ст.).² Отчасти это признавал и такой непримиримый критик колониализма, как первый лидер независимой Ганы Кваме Нкрума: «Фактически Золотой Берег и по уровню народного образования, и по уровню здравоохранения стоял значительно выше большинства других колоний».³

В отличие от многих писавших тогда об Африке советских авторов Потехин не позволил себе замалчивание или намеренное искажение наблюдений и фактов, которые противоречили его устоявшимся представлениям о колониализме.

Он не кривил душой, когда подчеркивал в предисловии к дневнику, что описывал свои «непосредственные впечатления».⁴ Сделал все, чтобы они были как можно более полными и разнообразными. Пробыл в Гане относительно недолго – 70 дней, но успел очень много. Проехал через всю страну 5 тыс. миль. Побывал в университетах, школах, государственных учреждениях, офисах политических партий, редакциях газет, железнодорожных мастерских, шахтерских поселках, деревнях. Осмотрел исторические памятники, Национальный музей, выставку ганских художников. Наблюдал, как ловят рыбу, готовят традиционные блюда и напитки. Общался с политиками, вождями, чиновниками, предпринимателями, миссионерами, писателями, художниками, крестьянами, ремесленниками, охотниками. Быстро сошелся со своим шофером-африканцем, который много и охотно рассказывал о своем житье-бытье.

Потехин нашел способ донести свои впечатления до читателя по возможности в не искаженном цензурой виде. Нейтральное изложение увиденного часто завершал акцентированием негативной по советским понятиям детали, что служило основанием для очередного критического выпада в адрес колонизаторов. Тонкое и яркое описание ганских рынков, буйства уличной торговли заканчивается таким пассажем: «В большом спросе поношенная одежда. Она также импортная: старье, скупленное в европейских странах или в Америке, ввозят в больших количествах в африканские страны, и в Гану в частности. Яркое свидетельство «благотворного влияния» европейских колонизаторов – африканцы донашивают европейские обноски».⁵ Будто бы секунд хэнд продавался только в бывших колониях.

Автор порой противоречит сам себе. Объективный рассказ о передовой в Тропической Африке системе образования перемежается с инвективой в адрес колонизаторов, которые ее во многом и создали: «Английские колониальные власти предпочитали иметь дело с народом необразованным, они боялись появления в колониях местной, национальной интеллигенции, понимая, что грамотность и колониальное порабощение несовместимы».⁶ И немного ниже: «В

¹ Ashanti Pioneer, 21.10.1957.

² Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964. Неизвестные страницы истории холодной войны. – М., 2008. – С. 183.

³ Нкрума К. Африка должна объединиться. – М., 1964. – С. 64.

⁴ Потехин И. И. Дневник. – С. 13.

⁵ Там же. – С. 24.

⁶ Там же. – С. 32-33.

Гане имеется значительное количество национальной интеллигенции: журналистов, врачей, юристов ...».¹

В очевидных материальных результатах колониализма, которые приносили пользу и африканцам, Потехин видел корыстный умысел колонизаторов. Порт Такоради произвел на него впечатление «огромного резервуара, в который перекачиваются жизненные силы страны, с тем чтобы вывезти их в заморские страны». То же и о железных дорогах: их строительство «было подчинено главной задаче колониальной эксплуатации – выкачиванию сырья».²

Более объективна оценка деятельности миссионеров. Признав их заслуги перед африканцами («пионеры народного образования», ввели письменность), автор обрушивает на миссионеров стандартный набор марксистских обвинений, сопроводив их, правда, смягчающими оговорками: «Разные были миссионеры. Большинство их ехало в Африку с твердыми намерениями способствовать колониальным захватам пославших их держав. Они снабжали посылавшие их державы разведывательными материалами, уговаривали вождей племен принять «покровительство» соответствующей европейской державы, притупляли их бдительность, плели интриги и пр. Меньшая часть ехала с гуманными целями распространения среди африканских народов лучших достижений европейской культуры. Были среди них и добросовестные ученые, отправлявшиеся в Африку с научными целями. Были и авантюристы, искатели приключений. Но все они в конце концов независимо от личных убеждений играли роль пособников колонизаторов». Дальше уже безапелляционные обвинения. Миссионеры «калечили души своей паствы», воспитывая «дух смирения, покорности колониальным властям», нанесли «огромный вред» «развитию африканской культуры». В конце все же личное извинение: «Да простят «святые отцы» Ганы, снабжавшие меня информацией, мое критическое отношение к их деятельности».³

Увиденная Потехиным ганская действительность порой была для него неожиданной, противоречила сложившимся представлениям. Вот описание условий жизни крестьян в деревне Нанкесе, занятых выращиванием какао-бобов: «Почти каждое домохозяйство включает большое количество построек – жилых и хозяйственных, расположенных вокруг двора. Одну часть жилых помещений занимает хозяин с многочисленной семьей, другая предназначена для батраков, часть помещений сдается квартирантам. Почти в каждом дворе на длинных столах сушатся бобы какао. Все говорит о зажиточности. Нам показали склад кооператива по сбыту какао, частный родильный дом, мастерскую мебели. В деревне много магазинов».⁴ Сопровождавшая Потехина англичанка Полли Хилл,⁵ написавшая впоследствии несколько классических работ по аграрной истории Западной Африки, отметила, что профессор из Москвы «испытал радостное удивление, увидев, в каких хороших домах живут фермеры». Он «никак не ожидал, что в крестьянских жилищах будут деревянные оконные рамы».⁶ Не вязался этот достаток с обликом полунищего жестоко эксплуатируемого колонизаторами ганского крестьянина, который «получает небольшую часть от продажи бобов какао».⁷

Многое из увиденного и честно зафиксированного в «Дневнике» не вписывалось в железобетонную советскую схему: колониализм – виновник всех бед и проблем африканцев, он не принес ничего хорошего. Послесловие, ставшее, видимо, результатом работы с издательским редактором, имело целью обезопасить автора от возможной критики за негоже для марксиста признание позитивных аспектов колониализма. От чего Потехин и решительно отмежевался: «Английские империалисты, подводя итоги своего господства на Золотом Берегу, настойчиво твердят: вот, что было, и вот, что есть. «Все это сделано нашими руками, а вы пишете, что мы занимались грабежом», – эту фразу мне неоднократно приходилось слышать от моих англий-

¹ Там же. – С. 34.

² Там же. – С. 56.

³ Там же. – С. 73-74.

⁴ Там же. – С. 112.

⁵ И.И. Потехин почему-то всегда называет ее «Полли Хэмфри». (Там же. – С. 111, 129, 158.)

⁶ Hill P. A Migrant Cocoa Farmers of Southern Ghana. A study in rural capitalism. Hamburg, 1997 (1963). – P. 192.

⁷ Потехин И.И. Дневник. – С. 56.

ских собеседников. Но тут сразу же встает такой вопрос: во имя чего все это делалось? Чьи интересы имелись в виду, когда создавалась горная промышленность, строились железные дороги и т.д., – интересы населения колоний или интересы английских компаний? Мне могут указать, что нельзя так противопоставлять интересы населения колоний, что тут было сотрудничество во имя общего блага: английские компании вкладывали свои капиталы и получали прибыль на них, население колонии вкладывало свой труд и получало за это соответствующую компенсацию. Это мне тоже часто приходилось слышать от моих собеседников в Гане. Можно было бы привести немало теоретических соображений против такого утверждения. Но факты более убедительны, чем любые теоретические соображения. Будем оперировать фактами».¹

Факты были подобраны так, что иллюстрировали пропагандистски банальные выводы о результатах колониализма в Гане: «общая экономическая отсталость», отсутствие полноценного рабочего класса и буржуазии, «почти поголовная неграмотность населения» (?!).² Призывая опираться на факты, Потехин не признавал очевидный факт: колониальное наследие Ганы не было помехой развитию и могло быть использовано во благо страны.

Логичным следствием упрощенно-негативного подхода к колониализму стало любование традиционной Африкой. Самые положительные и даже возвышенные, трепетные эмоции возникали у Потехина в африканской глубинке, в «настоящей» Африке, мало затронутой западной цивилизацией. Сидя в одиноком бунгало в г. Тамале на севере Ганы, он впал в философское настроение: «Темная африканская ночь. Сложный «концерт» всякой тропической твари: птиц, цикад и пр. Где-то вдали давно уже раздаются звуки тамтама. Спать в такую ночь не хочется, она располагает к размышлениям. Путешествие подходит к концу. Когда я еще попаду в такую африканскую глушь? Расставаться с Африкой жалко. Аккра – это еще не Африка. Это город-космополит, где беднота (а бедность потрясающая!) загнана в особые кварталы. Кумаси – совершенно особый мир, но уже в значительной степени европеизированный. А Тамале – уже настоящая Африка. Европейцы здесь – нечто поверхностное, не связанное с африканским миром. Таково по крайней мере первое впечатление, а некоторые утверждают, что первое впечатление – самое верное».³

У ганской миссии Потехина был и политический аспект. Он встретился с премьер-министром Нкрумой в его официальной резиденции 30 ноября 1957 г. Они «весьма откровенно» беседовали с глазу на глаз в течение часа. Нкрума заявил, что намерен «переделать конституцию». Потехин, исходя из бесед с «другими политиками», предположил: «пересмотр конституции пойдет также по пути дальнейшего ограничения демократии и установления диктатуры типа египетской. Нкрума сказал мне, что порядки буржуазной демократии стесняют его, связывают ему руки. Он явно мечтает о единовластии».⁴ Прогноз оказался точным. Большой интерес вызвали у Нкрумы соображения Потехина о «путях индустриализации Ганы»: «Есть только два пути: 1) разделение труда и кооперация африканских государств; 2) установление экономических связей с социалистическими странами». Нкрума записал эти формулировки и попросил Потехина изложить все «более подробно на бумаге». Через несколько дней тот отправил «свои соображения, изложенные на 5-ти страницах».⁵

Ответа не последовало, равно как и обещанного Нкрумой приглашения к нему в гости. Потехин объяснил это кознями приехавшего в Гану в начале декабря 1957 г. политического советника Нкрумы Джорджа Пэдмора: «Пэдмор – ренегат, настроен антикоммунистически. Он работал в Москве в Международном комитете рабочих негров при Профинтерне. В 1935 или 1936 гг. был исключен из Коммунистической партии и после этого ушел далеко вправо.

¹ Там же. – С. 147.

² Там же. – С. 151-152.

³ Там же. – С. 140-141.

⁴ Потехин И.И. О моих встречах с государственными и политическими деятелями Ганы // Россия и Африка: Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. – Т. II. – 1918-1960 гг. / Под ред. А.Б. Давидсона и С.В. Мазова. – М., 1999. – С. 182.

⁵ Там же. – С. 182-183.

Его последняя книга «Панамериканизм или коммунизм»¹ имеет ярко выраженный антикоммунистический характер. Вообще Пэдмор будет оказывать на Нкруму большое и не выгодное для нас влияние. Пан-африканские идеи Пэдмора направлены на то, чтобы создать под руководством Ганы африканский блок, противостоящий не столько империалистическому блоку, сколько социалистическим странам».²

Уроженец Тринидада Дж. Пэдмор в 1928 г. был направлен компартией США в СССР, где работал в Коминтерне и международном профсоюзном движении. В 1934 г. порвал с Коминтерном из-за несогласия с изменением его линии в отношении колониальных держав – противников членов Антикоминтерновского пакта (Германии, Италии и Японии) и принципиального неприятия советской модели социализма. «Теперь, – писал Пэдмор в статье 1940 г., – мы платим цену за осуществление разрушительной сталинской политики построения социализма в отсталой аграрной стране без поддержки пролетарской революции в странах индустриального Запада».³ В декабре 1957 г. Пэдмор стал советником Нкрумы по связям со странами Африки. Занимал эту должность недолго, умер в сентябре 1959 г.

Потехин был прав относительно «не выгодного» для СССР влияния Пэдмора на Нкруму. Но и Западные страны обоснованно считали, что африканская политика Нкрумы, архитектором которой был Пэдмор, не отвечала их интересам. Гана стала «Меккой» для борцов за независимость африканских колоний. Там они получали моральную поддержку, материальную помощь, проходили военную подготовку в специальных лагерях, работу которых курировал лично Нкрума.⁴ Пэдмор подготовил два форума, состоявшихся в Аккре в 1958 г.: первая конференция независимых государств Африки и первая конференция народов Африки, где были приняты резко антиколониальные резолюции и решения.⁵ Запад с явной настороженностью наблюдал за попытками Нкрумы создать «Соединенные Штаты Африки». Первым практическим шагом в этом направлении стало заключение в ноябре 1958 г. соглашения о федеративном союзе между Ганой и Гвинеей, с которой накануне независимости Франция демонстративно разорвала все связи. За призывами Нкрумы к африканскому единству западные наблюдатели и многие африканские лидеры усматривали его личные амбиции и ганский гегемонизм.

Важным аспектом деятельности И.И. Потехина в Гане были публичные лекции и выступления. Сотрудники ганского радиовещания попросили его выступить по радио и рассказать о себе. Он согласился, поставив условие, что ему дадут возможность дать информацию о Советском Союзе. Договорились о нескольких выступлениях на 6-7 минут по следующим темам: «современная художественная литература, советский театр, постановка народного образования в СССР, Московский государственный университет, социальное страхование и пенсионная система в СССР, достижения СССР в области культуры за 40 лет Советской власти». Ганские радиослушатели, утверждает Потехин, «с огромным вниманием слушали мои короткие рассказы о далекой стране социализма».⁶ Вероятно, так оно и было. Темы были пропагандистски выигрышными.

По вторникам и четвергам Потехин читал лекции по теме: «Исторический материализм о социально-экономических формациях» в Легонском университете, который пригласил его в Гану и оплатил пребывание. Их слушали примерно 50 человек. Насколько они прониклись марксистско-ленинским учением, судить трудно. Потехин не написал о реакции аудитории, разве что упомянул о том, что посещавшие лекции философы из числа преподавателей университета пригласили его на обед.⁷

¹ Так в тексте. Правильно: «Панафриканизм или коммунизм?» (*Padmore G. Pan-Africanism or Communism? The coming struggle for Africa. – L., 1956.*)

² Потехин И.И. О моих встречах... – С. 183.

³ Щербakov Н.Г. Джордж Пэдмор // История Африки в биографиях / Под общ. ред. академика РАН Аполлона Давидсона. – М., 2012. – С. 633-640, 644.

⁴ *Dei-Anang M. The Administration of Ghana's Foreign Relations, 1957-1965: A Personal Memoir. – L., 1975. – P. 1.*

⁵ Потехин И.И. Становление новой Ганы. – М., 1965. – С. 245-247, 250-257.

⁶ Дневник. – С. 27.

⁷ Там же. – С. 122.

По пятницам в том же университете читала курс лекций по теме «Основы международных отношений» леди Джексон.¹ Прослушав одну из ее лекций, Потехин пришел к выводу, что это «курс антисоветской пропаганды», хотя и признал ее прекрасные лекторские навыки («очень бойкий лектор, она читает лекции, не имея перед собой никаких записей»). Он решил не оставлять антисоветчину без ответа. Обратив внимание руководителей нкрумовской Народной партии конвента (НПК) на «антисоветский характер лекций леди Джексон», он добился разрешения на публичную лекцию в Аккре, «чтобы иметь возможность рассказать ганаянцам правду о Советском Союзе».

Лекция прошла в крупнейшем кинотеатре ганской столицы «Палладиум», куда Потехина доставили активисты нкрумовской Народной партии конвента в автофургоне, на котором были такие лозунги: «Долой феодализм», «Молодежь Ганы пойдет по пути социализма». Зал был набит до отказа, но не вместил всех желающих, которые могли слушать радиотрансляцию, присутствовало 2,5 тыс. человек. Судя по впечатлениям Потехина, его выступление имело успех: «Лекция была выслушана с огромным интересом, но, к сожалению, из-за полицейских правил не осталось времени для ответов на вопросы. Желающих задать вопросы было много, но разрешили только два вопроса: 1) Есть ли в СССР принудительный труд?; 2) Есть ли в СССР женщины-министры? (этот вопрос был задан какой-то женщиной). Мои ответы на эти вопросы сопровождалась бурными аплодисментами. В заключение лекции представитель Лиги молодежи [НПК] зачитал приветствие, в котором выражалась благодарность за интересную лекцию «о великом Союзе Советских Социалистических Республик». <...> После лекции мне было очень трудно выбраться из зала, многие хотели пожать мне руку, что-нибудь спросить. Текст лекции просили многочисленные представители прессы, университета, руководители партии. Его буквально вырывали у меня из рук».²

В Кумаси, столице Ашанти, где у власти была оппозиция, Потехин не испытал такого режима наибольшего благоприятствования, как в Аккре. Его выступления не запрещали, но и не рекламировали. Сначала аудитория лекции составляла 100 человек, вскоре подошли еще 50–60. «Я, – пишет Потехин, – читал полтора часа, слушали с большим интересом. Было много вопросов, преимущественно о порядках и условиях жизни в колхозах». Одна из местных газет опубликовала резюме лекции, которое Потехин продиктовал ее корреспонденту.³

Потехин считал основными задачами своей ганской программы «поиски исторических документов, осмотр исторических памятников, сбор этнографических материалов». Из документов его интересовали в первую очередь те, которые «относились к истории борьбы народов Золотого Берега за независимость». Таковых Потехин не нашел в Национальном архиве Ганы, хотя хранившиеся там материалы колониальной администрации показались ему интересными и ценными.⁴ Встреча с преподавателями, членами Общества историков Ганы, оказалась для него вопреки ожиданиям «малоинтересной». В издаваемых Обществом «Трудах» «проблемы истории национально-освободительного движения народов Золотого Берега» не находили «никакого отражения», да и советов относительно разработки этой темы коллеги не дали. Не заинтересовал его как собеседник и председатель Общества доктор Джон Фейдж (1921–2002), ставший классиком британской африканистики.⁵

Потехин решил попытаться счастья в политических организациях и у частных лиц. Получить аудиенцию у министра торговли Коджо Ботсио, политика из ближнего круга Нкрумы, оказалось легко, поскольку Потехин знал министра раньше. Встреча с влиятельным знакомым

¹ Барбара Уорд Джексон (1914–1981) – британский экономист, писательница, журналистка. Была дружна с ганским президентом Кваме Нкрумой как жена Роберта Джексона, его советника по реализации проекта строительства гидроэнергетического комплекса на р. Вольта. Была советником Президента США Джона Кеннеди. (Подробно см.: *Muehulbeck P. Betting on the Africans. John F. Kennedy's Courting of African Nationalist Leaders.* – New York, 2012; Oral History Interview Transcripts. Barbara Ward Oral History Interview – JFK#1, 06/28/64. – URL: www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKOH-BMWJ-01.aspx). В 1976 г. Б. Уорд была удостоена титула баронессы.

² Дневник. – С. 123–124.

³ Там же. – С. 130.

⁴ Там же. – С. 36–37.

⁵ Там же. – С. 49.

принесла «горькое разочарование». Ботсио сообщил, что «у него не осталось никаких документов и что он не знает, где я могу их разыскать и можно ли вообще что-нибудь разыскать». Объяснение было таким: «Мы боролись и меньше всего думали о собирании документов. Историю этой борьбы пока еще никто не изучает и никто не пытается разыскивать и собирать документы. История подождет, сейчас есть более неотложные дела».¹

Разочаровал Потехина относительно документов и Нкрума. Он повторил аргументы Ботсио: «Мы вели трудную борьбу за независимость, и мы тогда совсем не думали о сохранении документов для будущих историков». Он посетовал, что до сих пор не может разыскать личный архив, который изъяла полиция после его ареста по приказу колониальных властей в 1950 г. С архивом, скорее всего, так оно и было. А относительно невозможности найти какие-либо документы – явное лукавство. Разыскались же все нужные Нкруме документы для написания «Автобиографии».² Она вышла за несколько месяцев до поездки Потехина в Гану, и премьер подарил ему экземпляр с дарственной надписью.³ Опасались ганские лидеры допускать к своим тайнам постороннего, даром что белого, да еще и коммуниста.

Помощь пришла с неожиданной стороны – от тех, кого Потехин аттестовал как «реакционеров». Он знал по литературе историю Общества защиты прав аборигенов, старейшей политической организации Ганы, созданной еще в 1898 г., и попытался получить доступ к его архивам. По совету сотрудников Национального архива он нашел в Кейп-Косте, где находилась штаб-квартира Общества, члена его Исполкома вождя Аллота Хаммонда. Тот «был весьма удивлен появлением советского ученого», но встретил профессора из Москвы «очень приветливо» и отправился с ним к исполняющему обязанности президента Общества вождю Сэму Амиссе. Тот поначалу отнесся к намерениям советского визитера подозрительно и «тщательно выискивал предлоги, чтобы отказать». Потехин и Хаммонд уже собрались уходить, как последовал вопрос: «В чьих интересах вы будете писать свою книгу: в интересах белых или в интересах черных?». Иван Изосимович среагировал правильно, «постарался убедительно доказать», что пишет «только в интересах «черных» африканцев и что не все белые люди являются врагами черных людей». Из его короткого рассказа о «национальной политике советского правительства» Амисса с удивлением узнал, что в СССР «живут не только русские и не только белые». Закончилось все дружеской беседой за виски и обещанием собрать исполком общества, когда Потехин снова будет в Кейп-Косте, чтобы вместе обсудить его просьбу.⁴

Через несколько дней члены исполкома собрались для встречи с советским ученым. Он объявил о своем желании ознакомиться с архивом. Посовещавшись на неведомом Потехину языке фанти, вожди устроили ему экзамен – предложили рассказать, что он знает об истории Общества. Вердикт в изложении Потехина был таков: «Вероломство англичан привело к тому, что они [члены Общества] потеряли доверие ко всякому белому. Я первый русский в их жизни, они мне доверяют, но посмотрят, что из этого получится. Если же я обману их доверие, они уже никогда не смогут верить белому человеку».⁵ Разрешение на работу в архиве было получено.

Она заняла один день, но была очень плодотворной. Иван Изосимович просматривал документы, по большей части машинописные или малотиражные, члены исполкома отвечали на его вопросы, а шофер Эммануил снимал копии. Документы, имевшиеся в нескольких экземплярах, были подарены.⁶ Это была удача: через месяц после приезда добыть массив редких документов, которых не касалась рука исследователей.

Еще один успех Потехина в Гане – работа в личном архиве Джозефа Данквы – историка, юриста и лидера Объединенной партии, главной политической силы оппозиционной нкрумов-

¹ Там же. – С. 37.

² *Nkrumah K. Ghana: The Autobiography of Kwame Nkrumah.* – L., 1957. В русском переводе: *Нкрума К. Автобиография.* – М., 1961

³ Дневник. – С. 115-116.

⁴ Там же. – С. 51-52.

⁵ Там же. – С. 68.

⁶ Там же. – С. 87-88.

ской Народной партии конвента. Потехин и Данква не были знакомы, но быстро нашли общий язык «как ученые». Разговор по телефону, приглашение Потехина в гости, короткая беседа – и Данква разрешил доступ к своему архиву. Иван Изосимович три дня трудился в этом «очень богатом уникальном» архиве. Хозяин уезжал на заседания суда, оставляя гостя наедине с многочисленными папками документов, любезно подарил ему документы, оказавшиеся в нескольких копиях, и поручил клерку снять копии с заинтересовавших московского профессора документов.¹ Так у Потехина оказалась подборка основных документов по истории Ганы после Второй мировой войны, в том числе программные и иные документы оппозиционных партий.

Послесловие с ритуальными обличениями колониализма не спасло Потехина от замороженных критиков. 28 мая 1959 г., когда его «Дневник» был опубликован и продавался в книжных магазинах, посольство СССР в Великобритании направило в МИД СССР документ под названием «Некоторые замечания по книге И.И. Потехина «Гана сегодня», изданной Государственным издательством географической литературы в 1959 г. Автор – третий секретарь посольства Н.А. Макаров. Дата – 27 мая 1959 г. Единственный позитив, который нашел в книге самочинный рецензент-дипломат, – это «некоторые интересные данные по истории, экономике, политике и культуре Ганы, дающие представления о положении в стране». А в остальном – сплошные недостатки, которые могут «задеть чувство национальной гордости ганийцев и тем самым нанести ущерб советско-ганийским отношениям, находящимся сейчас в стадии становления». Основной изъян – гнилой буржуазный объективизм: «Автор зачастую сбивается на объективистский тон освещения жизни в Гане, свойственный некоторым журналистам буржуазного мира». А это закономерно приводит его к крамольному выводу, что не только колониализм – источник всех бед африканцев, а в чем-то виноваты и они сами: «Он забывает, видимо, о том, что экономическая и культурная отсталость молодого африканского государства является прямым результатом долголетнего хозяйничанья в стране английских колонизаторов, и зачастую подает свои наблюдения в таком плане, как будто вина за это ложится не на англичан, а на ганийцев. Это находит свое выражение, в частности, в фактах неоправданного подчеркивания автором отдельных и к тому же несущественных примеров культурной отсталости ганийцев».²

Но Потехин не раз утверждал как раз обратное и восхищался достижениями ганской культуры. Макаров проявил богатую фантазию для фактического подкрепления своего насквозь фальшивого тезиса. Привязался к сетованию автора на «плохой» отель в г. Кета: «Водопровода нет. Воду нам приносили в ведре и умывались мы над железным корытом, грязная вода из которого ни разу не выносилась. Уборная не имеет приспособления для промывки. Постельные принадлежности состояли из матрацев и весьма несвежих простыней».³ Какой яркий пример «культурной отсталости»! Как будто все считали, что гостиницы Ганы – это сплошь звездные «хилтоны». Макаров скатывался до уровня бытового доноса: «На обратном пути, – цитирует он Потехина, – с трудом отделался от проститутки». И комментарий: «С какой-то неизвестной целью повествует автор об этом «знаменательном» событии». А вот еще образчик «объективности» рецензента: «Книга написана местами в развязном тоне (примеры?!) и содержит ряд фактических неточностей. Даже дата провозглашения независимости Ганы указана неправильно».⁴ Потехин называет точную дату. Независимость была провозглашена в ночь с 6 на 7 марта, национальный праздник – День независимости – отмечается 6 марта.

Обвинения были абсолютно беспочвенными. Дневник получил отклики на Западе, где автора критиковали за предвзятое отношение к британскому колониальному наследию в Гане.⁵ Характер замечаний Макарова и манера их изложения походили на политические обвинения. О качестве своей аргументации он, похоже, особо не заботился, поскольку имел указание начальства дать максимально негативный отзыв о книге Потехина. К опусу Макарова при-

¹ Там же. – С. 126-128.

² АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 4-5.

³ Дневник. – С. 106.

⁴ АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 5-6.

⁵ *Kolarz W. Communism and Colonialism. L., 1964. – P. 114-124.*

ложена сопроводилка, подписанная временным поверенным в делах СССР А.А. Роциным и адресованная заведующему Отделом африканских стран МИД А.А. Шведову (копия – заведующему II Европейским отделом Н.Д. Белохвостикову). В ней уже предлагались конкретные меры: «Просьба обратить внимание на указанные недостатки книги «Гана сегодня» и приостановить, если возможно, распространение книги впредь до соответствующей ее переработки автором».¹

Пометы на документе свидетельствуют о том, что сотрудники Отдела африканских стран с ним ознакомились, заместитель заведующего Отдела А.В. Будаков «с т. Потехиным говорил». И сообщение работника Географиздата: книга «из продажи изымается».²

Как оказалось, ненадолго. Действия Роцина и Макарова надо рассматривать в контексте борьбы, развернувшейся в советских верхах вокруг создания Центра по изучению Африки.³ Были влиятельные силы, которые хотели дискредитировать Потехина и вывести его из игры. Донос не достиг главной цели. 29 июня, через месяц после «телеги» из Лондона, Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных отношений приняла Постановление «Об организации Института Африки», за что и ратовал Потехин. А 2 июля соответствующее постановление принял и Президиум ЦК КПСС. Директором Института Африки АН СССР стал И.И. Потехин.

¹ АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 4.

² Там же. – Л. 6.

³ Мазов С.В. Неизвестная история создания Института Африки АН СССР // Восток. – 1998. – № 1.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА *UTI POSSIDETIS* НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Мирзаев Ф.С.¹

Аннотация: происходящий из римского гражданского права принцип *uti possidetis*, преобразованный в принцип межгосударственных отношений в Латинской Америке и относящийся к вопросам трансформации административных границ бывших колоний в международные границы новообразованных независимых государств, был так же успешно применен на Ближнем Востоке. В статье рассматриваются спор между Египтом и Израилем относительно спорной территории вокруг пролива Агаба, пограничный спор между эмиратами Дубай и Шаржа, а также рассмотренный Международным Судом ООН территориальный спор между Бахрейном и Катаром.

Ключевые слова: *uti possidetis*, пограничные и территориальные споры и конфликты, пролив Агаба, Международный суд ООН, пограничный спор между Дубай и Шаржа, территориальный спор между Бахрейном и Катаром.

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF *UTI POSSIDETIS* IN THE MIDDLE EAST

Farhad Mirzayev

Abstract: The Roman *jus civile* principle *uti possidetis* initially applied as a principle of international law in Latin America and referring to a transformation of the former administrative colonial borders into the international boundaries of independent states had been effectively applied in the Middle East. This paper reviews the following cases: the boundary dispute between Egypt and Israel over the Gulf of Aqaba region, the border disputes between Dubai and Sharjah and the territorial dispute between Bahrain and Qatar considered before the International Court of Justice.

Key words: *uti possidetis*; boundary and territorial disputes; Gulf of Aqaba; International Court of Justice; Dubai/Sharjah border dispute; Bahrain vs. Qatar territorial dispute.

Исследования автором относительно зарождения и эволюции принципа *uti possidetis* подтверждают, что гражданско-правовой термин Римского права под определенным воздействием толкования и последующего своего применения в Латинской Америке преобразовался в общий принцип международного права, задачей которого являлись сохранение и защита государственных границ.

Большинство юридических словарей определяют *uti possidetis* как принцип международного права, преобразующий бывшие административные границы колониальной метрополии или распавшегося государства в международные границы новообразованных суверенных государств. Британский международник Шоу утверждает, что принцип *uti possidetis* является

¹ *Мирзаев Фархад Сабир оглы* – старший партнер международной юридической фирмы *VM Morrison Partners* (Лондон), докторант кафедры международного права МГИМО МИД России.

принципом, который служит целям укрепления роли принципа территориальной целостности. Некоторые ученые утверждают, что принцип *uti possidetis* был утвержден в международном праве в целях защиты территориальной целостности конституционно определенных территориальных единиц – частей бывшего государства, которые осуществили свое право на внешнее самоопределение. Однако данный принцип был применен в качестве юридического инструмента не только для делимитации границ новых территориальных единиц, обладающих всеми атрибутами государственности, но и для формирования международной правосубъектности таких новообразованных государств. Профессор Вылегжанин справедливо утверждает, что разграничение территорий новообразованных государств является весьма сложным и болезненным процессом. Роль же *uti possidetis* заключается в определении государственных границ новообразованных суверенных государств на основе унаследованных ими бывших административных границ.

Если на ранней стадии своего применения принцип *uti possidetis* больше применялся в колониальном контексте в Латинской Америке и Африке, то в данный момент, исходя из практики государств и судебных прецедентов Международного суда ООН, его больше признают общим принципом международного права. Знаковым делом, рассмотренным Международным судом ООН, является пограничный спор между Буркина-Фасо и Мали, где Международный суд провозгласил принцип *uti possidetis* общим принципом международного права, относящегося к процессу обретения независимости, где бы он не имел место:

«... *uti possidetis* is a general principle of international law which is logically connected to the process of obtaining independence regardless of the fact of where this process takes place».

Далее Международный суд заявил, что принцип *uti possidetis* стал общей концепцией международного обычного права и не был негативно затронут правом народов на самоопределение; данный принцип является доктриной, которая заключается в фундаментальном праве на сохранение неприкосновенности территориальных границ при обретении независимости бывшими африканскими колониями.

В западной науке международного права значительное внимание уделено изучению общих принципов международного права, включая некоторые общие работы относительно принципа *uti possidetis*. Хотя в советской и российской науке международного права есть работы относительно общих принципов международного права, в целом не имеется детальных работ, посвященных принципу *uti possidetis*.

Профессор Вылегжанин подчеркивает, что общие принципы международного права – это принципы, признаваемые субъектами международного права на уровне национального и международного права. Он также утверждает, что общие принципы международного права применяются международными судами и трибуналами для избежания случаев *non-liquet*, когда в международном праве не существует соответствующей применимой нормы. Именно в деле Буркина-Фасо и Мали Международный суд подтвердил, что *uti possidetis* применим к сторонам как результат согласия между сторонами и включил этот принцип в число инструментов, необходимых для разрешения конфликта. Такое заявление Суда является *ratio decidendi*, когда подобное мнение в международном праве может представлять собой авторитетное заявление. Подобные заявления могут отражать существующее международное обычное право или могут составлять часть процесса, ведущего к созданию новых норм обычного права. Из вышерассмотренного судебного дела становится очевидным, что именно оно стало основополагающим в определении и утверждении роли *uti possidetis* в качестве общего принципа международного права со стороны столь авторитетного органа, как Международный суд ООН. Известный советский международник Тункин отмечал, что судебная практика Международного суда ведет к образованию новых норм международного права путем их последующего подтверждения практикой государств. Профессор Р.М. Валеев характеризует *uti possidetis* как принцип сохранения колониальных границ при образовании новых государств в процессе деколонизации Африки, который на позднем этапе завоевал признание и был окончательно преобразован в принцип трансформации административных границ в международные в случае возникнове-

ния государства из уже существующего. Именно уже в качестве принципа международного права *uti possidetis* был достаточно эффективно применен в Европе, Африке, на Ближнем Востоке и в Азии.

На Ближнем Востоке данный принцип был применен в пограничном споре между Палестиной и Египтом. Данный спор впоследствии был разрешен специализированным международным трибуналом на основании принципа *uti possidetis*, и международные границы между государствами – участниками спора были разрешены на основании унаследованных ими административных границ. Территории современного Египта и Израиля входили в состав Османской империи до конца XIX века, и, начиная с данного времени, Великобритания получила контроль над Египтом, который обладал контролем над побережьем провинции Хиджаз с морским портом Агаба в Красном море, предоставленным ему Османской Турцией. Благодаря признанию «особой роли» Великобритании в Египте со стороны Османской империи Британия сохранила контроль над Египтом вплоть до середины XX века. «Особая роль» Британии в Египте была подтверждена трехсторонним договором между Османской империей, Великобританией и Египтом, заключенным в 1906 г. в городе Рафах, согласно которому делимитация границы между Египтом и Палестиной оставляла район вдоль реки Таба в составе Египта. С окончанием Первой мировой войны Египет был передан под британский мандат, а в 1928 г. независимость Египта была признана со стороны Великобритании на особых условиях наличия у последней неограниченного права вмешательства и защиты суверенитета Египта и Суэцкого канала.

Одновременно с Египтом Великобритания также получила мандат на Палестину, границы которой должны были быть определены союзными силами Антанты. Египет выразил протест против этого, сославшись на Договор, заключенный в Рафахе, который уже установил границы между Египтом и Палестиной. Великобритания вынуждена была признать позицию Египта и подтвердила, что даже при коренном изменении обстоятельств у нее не было каких-либо намерений «перекраивать» границы между Египтом и Палестиной.

Проблема спорных пограничных территорий между Египтом и Палестиной обострилась с появлением в 1948 г. нового государства – Израиль. Образование Израиля послужило поводом для соседних арабских государств ввести свои войска в Палестину, оправдывая при этом свои действия стремлением навести там порядок. Однако превосходство Израиля в военных действиях и прямое вмешательство Совета Безопасности ООН завершились подписанием в 1949 г. Родосского соглашения между Израилем и Египтом о прекращении огня и установлении линий разграничения между этими двумя государствами. Кэмп-дэвидский мирный процесс, положивший конец арабо-израильской войне, также послужил основанием для Египта и Израиля заключить соглашение относительно делимитации границ между двумя этими государствами. Так оба государства выразили согласие на установление границ между ними на основе административных границ, установленных между Египтом и Палестиной в соответствии с Рафахским договором, и все эти соглашения были закреплены в Договоре о мире от 26 марта 1979 г. Однако несмотря на то, что государства пришли к согласию по многим участкам спорных пограничных территорий, все еще оставалась часть границы, по которой стороны так и не могли прийти к согласию на протяжении долгого времени. Именно невозможность договориться побудила стороны на представление спора на основании Договора о мире от 26 марта 1979 г. для рассмотрения со стороны международного арбитражного суда, состоящего из трех арбитров. В специальном соглашении сторон (*Compromis*) стороны спора сослались на необходимость уважения границ, установленных между Египтом и Палестиной, как международно-признанных границ. Стороны также пришли к согласию, что границы, установленные Рафахским договором, подписанным между Великобританией, Египтом и Османской империей, должны быть приняты как международные границы и их изменение возможно лишь на основании взаимного консенсуса, достигнутого между сторонами.

Арбитражный трибунал по данному делу принял позицию, аналогичную позиции Международного суда ООН в споре между Таиландом и Камбоджей относительно принадлежно-

сти храма Преах-Вихеар, где Суд подтвердил приверженность международного сообщества принципу стабильности границ.

В арбитражном разбирательстве между Египтом и Израилем в своем особом мнении судья Лapidос подчеркнула, что существует разница между границами, установленными де-юре и де-факто. В своем отдельном заключении Судья Лapidос отчетливо ссылаясь в своих обоснованиях на позицию Международного суда ООН. Одним из ключевых моментов ее отдельного заключения был аргумент относительно обоснованности применения *uti possidetis* в соответствии с Рафахским договором от 1906 г. Она заявила, что границы, определенные Рафахским договором 1906 г., должны рассматриваться в качестве международных границ ныне существующих суверенных государств в независимости от изменения коренных обстоятельств *rebus sic stantibus*.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что в международном арбитражном разбирательстве между Египтом и Израилем принцип *uti possidetis* был применен в соответствии с Рафахским договором от 1906 г., установившим границы между Египтом и подмандатной Палестиной, которые впоследствии были признаны в качестве международных границ между теперь уже независимыми Египтом и Израилем.

Именно подход арбитражного трибунала по пограничному спору относительно территорий вдоль пролива Агаба между Египтом и Израилем по признанию трансформации и закреплению бывших административных границ в международные границы суверенных государств является не чем иным, как применением принципа *uti possidetis*. Позиция арбитражных судей в пограничном споре между Египтом и Израилем, где они признали бывшие административные границы между двумя территориальными единицами одной и той же колониальной метрополии как международные границы уже между двумя независимыми государствами, явно указывает на применение принципа *uti possidetis* со стороны международного арбитражного трибунала. Даже основные критики *uti possidetis* признают, что данный принцип был применен в египетско-израильском споре и что арбитражный трибунал по данному делу при определении спорных территорий сослался на пограничные линии, которые были установлены между Египтом и Палестиной в силу специального квазигосударственного статуса Египта в пределах Османской империи.

На Ближнем Востоке прочими релевантными для принципа *uti possidetis* являются пограничный спор между эмиратами Шаржа и Дубай и территориальный спор между Бахрейном и Катаром.

Спор между двумя эмиратами – субъектами единого федеративного государства ОАЭ – возник относительно установления административной границы между ними и определения принадлежности острова Абу Муса с населением в восемьсот человек.

Эмират Шаржа утверждал, что данная территория принадлежит ему согласно административным границам, установленным специальными актами представителя Правительства Великобритании от 1 и 2 апреля 1956 г., по которым сухопутная и морская границы между двумя эмиратами четко определены и остров Абу Муса относится к Шарже. Дубай же, в свою очередь, ссылаясь на неопределенность подобных границ и настаивал на применении норм международного обычного права относительно делимитации морских границ на основании принципа равноудаленности.

Обе стороны предъявляли свои права на определенные участки границы и активно ссылались на определенные принципы международного права. Стороны согласились направить дело в специальный *ad hoc* международный арбитражный трибунал в составе трех арбитражных судей. Суд рассмотрел все аргументы сторон и принял позицию по применению норм международного права по делимитации морских границ, кодифицированных Конвенцией по Континентальному Шельфу 1958 г., хотя ОАЭ и не были участниками указанной Конвенции. Однако весьма примечательна позиция арбитражного трибунала в данном деле, который в своем решении от 1981 г. четко заявил, что принцип *uti possidetis* является общим принципом

международного права в отношении пограничных и территориальных споров, однако он может быть применим лишь на основании консенсуса обеих сторон.

Территориальный спор между Бахрейном и Катаром брал свое начало еще в их бытность колониями Британии в 1965 г. Однако после обретения обоими государствами независимости в 1971 г. от Великобритании спор стал обостряться и в 1976 г. начались переговоры между сторонами при посредничестве саудовского короля Фахда. Одним из пунктов документа, представленного королем Фахдом, была рекомендация сторонам решить застарелый спор путем обращения в Международный суд ООН. В результате неспособности решить спор путем переговоров стороны обратились в Международный суд ООН в 1991 г.

Основным предметом спора между сторонами были острова Хавар (включая острова Джанан) и регион Зубарах. В отношении последнего Международный суд ООН принял за основу принцип *uti possidetis* и единогласно признал право Катара за регионом Зубарах на основании старых соглашений между Британской империей и Бахрейном, а также соглашений между Османской империей и Британией. В отношении же островов Хавар судьи разделились во мнении, но Суд опять принял решение на основании принципа *uti possidetis* и присудил их Бахрейну. Международный суд принял доводы Бахрена, ссылающегося на административные границы, установленные британскими колониальными властями. Катар же отказывался признавать обоснованность применения принципа *uti possidetis* на основании актов бывших колониальных властей и больше ссылался на прочие принципы международного права, такие как принцип равноудаленности и эффективного контроля. Судьи Международного суда Коойжиманс и Аль-Хасавнех, проголосовавшие за решение Суда, присудившего острова Хавар Бахрейну, в своих отдельных заключениях выразили несогласие с применением принципа *uti possidetis* и рассматривали решения британских колониальных властей юридически не обязывающими. Судьи Беджави, Ранджева и Корома, проголосовавшие против решения Суда, в своем совместном отдельном заключении заявили, что не видят вообще оснований для применения принципа *uti possidetis* и рассматривали решение британских колониальных властей больше политическим решением, нежели юридически обязывающим основанием для определения границ, а также считали необходимым признать историческое право Катара над островами Хавар. В своих заключениях трое вышеуказанных судей ссылались на позиции международного трибунала в споре между Эритреей и Йеменом, где трибунал отклонил основания для применения принципа *uti possidetis*. Подобную же позицию в своем отдельном заключении принял и судья В.Верещетин от России, который поддержал позицию вышеуказанных судей. Однако в данном деле Международный суд ООН в споре между Бахрейном и Катаром эффективно применил принцип *uti possidetis* при определении территориальной принадлежности спорных территорий и за основание брал старые административные границы, установленные еще британскими колониальными властями.

Таким образом, вышеуказанный анализ территориальных и пограничных споров показывает, что наряду со своим успешным применением в Латинской Америке и Африке, принцип был также эффективно применен в ряде споров на Ближнем Востоке и подобная практика внесла дополнительный вклад в формирование и утверждение принципа *uti possidetis* в общий принцип международного права.

Список литературы:

1. Валеев Р.М., Курдюков Г.И., Международное право. Общая часть. М.: Статут, 2011. – С. 128-130.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А., Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 78-89.
3. Вылегжанин А.Н., Международное право. – М.: Юрайт, 2009. – С. 171.
4. Кожевников Ф.И., Учебное пособие по международному публичному праву. Очерки. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 32-34.
5. Колосов Ю.М., Кузнецов В.И., Международное право. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 17-24.

6. Корецкий В.М., Отв. ред.: Крылов С.Б.: Общие принципы права в международном праве. – Киев: Изд. АН УССР, 1957. – С. 3-38.
7. Лукашук И.И., Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 103-128.
8. Мирзаев Ф., Обзор критических взглядов на принцип *uti possidetis* // Московский ж-л междунар. права. – 2015. – № 2. – С. 56-77.
9. Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis* в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве: теория и практика // Право и Политика. – 2004. – № 6 (54). – С. 43-53
10. Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis*: история зарождения // Московский ж-л междунар. права. – 2014. – № 4 (96). – С. 56-72.
11. Мирзаев Ф.С., Пограничный спор Буркина-Фасо против Мали и его значение в определении и утверждении роли принципа *uti possidetis* // Евразийский юрид. ж-л. – 2017. – № 6 (109). – С. 18-22.
12. Полянский Н.Н., Международный Суд. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1951. – С. 128.
13. Тункин Г.И., Теория международного права. – М.: Междунар. отношения, 1970. – С. 203.
14. Шестаков Л.Н., Императивные нормы в системе современного международного права. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 60-69.
15. 'A Framework for Peace in the Middle East, 17 September 1978' (1978) // ILM № 17. – P. 1463-1479.
16. 'Case Concerning the Location of Boundary Markers in Taba between Egypt and Israel' (29 Sep 1988) / XX Reports of International Arbitral Awards. – P. 1-118.
17. 'Circular Despatch to His Majesty's Representatives stating the decision of His Majesty's Government to terminate the Protectorate and to recognize Egypt as an independent sovereign State' (24 July 1922) // BFSP. – 1992. – № 116. – P. 842-932.
18. 'Convention between Great Britain and Turkey relative to Egyptian Affairs, signed at Istanbul' // BFSP. – 1885. – № 77. – P. 442-453.
19. 'Egypt-Israel: Agreement to Arbitrate the Boundary Dispute Concerning the Taba Beachfront' // ILM. – 1987. – № 26. – P. 1-3.
20. 'Egypt-Israel: Treaty of Peace' // ILM. – 1979. – № 18. – P. 362-363.
21. 'Letter of Mr DM Riches to Mr MW Low' (16 April 1947) / FO 371/63080.
22. Baty T., Can an Anarchy be a State? // American Journal of International Law. – 1934. – № 28 (3). – P. 444-454.
23. Boczek B.A., International Law: A Dictionary (Lanham, MD, Scarecrow Press), 2005. – P. 253-254.
24. Bowett D., The Dubai/Sharjah Boundary Arbitration of 1981 // British Yearbook of International Law. – 1995. – № 65 (1). – P. 103-133.
25. Brownlie I., African Boundaries – A Legal and Diplomatic Encyclopaedia. – London: C Hurst & Company, 1979. – P. 9.
26. Burkina Faso v Mali [1986] // ICJ Reports. – P. 557.
27. Cambodia v Thailand [1962] // ICJ Reports № 34 (Temple of Preah Vihear case).
28. Crawford J., State Practice and International Law in Relation to State Succession // British Yearbook of International Law. – 1998. – № 69. – P. 17.
29. D'Amato A., The Concept of Custom in International Law. (Ithaca, NY, Cornell University Press), 1971. – P. 60-63.
30. Dias Van Dunem F.J., Les Frontiers Africaines (Unpublished PhD dissertation, Universite d'Aix-Marseille). – Marseille, 1969. – P. 252-267.
31. Dubai v Sharjah Border Case [1981] 91 ILR. – P. 543-578.
32. Eritrea v Yemen (1998) // ILR. – № 114. – P. 48.
33. Hannum H., Self-Determination, Yugoslavia, and Europe: Old Wine in New Bottles? // Transnational Law & Contemporary Problems. – 1993. – № 3. – P. 57-73.
34. Hasani E., Uti Possidetis Juris: From Rome to Kosovo // Fletcher Forum of World Affairs, 2003. – P. 85.
35. Hurewitz J.C., Introduction: Bounding Mandated Palestine / Toye P. (ed), Palestine Boundaries 1833-1947 (Vol. I). – London: Archive Editions, 1989. – P. 169-193.

36. Kolb R., Case Law on Equitable Maritime Delimitation. Digest and Commentaries. – Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. – P. 138-150.
37. Lalonde S.N., Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. – Montreal: McGill Queens University Press, 2003. – P. 83.
38. Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v Nigeria) [2002] // ICJ Reports. – P. 441.
39. Lauterpacht H., Oppenheim's International Law (London, Longman). – 7th edn. – Vol. II, 1952. – P. 598-599.
40. Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain) [1995] // ICJ Reports. – № 6. – P. 18.
41. McCorquodale R., International Boundary Decisions: Pillars of Salt? // Cambridge L.J. – 1988. – № 48. – P. 352.
42. Nurit K., The Evolution of the Egypt-Israel Boundary: From Colonial Foundations to Peaceful Borders // Boundary and Territory Briefing. – 1994. – № 1 (8). – P. 1-21.
43. Ratner S., Drawing Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States // American Journal of International Law. – 1996. – № 90. – P. 593-595.
44. Report of the UN Commission for Eritrea [1950] // UN DOC A/1285, 17ff. – P. 106-31.
45. Shaw M., International Law (6th edn). – Cambridge: CUP, 2008. – P. 527-528.
46. Shaw M., Peoples, Territorialism and Boundaries // European Journal of International Law. – 1997. – № 3. – P. 478-507.
47. Taba Case (Egypt v Israel) [1979] // ILM. – № 80. – P. 297-321.

INTERNATIONAL LAW AND ITS RESPONSES TO EBOLA, HIV AND H1N1 OUTBREAKS

*Ilesanmi M.A.*¹

Abstract: *Legal and human rights advocacy strategies are increasingly productive and necessary. As the Ebola virus pandemic declines, we must reflect on how we have mismanaged this recent international crisis and how we can better prepare for the next global pandemic. Of great concern is the increasing frequency of pandemics occurring over the last few decades. Clearly, the window of opportunity to act is closing. The Ebola virus pandemic has shown us yet again that the world is ill prepared to respond to a global health emergency. This follows similar statements that were made after the H1N1 outbreak in 2009 that “The world is ill prepared to respond to a severe influenza pandemic or to any similar global, sustained and threatening public health emergency” This article discusses many issues including priority emerging and re-emerging infectious diseases; the challenges of meeting international health regulations; the strengthening of global health systems; global pandemic funding, the relevance of international human rights law in the response to the epidemic at national and international levels*

Key words: *Epidemics, WTO, International humanitarian Law, H1N1, Infectious diseases.*

Global emergence of infectious disease pandemics on average have appeared every decade, worryingly, the frequency between pandemics seems to be disturbingly shorter as evident with Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) in 2003, Influenza A H1N5 (bird flu) in 2007, H1N1 (swine flu) in 2009, Middle East Respiratory Syndrome (MERS) in 2012 and Ebola in 2014.

¹ *Ilesanmi Michael Abiola.* Department of Constitutional and International Law, University of Management «TISBI», Kazan, Russia.

Overpopulation and poverty are the primary contributing factors that have brought about this change and are strongly linked with global warming, environmental degradation, habitat destruction, and increased human/host/reservoir interaction.

The 2014 outbreak of Ebola once again tested the revised 2005 IHR, the international framework for the prevention and control of infectious diseases. “WHO fell short of its leadership responsibilities, and the IHR – the governing legal framework – displayed deficiencies”.¹ The three West African countries involved (Guinea, Liberia, Sierra Leone) in the pandemic failed to comply with the IHRs capacity-building mandate and, to date, two thirds of WHA member countries have failed to comply with the same regulations.² Of the one third of the WHA member nations that said they did comply, there has been no evaluation to verify their claims. Like the outbreak of H1N1 in 2009, the response raises questions regarding the extent to which the IHR can serve as a framework for global pandemic responses.³

If the WHA member nations (194) do not take the IHR core capacity-building requirements of disease surveillance, reporting, and response seriously, then why continue to use them as an international framework?.

In reality WHA member nations from LMICs see the regulations as an enormous obligation primarily developed to protect the health and welfare of developed nations. For most countries in the developing world it is difficult to improve their health systems to a standard that is similar to that of high-income countries. Moreover, as mentioned, most LMIC countries will not be able to establish core IHR capabilities without considerable donor support and international assistance for training, creating the necessary laboratory infrastructure for prompt diagnosis, and the technology required for ‘real-time’ reporting of epidemics.⁴

However, improvements and access to diagnostic technologies will need to be supported by the capacity to interpret and act on the findings. Presently limited health-care dollars are spent on running tertiary national hospitals with little, or none, spent on preventive services, disease control or epidemic preparedness. At the district/municipal level, most developing countries have medical health officers and at the community level a considerable human resource of community health workers (CHWs).

Gostin and Friedman (2015) have proposed a new global health framework with robust national health systems at its foundation and an empowered WHO at its apex. However, WHO has failed to provide the necessary leadership to coordinate global health emergencies on the ground and adequately support WHA member nations to develop core IHR capacities. In September 2014, the UN assumed leadership of the Ebola response and created the UN Mission for Emergency Ebola Response (UNMEER), the first UN mission to respond to public health emergencies. In contrast with IHR recommendations, Security Council resolutions are legally binding for member countries.

Which now proposes a new UN Centre for Disease Control (UN CDC), potentially based in New York, to serve at the apex of a new global health framework with a number of new and existing regional CDCs reporting directly to it. A proposed structure might be: National CDC departments reporting to their regional CDCs, and Provincial/District/Municipal CDC departments reporting to their National CDCs with Community Health Workers at local health centres reporting to their municipal health officers. In sum, at the apex of our proposed global health framework would sit a new UN CDC with Security Council authority and at the foundation, CHWs in local health centres.

¹ L.O. Gostin, E.A. Friedman. A retrospective and prospective analysis of the West African Ebola virus disease epidemic: robust national health systems at the foundation and an empowered WHO at the apex *Lancet*, 385 (2015), pp. 1902-1909

² Panel of independent experts. Report of the Ebola Interim Assessment Panel. WHO reference number: A68/25 <http://www.who.int/csr/resources/publications/ebola/ebola-interim-assessment/en/>.

³ R. Katz, J. Fischer. The revised international health regulations: a framework for global pandemic response *Global Health Governance*, III (2) (2010) <http://www.ghgj.org>

⁴ D.L. Heymann, L. Chen, K. Takemi, D.P. Fidler, J.W. Tappert, M.J. Thomas, et al. Global health security: the wider lessons from the West African Ebola virus disease epidemic *Lancet*, 385 (2015), pp. 1184-1901

CHWs have transformed the health-care systems of many developing nations including Bangladesh, India, Ethiopia, and Malawi and are absolutely crucial for future global security.

A report by the Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS) estimated that AIDS had killed almost 25 million people between the beginning of the epidemic and the end of 2001, that another 40 million people were living with HIV/AIDS by the end of 2001, and that five million new cases were diagnosed in 2001 alone. Jonathan Mann, the first Director of the World Health Organization (WHO)'s Global Programme on AIDS, identified the international law of human rights as a comprehensive framework to which public health practitioners could anchor responsibility for addressing the underlying causes of HIV/AIDS, trauma and other threats to health. As outlined below, such a "rights-based approach" to public health in general, and HIV/AIDS in particular, supports sound public health practice by providing additional tools to motivate governments to act to achieve public health goals.

Rights considerations can help facilitate the setting and monitoring of public health targets and provide a complementary language to identify failures, or incipient failures, of public health programmes. The rights based approach also provides links with other social movements that use the same language — for example, the women's movement, the struggles of indigenous peoples and the movement of people working to protect the environment. In 1996, an international expert consultation group convened by UNAIDS and the Office of the High Commissioner for Human Rights, which included human rights experts, representatives of national AIDS programmes, people living with HIV/AIDS, and nongovernmental organizations, prepared guidelines for states on the application of international human rights law in the context of HIV/AIDS. The guidelines (consisting of twelve succinct paragraphs) were included in the report of the consultation tabled at the 53rd session of the Commission on Human Rights in 1997¹. The Commission welcomed the report and invited states to consider the guidelines (now known as the "International Guidelines on HIV/AIDS and Human Rights")². Subsequent resolutions in 1999 and 2001 asked states to report on measures taken, where appropriate, to promote and implement these guidelines³, and tools have been prepared to help specific groups implement the guidelines in their areas of responsibility⁴.

The commentary that accompanies the guidelines addresses complex issues in areas such as confidentiality and disclosure of HIV status by applying international legal principles to these dilemmas.⁵

The guidelines note that the international law of human rights allows states to impose limitations on certain personal freedoms, such as the right to liberty of movement, but only where the state can establish that the restriction is: – provided for and carried out in accordance with the law, i.e. according to specific legislation that is accessible, clear and precise, so that it is reasonably foreseeable that individuals will regulate their conduct accordingly; – based on a legitimate interest, as defined in the provisions guaranteeing the rights; – proportional to that interest and constituting the least intrusive and least restrictive measure available and actually achieving that interest in a democratic society, i.e.

¹ Second International Consultation on HIV/AIDS and Human Rights (Geneva, 23-25 September 1996). Report of the Secretary-General (E/CN.4/1997/37). Geneva: United Nations, 1997. This report was edited and re-issued as HIV/AIDS and human rights: international guidelines. Geneva: UNAIDS and Office of the High Commissioner for Human Rights, 1998 (HR/PUB/98/1)

² United Nations High Commissioner for Human Rights. The protection of human rights in the context of human immunodeficiency virus (HIV) and acquired immunodeficiency syndrome (AIDS). Commission on Human Rights resolution 1997/33. Geneva: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 1997 (E/CN.4/RES/1997/33).

³ United Nations High Commissioner for Human Rights. The protection of human rights in the context of human immunodeficiency virus (HIV) and acquired immune deficiency syndrome (AIDS). Commission on Human Rights resolution 1999/49. Geneva: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 1999 (E/CN.4/RES/1999/49)

⁴ UNAIDS and Inter-Parliamentary Union. Handbook for legislators on HIV/AIDS, law and human rights. Geneva: UNAIDS, 1999.

⁵ United Nations High Commissioner for Human Rights. The protection of human rights in the context of human immunodeficiency virus (HIV) and acquired immune deficiency syndrome (AIDS). Commission on Human Rights resolution 2001/51. Geneva: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2001 (E/CN.4/RES/2001/51)

established in a decision-making process consistent with the rule of law¹. For example, the guidelines envisage circumstances in which public health legislation might legitimately authorize health care professionals to inform their patients' sexual partners of the HIV status of the patients. By requiring strict legal processes for any limitations on the rights of people infected, however, the guidelines reflect the "public health rationale" for preventing discrimination against people living with HIV/AIDS². In 2002, the High Commission for Human Rights and UNAIDS held another international consultation to revise the sixth guideline, which addresses access to prevention, treatment, care and support³.

The revised guidelines recommend that domestic legislation incorporates safeguards and flexibilities in international agreements, such as intellectual property agreements, to promote and ensure access to HIV/AIDS prevention, treatment, care and support for all⁴. In addition to international human rights law, other international legal agreements also influence the spread and impact of HIV/AIDS. For example, the agreements of the World Trade Organization (WTO) — such as those that regulate the terms of trade and other matters between its members — greatly influence national income and the distribution of income within and between countries, and hence influence the resources available to governments for effective prevention, treatment and care. Limitations of international human rights law in the context of HIV/AIDS, what makes public health sense does not automatically become a human rights obligation in international law (other than in the most general terms)⁵.

Thus international human rights law does not provide particular guidance on injecting drug use, other than the general principles of non-discrimination and the obligations to control diseases, which can arguably be used to require the introduction of proven public health measures such as needle and syringe programmes. Although international human rights treaties include monitoring mechanisms, and some provide for individual complaints about states' behaviour, the provisions for enforcement are generally weak, unlike, for example, trade agreements. In contrast with WTO infringements, no mechanism exists to impose monetary fines on violators of human rights (although international development aid can be tailored to support democratic freedoms and good governance as a precondition to further assistance.)

International human rights law, as reflected in the International Guidelines on HIV/AIDS and Human Rights, does not provide, or claim to provide, a moral code for living with HIV/AIDS. It says nothing, for example, about our personal moral responsibility to care for affected people, although it addresses states' obligations in these areas. For many developing countries, however, such a narrow concept of rights fails to engage with the full range of social, political and cultural factors that underlie vulnerability to HIV and responses to AIDS. It is not surprising, therefore, that practitioners in developing countries may be sceptical of approaches that focus solely on libertarian notions of rights⁶. This reinforces the need for human rights approaches to policy development which are able to integrate attention to socioeconomic rights in response to HIV⁷. For public health practitioners, developing, using, evaluating and adapting planning tools that bring the full spectrum of human rights into mainstream public health policy are the ways to integrate these rights in day-to-day practice.

¹ Second International Consultation on HIV/AIDS and Human Rights (Geneva, 23-25 September 1996). Report of the Secretary-General (E/CN.4/1997/37). Geneva: United Nations, 1997. This report was edited and re-issued as HIV/AIDS and human rights: international guidelines. Geneva: UNAIDS and Office of the High Commissioner for Human Rights, 1998 (HR/PUB/98/1).

² Kirby J. Human rights and the HIV paradox. *Lancet* 1996;348:1217-8.

³ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights and the Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. Third international consultation on HIV/AIDS and human rights. Geneva: OHCHR and UNAIDS, 2002

⁴ Elliott R. Trips and rights: International human rights law, access to medicines, and the interpretation of the WTO agreement on trade-related aspects of intellectual property rights. Montreal: Canadian HIV/AIDS Legal Network and AIDS Law Project (South Africa), 2001 Available from: URL: <http://www.aidslaw.ca/Maincontent/issues/cts/TRIPS-brief.htm>

⁵ Fidler DP. International law and infectious diseases. New York: Oxford University Press, 1999:210

⁶ De Cock KM, Mbori-Ngacha D, Marum E. Shadow on the continent: public health and HIV/AIDS in Africa in the 21st Century. *Lancet* 2002;360:67-72.

⁷ London L. Human rights and public health: Dichotomies or synergies in developing countries? Examining the case of HIV in South Africa. *Journal of Law, Medicine and Ethics* (in press).

How human rights law is used to mitigate the impact of HIV/AIDS International level United Nations General Assembly Declaration of Commitment on HIV/AIDS The United Nations General Assembly's Declaration of Commitment on HIV/AIDS notes that "the full realization of human rights and fundamental freedoms for all is an essential element in a global response to the HIV/AIDS pandemic". It also sets concrete, time-bound targets for the introduction of national legislation and other measures to ensure the respect of rights in regard to education, inheritance, employment, health care, social and health services, prevention, support, treatment, information and legal protection¹.

Although states are not legally bound to implement the promises made in the declaration, the General Assembly's annual review of states' progress in meeting these commitments and the monitoring instruments being developed to measure compliance provide powerful tools to encourage government action.

Global Fund for AIDS, Tuberculosis and Malaria sought to promote dialogue and collaboration between government and civil society during the preparation of funding proposals by requiring demonstrated consultation with and participation of affected communities. Nongovernmental representatives who sit on the Board and technical advisory committee can monitor governments that try to falsify their applications. Access to medications Following the global outcry about the high cost of drugs for the treatment of HIV/AIDS, including antiretroviral drugs, the WTO's Ministerial Council declared in November 2001 that the agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (the TRIPS agreement) "does not and should not prevent members from taking measures to protect public health"². The WTO statement followed the decision by Brazil to allow the local generic manufacture of patented medications unless the manufacturers drastically reduced the cost of the drugs or started making them in Brazil. In June 2002, the TRIPS Council (the body responsible for administering the TRIPS agreement) postponed until 2006 the end of the transition period during which least-developed countries do not have to provide patent protection for pharmaceuticals³. Parliamentarians In 1999, UNAIDS and the Inter-Parliamentary Union jointly published the Handbook for Legislators on HIV/AIDS, Law and Human Rights.

In September 2001, the 106th Inter-Parliamentary Conference in Ouagadougou, Burkina Faso, called on all parliamentarians "to step up their national efforts to establish effective national and international AIDS policies and programmes ... including the use of condoms, measures to counter discrimination and the provision of care to affected persons, including orphans." The resolution urged governments to give human rights precedence over trade rights, and it urged pharmaceutical companies to reduce the prices of medicines "above all in developing countries"⁴. Amongst other documentation, the panel considered a detailed submission based on international human rights law and national precedent⁵. The panel unanimously rejected mandatory testing; instead it endorsed voluntary HIV counselling and testing for UN peacekeeping operations. National level Participation The International Guidelines on HIV/AIDS and Human Rights propose that states, through political and financial support, ensure community consultation in all phases of HIV/AIDS policy design, programme implementation and evaluation. Again, participation is key, because without this "reality check", governments risk introducing laws and policies that increase rather than diminish inequity and discrimination, and hence increase HIV infection and associated harms. For example, some governments have proposed amending the criminal law without fully considering the potential costs and benefits in public health terms, particularly from a gender perspective .

¹ United Nations General Assembly. Declaration of commitment on HIV/AIDS. New York: United Nations, 2001: paragraphs 16, 58 (A/RES/S-26/2).

² Declaration on the TRIPS agreement and public health. Geneva: World Trade Organization, 2001:para 4 (WT/MIN(01)/DEC/2). Available from: URL: http://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm

³ Velasquez G, Boulet P. Globalization and access to drugs. Perspectives on the WTO/TRIPS agreement. Geneva: World Health Organization and Action Programme on Essential Drugs, 1999 (revised) (WHO/DAP/98.9).

⁴ World Trade Organization. Council approves LDC decision with additional waiver. Geneva: World Trade Organization, 2002. Available from: URL: http://www.wto.org/english/news_e/pres02_e/pr301_e.htm

⁵ Stoltz L. HIV testing of UN peacekeeping forces: legal and human rights issues. Montreal: Canadian HIV/AIDS Legal Network; 2001. Available from: URL: <http://www.unaids.org/publications/documents/uniformedservices/>

The Kenyan Legal Task Force on Issues Relating to HIV/AIDS provides an example of a participatory process. In June 2001, the Honourable Amos Wako, Attorney-General of Kenya (and former member of the UN Human Rights Committee), convened the Legal Task Force on Issues Relating to HIV/AIDS to make recommendations to the government on a possible legal framework for responding to the HIV/AIDS epidemic in Kenya. The task force undertook public consultations around the country and, in July 2002, it launched its report and recommendations. The Attorney General promised that new legislation would be in place before the end of 2002. Treatment access In April 2001, 39 pharmaceutical companies bowed to worldwide condemnation by abandoning court action against the South African Government over legislation that could be used to make essential drugs affordable for millions of South Africans. In this case, the Treatment Action Campaign supported the government with arguments based, in part, on international human rights law and obligations¹. Prevention of mother-to-child transmission In July 2002, the Constitutional Court of South Africa held that the constitution required the government “to devise and implement within its available resources a comprehensive and co-ordinated programme to realise progressively the rights of pregnant women and their newborn children to have access to health services to combat mother-to-child transmission of HIV”². The human rights protections in the Constitution of South Africa were constructed to reflect international human rights laws that bound South Africa, and the Treatment Action Campaign argued, with evident success, that government policy was in breach of South Africa’s international legal obligations³. By introducing international human rights law into a popular and militant public health campaign, a growing social movement successfully achieved a major shift in a national policy on HIV.

Monitoring In 1999, the (then) Australian National Council on AIDS and Related Diseases published an instrument to measure states’ compliance with the International Guidelines on HIV/AIDS and Human Rights⁴.

Participants from Guyana, Jamaica, Suriname and Trinidad and Tobago explained how their countries’ laws and policies measured against the guidelines.

The outcome of this workshop was an action plan to support the implementation of priority area one of the Caribbean Regional Strategic Framework on HIV/AIDS, which addresses policy, advocacy and legislation. AIDS law organizations National associations — comprising lawyers, other professionals and people living with HIV/AIDS who are united in promoting rights-based approaches to HIV/AIDS — have been formed in many countries. With the support of the United Nations Development Programme, these groups have been encouraged to form regional networks in the regions of Asia and the Pacific, Latin America and the Caribbean and Africa⁵. Other organizations, such as research centres and legal clinics, also promote laws and policies based on human rights. Some also offer legal services to people infected with and affected by HIV/AIDS, who often come from disadvantaged communities and may not possess the information and advocacy skills necessary to participate when laws and policies are debated. Training for judges In the common law tradition, international human rights law is persuasive in the interpretation of statutes and the development of national jurisprudence.

¹ Heywood M. Debunking ‘conglomerate-talk’: a case study of the Amicus Curiae as an instrument for advocacy, investigation and mobilisation. Johannesburg: Treatment Action Campaign, 2001. Available from: URL: [http://www.tac.org.za/Documents/Medicine Act Court Case/Debunking_Conglomerate.rtf](http://www.tac.org.za/Documents/Medicine%20Act%20Court%20Case/Debunking_Conglomerate.rtf)

² TAC wins mother-to-child-transmission court case in the constitutional court. Johannesburg: Treatment Action Campaign (South Africa), 2002. Available from: URL: <http://www.tac.org.za>

³ Affidavit filed on 21 August 2001 at Pretoria High Court. Johannesburg: Treatment Action Campaign (South Africa), 2001. Available from: URL: <http://www.tac.org.za>

⁴ Watchirs H. A rights analysis instrument to measure compliance with the International Guidelines on HIV/AIDS and Human Rights. Canberra: Australian National Council on AIDS and Related Diseases, 1999. Available from: URL: <http://www.ancard.org/pubs/index.htm#hiv>

⁵ United Nations Development Programme. Networks for development: lessons learned from supporting national and regional networks on legal, ethical and human rights dimensions of HIV/AIDS. New York: United Nations Development Programme, 2000. Available from: URL: <http://www.undp.org/hiv/publications/networks.htm>

In September 2001, over 70 judges, magistrates and other lawmakers attended a sensitization seminar on HIV/AIDS in Lagos, Nigeria, which was hosted by the Center for the Right to Health¹. In 2002, a training package for magistrates who act as Commissioners of Child Welfare was developed in South Africa. The package will help sensitize magistrates to the complex legal and policy issues related to HIV/AIDS that arise in the placement of children in need, many of whom will have been orphaned by AIDS².

This article has described some of the many initiatives that are being undertaken in different contexts and that reflect approaches to law and policy related to HIV/AIDS as a template for other viral communicable diseases worldwide with established roots in international human rights law. First, human rights law helps states respond appropriately to the challenges of the HIV/AIDS epidemic by providing a framework on which they can formulate laws and policies that integrate public health objectives and human rights standards. Second, human rights provide a basis for tools for nongovernmental organizations and advocacy groups to use to monitor the performance of states in their policies and programmes and to take action for redress when public health policies violate rights. Third, human rights also speak to the obligations of public health practitioners with responsibilities for the protection and promotion of health at a population level.

LITERATURE

1. Ken McGee, Interview with Dr. David Nabarro, Gartner, 22 Dec. 2005, available at http://www.gartner.com/research/fellows/fellow_interview_nabarro.jsp,
2. China accused of SARS “cover-up,” BBC News, 9 Apr. 2003, available at <http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/2932319.stm>.
3. World Health Organization, Global Outbreak Alert & Response Network, available at <http://www.who.int/csr/outbreaknetwork/en/>.
4. Department of Health and Human Services: Centers for Disease Control and Prevention, Key Facts About Avian Influenza (Bird Flu) and Avian Influenza A (H5N1) Virus, 7 May 2007, available at <http://www.cdc.gov/flu/avian/gen-info/facts.htm>.
5. John Barry, *The Great Influenza: The Epic Story of the Deadliest Plague in Human History 450* (Viking, 2004).
6. ROME STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT: http://legal.un.org/icc/statute/99_corr/cstatute.htm
7. DOHA WTO MINISTERIAL 2001, Declaration on the TRIPS agreement and public health, https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm
8. Constitution of The World Health Organization, 22 July 1946.
9. World Health Organization, *The International Health Regulations (1969)*, Third

SOUTH AFRICAN NUCLEAR ENERGY POLICY: NATIONAL AND INTERNATIONAL DIMENSIONS

*W. Shezi*³

Introduction

South Africa is amongst the highest consumers of energy in Africa even though its access to energy is only accessible by only two-thirds of the population. Interestingly enough, the state's population only accounts for 5 percent of the continent's population. The state's demand for energy continues to increase more so in the post-Apartheid South Africa thus, energy policies adopted just

¹ Nigerian seminar for judges and magistrates [note]. *Canadian HIV/AIDS Policy and Law Review* 2002; 6: 46.

² South Africa HIV/AIDS training for bench's 'ideological virgins' [note]. *Canadian HIV/AIDS Policy and Law Review* 2002;7:1.

³ *Wandile Shezi* – SARCHI African Diplomacy and Foreign Policy, University of Johannesburg (South Africa).

after apartheid ought to be amended taking into account current development and future development projections. Subsequently, this creates a call for a new energy policy that closes the gaps in energy demand and decreases the likelihood of rolling blackouts as a result of overloaded power stations.

South Africa is the only state in Africa to ever have an operational nuclear power station and later dismantle its existing nuclear programmes. However, nuclear facilities were not destroyed but rather used for nuclear research instead. The state adopted a nuclear technology that is less harmful, such as creating energy and medical isotope. Subsequently, state-owned enterprises (SOEs) such as NECSA, South Africa Fundamental Atomic Research Installation (SAFARI-1) research reactor and National Radioactive Waste Disposal Institute (NRWDI) were established.

Economic growth remains one of the main drivers of an increase in the demand for energy. Also, the world's population is assumed to be expanding by at least one-third from approximately 6 billion in 2000 to 8.2 billion in 2030¹. Essentially, energy is a key factor in economic development in a state. However, the way energy is sourced, produced and used creates major drawbacks such as the inefficient energy systems in place and damming environmental and social problems associated with the energy system. Therefore, an energy policy must compliment the economic standing of the state and in line with development.

Key words: South Africa; Energy policy; Nuclear technology; Koeberg; Rosatom; Renewable and baseload energy.

South Africa's energy policy

The state's Department of Minerals and Energy (DME) emphasizes the critical importance of energy that a state must maintain and continually meet its demands. One of the key elements in production and development is access to energy. In the event that there is a lack or shortage thereof, it has detrimental effects on the economy and to the state's gross domestic growth². The state's energy sector, by virtue of its size and its importance in the economy, is in need of considerable investments in new supply capacity of energy. In the past, such decisions were primarily driven by concerns regarding the supply security of energy without full consideration given to economic, environmental and social impacts of all alternatives³. Consequently, the energy policy adopted in the White Paper proclaims that the DME ought to implement an integrated resource planning approach that should be attractive for large investment decisions to take place through energy suppliers and service providers⁴.

Subsequently, during the-then Minister of Energy's budget speech of 2017, Mmamoloko Kubayi, takes into consideration the process of tabulating the state's energy budget. The theme of the minister's speech resonated around promoting affordable and sustainable energy mix⁵. Additionally, this is in accordance and in full support of the President's (Jacob Zuma) radical socio-economic transformation mandate. The mandate has created an opportunity within the Department of Energy (DoE) to ensure the acceleration of radical socio-economic transformation through the Department's ability to work together with all stakeholders involved thus contributing towards economic growth, preserving, creating jobs and addressing inequalities that exist within the sector.

It is imperative to understand the broader concept of radical socio-economic transformation. It requires adequate and a pragmatic reflection on the broader micro – and macro-economic complexities of a state. Furthermore, Kubayi acknowledges that energy policy consideration ought to remain pragmatic and take into consideration socio-economic constrictions often created by the transition

¹ International Energy Agency. *World energy outlook* (2002). – P. 37.

² See DME. 'Integrated energy plan for the Republic of South Africa'. Available at http://www.energy.gov.za/files/policies/policy_nuclear_energy_2008.pdf Accessed 18 September 2017

³ DME. (above)

⁴ See DME. 'White paper on the energy policy of the Republic of South Africa. Available from http://www.energy.gov.za/files/media/explained/statistics_intergratedenergyplan_2003.pdf Accessed 16 September 2017

⁵ See DoE. 'Speech by Minister of Energy during the DoE budget vote for 2017/18 financial year at parliament of RSA'. Available at <https://www.esi-africa.com/wp-content/uploads/2017/05/Budget-Speech-for-Minister-Kubayi-19-May-2017.pdf> Accessed 18 September 2017

of economic fundamentals and to a larger extent the inconsistent economic growth over time. The role of radical socio-economic transformation is to empower people more so those who have been previously disadvantaged as the state seeks to continue developing and become industrialised¹.

A comparative perspective on South Africa's energy demand

Taking into consideration a global outlook on the demand for energy it has undergone a significant amount of change. The global energy consumption for coal declined from 627 to 546 Million Tonnes of Equivalent (Mtoe) from 1973 to 2000, while industry share grew from 44 percent to 75 percent, South Africa showed a similar trend in the increase. In addition, the consumption of natural gas grew from 672 to 1,115 Mtoe. However, the share in global consumption by the same industry declined from 50 percent to 44 percent. Global consumption of electricity was the greatest increase from 439 to 1,089 Mtoe². Whereas Africa's energy consumption has risen from 2.8 percent to 5.5 percent from 1973 to 2000. In comparison to other developing states, the total primary energy supply for South Africa per person is relatively high. As a result, two-thirds of South Africa's population that have access to electricity consume close to 50 percent of Africa's electricity, interestingly South Africa only makes up only 5 percent of Africa's population. Consequently, this is because of South Africa's strong orientation towards an industrial base. The state's consumption of energy is relatively higher compared to other developing states with an exception of a few such as South Korea³.

Electricity continues to play an intricate role in South Africa's economy. It represents modern energy services to those previously disadvantaged and its major input of industrial development. Industry and manufacturing are electricity-intensive industries and are the largest contributors to economic growth, they make up approximately 60 Percent of national electricity sales. Similarly, the industrial sector consumes the largest proportion of energy with an average consumption of 42 percent. Winter brings a more pronounced demand on energy than in summer because of space heating.

Therefore, to meet the peak demand of energy an additional capacity is required to sustain the population. Otherwise, the national energy grid becomes overwhelmed and shuts off as a result of increased demand, for instance in 2001 energy demand stood at 30,599MW a demand higher by almost 50 percent than the average energy demand of approximately 20,000MW⁴.

The state government's key policy objectives have often been to provide universal energy access to post-1994 state RDP. In the first phase of the state's National Electrification Programme from 1998 – 1999 there was a strong orientation towards electrifying 2.5 million households. However, by 1999, the rate of electricity increased rapidly among South African households from one-third to approximately two-thirds, with total investment in the electrification programme averaging at R7 billion financed domestically by Eskom^{5 6}.

There has been an increased demand for energy post-apartheid South Africa and according to statistics provided by the National Energy Reactor, the overall rate of electrification in the state in 2001 stood at 66 percent. The following year (2002) a further 338,572 homes were built, along with 974 schools and 49 clinics all grid-electrified. Given the growth in demand for energy as a result of rapid access to energy consumption levels in newly connected households, there was a prediction of 350 kWh to be used per household per month. However, it remains far lower than initial prediction ranging between 100-150 kWh per month. Winkler argues that this reflects a problem of affordability despite low electricity tariff. Research suggests that many electrified households refer back to traditional, highly polluting fuels means for energy generation. Furthermore, when a resource is scarce and monopolised its price is relatively increased thus, there are high rates of electricity

¹ See DoE. (above).

² International Energy Agency. (2002) (above) p59-60

³ H Winkler, "Energy policies for sustainable development in South Africa" Available from https://www.iaea.org/OurWork/ST/NE/Pess/assets/South_Africa_Report_May06.pdf Accessed 18 September 2017

⁴ H Winkler (above) p26-28.

⁵ H Winkler (above) p28.

⁶ Energy Research Centre, "Energy for sustainable development: South African profile" (2004)

cut-offs and subsequently, community protests against the cut-offs further highlight the problem of affordability¹.

The need for a new energy policy

The state's DME maintains that the environments of South Africa, external and internal, have experienced fundamental shifts which have resulted in significant changes when energy policy is taken into consideration. For instance, the apartheid-inspired United Nations oil embargo was lifted following the South Africa's move towards democracy. Furthermore, the state's adaptation of broad government policy frameworks such as the Reconstruction and National Development Programme, for example, requires existing energy policies to be reviewed. Given the government's last white paper on energy policy published in 1998, it is arguable that the sector's policies need to undergo major re-evaluation as socio-economic development continues to strive for the better. Subsequently, new energy policies need to be adopted and integrated, more so now as there is a need for the state to provide policy stability for energy suppliers, investors and consumers alike².

Perhaps there is a strong need for a revised or entirely new energy policy to be adopted by the state energy department which takes into account current and future socio-economic development of South Africa. The state's White Paper on energy policy appeals that through the diversification of primary energy sources there can be a great achievement of energy security in the state³. This, in turn, will help facilitate economic growth and social progress whilst remaining sensitive to climate change thus abiding by government's commitment to decrease carbon dioxide (CO₂) emissions by at least 30 percent by 2025⁴. Successively, such opportunity promotes diversity in the use of primary energy sources, therefore, the consideration and use of nuclear energy are increasingly getting worldwide traction. Nuclear energy has proven to be one of the most effective strategies to mitigate greenhouse gas emissions and slow down global warming as research suggests that nuclear energy is a low carbon emission source of energy generation when compared to fossil fuels⁵.

Induction of nuclear technology in South Africa

South Africa is the only state to ever have an operational nuclear facility and later dismantle its nuclear weapon capability but maintain nuclear research facilities. In 1948, South Africa had ambitions to build nuclear explosives and in 1950s state scientists were sent to the United States to study nuclear physics under the aegis of the *Atoms for Peace* program. Additionally, in 1965 the SAFARI-1 research reactor was commissioned. By 1970, South Africa's nuclear program had begun and the pioneering scientist were instrumental in its development. The atomic energy commission completed its bomb assembly for a cold test in 1977 and in 1979 the first bomb with highly enriched uranium (HEU) core was produced by the Atomic Energy Corporation (AEC) and was successfully detonated. And by 1984, Unit 1 of the Koeberg nuclear plant was synchronized to the state national energy grid and operational, moreover in 1986 unit 2 was synchronized to the national energy grid as well⁶.

However, in 1989, South Africa becomes the first nuclear power state to voluntarily dismantle its nuclear explosive devices. Subsequently, South Africa's acquired nuclear knowledge did not diminish but rather redirected to non-weaponry development. As such, in 1998, the state announced the initiation of the Pebble Bed Modular Reactor project. However, in 2010, the government stopped the funding of the development of the Pebble Bed Modular Reactor project⁷.

¹ See H Winkler (above) p29.

² DME, "White paper on the energy policy of the Republic of South Africa" Available from http://www.energy.gov.za/files/policies/whitepaper_energypolicy_1998.pdf Accessed 19 September 2017 p17.

³ See further DME (above). p7.

⁴ DoE, "Strategic plan: 2015 – 2020" Available from <http://www.energy.gov.za/files/aboutus/DoE-Strategic-Plan-2015-2020.pdf> Accessed 19 September 2017

⁵ See further DME (above). p7.

⁶ A Kirillov, "Nuclear: Everything you need to know" Available from <http://www.niasa.co.za/Portals/20/Documents/2016/Nuclear%20-%20-%20Everything%20you%20need%20to%20know.pdf> Accessed 20 September 2017

⁷ A Kirillov, (above).

South Africa has a long and rich history in nuclear research and management. Therefore, the state is more than capable of supplementing the energy grip through nuclear power generation. A nuclear energy plant has the ability to produce large amounts of energy with minimal effort. Energy is produced in the similar fashion as fossil fuel power plants but less detrimental as the latter. The process is, heat energy is created which turns water into steam and the pressure of the steam turns a generator which then produces energy. The difference in how heat is created between nuclear and fossil fuel is that the latter burns coal, oil or natural gas to generate much-needed heat but it contributes a lot of carbon emissions whereas the former produces heat from a process called nuclear fission¹. Fission is the process of splitting an atom into two thus releasing energy. This process naturally occurs every day, Uranium for instance, constantly undergoes spontaneous fission at a very slow rate hence the natural choice for induced fission that nuclear energy plants require².

Nuclear institutions in South Africa

The South African Nuclear Energy Corporation (NECSA) is one of the institutional bodies that are responsible for nuclear technology development and sustainability of it. NECSA is a parastatal and is responsible for undertaking and promoting Research and Development in the field of nuclear energy and radiation sciences. NECSA remains responsible for processing uranium enrichment source materials and operating with other institutions locally and abroad on nuclear-related matters. Additionally, apart from NECSA's main activities in Pelindaba – operation and utilisation of the SAFARI-1 research reactor – it also manages and operates the Vaalputs National Radioactive Waste Disposal Facility in the Northern Cape on behalf of the National Radioactive Waste Disposal Institute (NRWDI)³.

Furthermore, South Africa's good management of nuclear technology is evident with the SAFARI-1 research reactor in Pelindaba. It is a 20-megawatt tank-in-pool type research reactor owned and operated by NECSA and it is South Africa's only research reactor. Since its commissioning in 1965, the SAFARI-1 has achieved a number of outstanding success and is currently engaged in numerous activities that are beneficial to the field of health science such as medical isotopes to aid in the diagnosis of illness in patients. The SAFARI-1 provides services and products to both local and international to various industrial and institutional sectors. This essentially proves that nuclear technology has many benefits and application of it offers many advantages and it is not a unilateral orientated programme. Nuclear management and operations in South Africa has over 50 years of successful operation and are amongst the most efficiently run reactor of its type in the world⁴.

Lastly, the Koeberg plant has a pressurised water reactor (PWR), it is South Africa's only nuclear energy station synchronised to the national grid in April 1984 and the only one in Africa. In addition, it's the largest turbine generator in the Southern Hemisphere. It is surrounded by 3000 ha (hectare) of private game reserve owned by Eskom. Koeberg ranks amongst the safest nuclear energy power plant in world's top ranking PWR's of its kind and is the most reliable Eskom power station in the generation of baseload energy. In 2011, for the 5th time, the Koeberg plant was awarded NOSCAR status by the National Occupational Safety Association (NOSA). There are two 900MW units in the state with an installed capacity of 1800MW, operating for more than 30 years and there have been no serious accidents⁵.

Renewable versus Baseload source of energy

Baseload energy is the minimum amount of energy required by the grid to effectively run the demands of the state. Moreover, it is the amount of power required to meet the minimum demands based on reasonable economic requirements. Baseload energy is required 24 hours a day/ 365 days a year to effectively run heavy industry such as smelters, refineries and hospitals to households, small

¹ A Kirillov, (above).

² S Gautam, "Power plant engineering (WBSCTE)" (2015)

³ A Kirillov, (above) p16.

⁴ See further A Kirillov, (above) p17.

⁵ A Kirillov (above)

businesses and schools. A loss of power to these heavy operations may lead to massive disruptions, equipment being damaged, lives at risk and ultimately negatively affecting the economy¹.

However, there seems to be a general misconception amongst the public sphere that renewable sources of can supply sustainable base-load power. According to the figures from the Electronic Power Research Institute in 2012, a generated by wind generators can only achieve a net capacity factor of approximately 25 percent whereas photovoltaic solar stands at less than 20 percent. However, newer-generation of nuclear energy plant such as Water-Water Energetic Reactor (VVER) are able to achieve a net capacity of an excess of 92 percent. Simply put, the output of renewable energy is reliant on weather conditions. The sun does not shine for 24 hours in a day and substantial wind does not blow 365 days a year at a particular region to generate suitable energy².

Global warming continues to be global conundrum with state imposing limitations and reducing their carbon emission footprint through carbon emission tax to mitigate global warming. Fossil fuels are extremely detrimental to the environment and generally to human health. According to recent studies, 600,000 people lose their lives every year as result of carbon pollution and related incidents in Africa alone. Illness associated with coal have cost the South African public health sector more than R230bn. Whereas in contrast, nuclear energy is relatively cleaner, safer and no death recorded apart from and to be confused with nuclear bombs³.

Myths around Nuclear

There are a number of myths surrounding the use of nuclear technology in just about every state that seeks to procure or already have existing facilities. Nuclear energy the as an unorthodox means to supply energy in developing states, mostly being demonised by mainstream media. Essentially most developing states need an excess of energy or sustainable baseload energy to ensure human development and thus allowing economic independence by the state and individuals. With many developing states moving away from nuclear energy as a result of reliance on old nuclear energy plants technology which have not been improved over the years and are proving to be an environmental hazard^{4 5 6}.

Myth 1: A nuclear reactor exploding like a bomb

There is a growing misconception that a nuclear energy power plant has the possibility of exploding like a nuclear bomb is arguably the biggest misconception. Firstly, no nuclear energy power plant has the possibility of exploding like a nuclear bomb it is scientifically impossible. This is because the uranium supplied to nuclear energy plants is low-enriched uranium with a concentration between 3 to 4 percent, whereas weapons-grade uranium is enriched to a much higher concentration around 80 to 95 percent^{7 8}.

Nuclear explosions occur on the account of a critical mass. That is there needs to be enough fissile material present to sustain a chain reaction, in addition, supercritical mass is when there is enough material present for the fission rate to increase. A nuclear weapon is designed to release all its energy in one destructive blast. This means that the material is densely packed with fissile material. In contrast, nuclear bombs are absolutely nothing like the designs of reactor cores, they produce a

¹ See S Gautam (above) p253.

² M Barry and G Ramachandran, "Power generation technology data for integrated resource plan of South Africa" Available from http://www.doe-irp.co.za/content/EpriEskom_2012July24_Rev5.pdf Accessed 21 September 2017

³ S Gautam, (above) p253.

⁴ B Barton; C Redgwell; A Ronne and D N Zillman, "Energy security in the twenty-first century". (2004) (1) In B Barton; C Redgwell; A Ronne; D N Zillaman (eds). *Energy security: Managing risk in a dynamic legal and regulatory environment*. p468.

⁵ F Pearce, "Industry meltdown: Is the era of nuclear power coming to an end? Available from <https://e360.yale.edu/features/industry-meltdown-is-era-of-nuclear-power-coming-to-an-end> Accessed 21 September 2017

⁶ T Hals and E Flitter, "How two cutting edge U.S. nuclear projects bankrupted Westinghouse" Available from <http://www.reuters.com/article/us-toshiba-accounting-westinghouse-nucle-idUSKBN17Y0CQ> Accessed on 23 September 2017

⁷ G Greenhalgh, "The future of nuclear power" (1988).

⁸ E Jeffs, "Green energy: Sustainable electricity supply with low environmental impact" (2009).

steady, controlled release of energy. The sort of energy build-up needed to produce a meltdown can never attain the speed and intensity needed for an explosive nuclear energy release^{1 2}.

Myth 2: Nuclear energy a detriment to the environment

Contrary to bitter popular belief on the use of nuclear energy it is, in contrast, one of the most efficient and safe sources of energy on earth. Nuclear energy plants emit no greenhouse gasses during its operations and over its lifespan, they result in comparable emission to renewable forms of energy such as solar and wind. Whereas nuclear energy requires far less usage of land than other forms of energy^{3 4}. Over the past decade, nuclear energy has managed to save the environment countless times from CO₂ pollution taking into account had there been equivalent power produced by fossil fuels. Nuclear energy is not in direct conflict with renewable energy but rather a compliment to it, however, it remains imperative that state realizes the importance of having a sustainable energy mix. Furthermore, it is important that state has a mix in their energy supply and more importantly a mix that can create baseload energy to sustain the demand⁵.

Myth 3: Nuclear energy is dangerous thus unsafe

Nuclear energy is amongst the safest methods of producing energy in general when compared to fossil fuels. The coal industry generation of energy alone has resulted in over 4000 times more deaths than nuclear. Therefore, when it comes to nuclear energy this is why there are stringent regulations, safety systems and all other possible factors to ensure human safety and development. Modern energy stations safety designs allow it to withstand a direct a jumbo jet impact weighing approximately (362,874kg)⁶. This is the result of past knowledge from the Chernobyl and Fukushima accidents and probable future outcomes. Therefore, preventive measures have been taken to ensure that this kind of disasters cannot happen again even to large a calamity⁷.

Myth 4: The expense of nuclear energy is too much

According to a report commissioned by Delta Natural Gas in 2015, the economic and financial difficulty posed by the expanding use of nuclear energy technology on a major scale is currently too much for the state⁸. The initial cost of installing nuclear energy plants is indeed expensive. However, unlike most technologies, nuclear energy plant is a 60 to 80-year investment. Nuclear energy plants undoubtedly outlive the fossil fuel industry approximately by 3 times, a definite bargain for the state. Therefore, once initial costs of a nuclear energy plant have been paid in full, the nuclear energy plant now generates an abundant power for a fraction of the cost and thus essentially becomes a cash cow for the state, ensuring development and sustainability.

For instance, Koeberg, today is South Africa's cheapest and one of the most reliable sources of energy. In this respect, it really does pose the question as to why this system is not implanted nationwide taking into consideration the state's looming energy crisis⁹. However, Delta Natural Gas maintains that in regards to nuclear energy, the economic and financial difficulties that the technology imposes through its proven increasing use on a major scale are being underestimated as its capital cost, however, financed, is not affordable¹⁰.

¹ G Greenhalgh, (above).

² E Jeffs, (above).

³ D Mosher, "A forgotten war tech could safely power Earth for millions of years" Available from <http://www.iflscience.com/technology/a-forgotten-war-technology-could-safely-power-earth-for-millions-of-years-heres-why-we-arent-using-it/> Accessed 1 October 2017

⁴ A Kirillov (above) p8.

⁵ E Jeffs (above) p10.

⁶ A Kirillov, (above) p9.

⁷ A Kirillov, (above) p9.

⁸ See Delta Natural Gas, "Future role of gas in South Africa's power and industrial development" Available from [http://5737034557ef5b8c02c0e46513b98f90.cdn.ilink247.com/ClientFiles/econometrix/Econometrix/Company/Documents/The_future_role_of_gas_in_South_Africa_\(2_Oct_F\).pdf](http://5737034557ef5b8c02c0e46513b98f90.cdn.ilink247.com/ClientFiles/econometrix/Econometrix/Company/Documents/The_future_role_of_gas_in_South_Africa_(2_Oct_F).pdf) Accessed 3 October 2017

⁹ See further A Kirillov (above) p10.

¹⁰ See Delta Natural Gas (above) p31.

Koeberg Power Station

During the early 1970s, South Africa began construction on its first and only nuclear energy power station *Koeberg power station* managed by Eskom and has since safely supplied electricity to the national grid from April 1984 to date. It is currently the only nuclear energy station in Africa and one of 3 in the southern hemisphere. The plant once held an Eskom record of operation without any interruption for 454 days. Whereas Koeberg Unit 2 has a record of 484 operational without interruption between 2 refuelling outages in 2014, remarkable in comparison to a global standard. Avera formerly known as Framatome is a French Multinational group in nuclear energy power and renewable energy, they were responsible for the construction of South Africa's 1840 MWe (PWR) Koeberg nuclear energy plant. The plant is based on the design used in reactors supplying most of France's electricity^{1 2}.

The plant has been strategically built in Western Cape to supply electricity resulting in coal reserves and coal stations being in far north-east parts of the state. The Koeberg power station is a generation II PWR and Rosatom offers generation III+ VVER the latest in nuclear technology. Although several safety modifications have been made following the 2011 Fukushima accident. Currently, Eskom's Koeberg nuclear plant supplies approximately 5 percent of South Africa's total electricity needs and Western Cape is mostly nuclear powered and are less dependent on the Mpumalanga coal power stations. A life extension project has been approved by the government for Koeberg to allow it to operate for 60 more years, until 2044. Replacement of generators are due for replacement in 2018, Koeberg ranks amongst the top safest PWRs in the world of its calibre and is Eskom's most reliable power station^{3 4 5}.

Koeberg maintains frugal use of water and saves 22 billion litres of fresh water per annum. Seawater is often used to cool down its condensers and thereafter water is returned to the sea after use, unaffected of course. In comparison, using the similar period of time, a coal-fired power station of the size would use more than 50 million tonnes of coal (50 billion Kgs). Operations in Koeberg are regulated by the National Nuclear Regular (NNR), a public institution established with the role of providing protection to people, property and the environment against possible nuclear damage through the establishment of safety standards and regulatory practices. Koeberg's safety is subject to regular reviews by the NNR, World Association of Nuclear Operators (WANO) and the International Atomic Energy Agency (IAEA)⁶.

The question of capability of a nuclear culture is possible in South Africa, the state is well equipped to have nuclear energy power stations as it maintains a good nuclear safety culture with the Koeberg plant has been operational for over 50 years. Similarly, the Koeberg plant has been designed to withstand a direct earthquake with a magnitude level of 7 on the Richter scale and an 8-metre-high tidal wave. In addition, safety precautions by means of an emergency plan have been taking into consideration between the City of Cape Town and Koeberg. The emergency plan is tested and applied regularly, every 18 months, with a radius of 16km from the plant as well as contingency plans beyond the established radius⁷.

Nuclear waste is categorised into 3 groups depending on the level of radioactivity – low, intermediate and high-level waste. The low-level waste contains low traces of radioactive contamination and typically this is day-to-day refuse. Intermediate level waste consists of purification

¹ F Bieldt, "Role of nuclear technology in South Africa: MA Dissertation" Available from http://dspace.nwu.ac.za/bitstream/handle/10394/14460/Bieldt_F_2015.pdf;sequence=1 Accessed 5 October 2017

² ESI Africa, "Eskom's Koeberg nuclear experience" *Africa's power journal*. (2016). Available from <https://www.esi-africa.com/features/eskoms-koeberg-nuclear-experience/> Accessed 25 September 2017

³ F Bieldt, (above) (6).

⁴ See for example COP17, "Nuclear energy: Koeberg power station" Available from <http://www.eskom.co.za/AboutElectricity/FactsFigures/Documents/Nuclear.pdf> Accessed 27 September 2017

⁵ Eskom, "Koeberg nuclear power station" (2013) Available from http://www.eskom.co.za/Whatweredoing/ElectricityGeneration/KoebergNuclearPowerStation/MoreAboutNuclearSafety/Documents/NU_0001NuclearEnergyBasicCycleRev61.pdf Accessed 26 September 2017

⁶ ESI Africa (above) (2016).

⁷ ESI Africa (above) (2016).

sludge, radioactive resins and irradiated scrap metal pieces from normal maintenance work. And lastly, a high level of spent fuel used in the fission process contains a high level of radioactivity. Vaalputs waste repository is managed by NECSA is currently the only disposal site for nuclear waste in South Africa situated in Namaqualand where evaporation exceeds annual rainfall. This ensures that in the event that radioactivity should escape it can do little to contaminate groundwater that may find its way to the surface. Nuclear waste is stored in trenches 10m deep and radiation at surface level is almost at natural level and does not constitute a health hazard. However, the site is fenced off, monitored and restricted access for safety reasons^{1 2}.

Rosatom

Rosatom is Russia's SOE atomic energy corporation and a global leader in nuclear energy power. It incorporates about 360 enterprises and scientific institutions including all of Russia's civil nuclear companies, research organisations and the world's only nuclear-propelled fleet. Rosatom has more than 70 years' worth of experience in managing national nuclear energy power programs and solving large-scale tasks, for instance, creating the world's first nuclear energy power plant and developing its fuel. Rosatom has been able to develop advanced enrichment technologies and nuclear energy plant with VVER water-moderated water-cooled power reactors which have proven their reliability over the course of more than 1500 nuclear plant years of trouble-free operation. Rosatom is leading the pack in nuclear technology development and research. Furthermore, its success in international nuclear fuel supplies and New Power Plants (NPP) construction abroad confirms the high quality of manufactured products and services offered³.

In 2015, Rosatom continued to expand its portfolio of international orders and by year-end, the 10-year order portfolio amounted to USD 110.3 billion whereas in 2014 they registered USD 101.4 billion. This is the result of a project portfolio comprised of 34 NPPs units worldwide. Rosatom's share on the NPP service market is growing steadily, it started off with 5 power units of VVER reactors abroad 3 years ago and currently, the company provides services for 18 out of 37 Russian-design units in operation. In 2015, 35 power units of 10 operating NPPs in Russia generated a record amount of electricity in its history of nuclear power generation – 195.2 billion kWh. This amount of electricity output is enough to support the Moscow region for two years. This amount of power generation by the NPPs exceeded the target set by Russia's Federal Tariff service of 189.15 billion kWh by over 6 billion kWh and subsequently made a significant contribution to the annual revenue of Rosatom. Therefore, the more power plants built makes it possible for the state to meet the needs of the state's economy and population without making any negative impact on the environment⁴.

Rosatom describes itself as the global leader in the operation of research reactors. Currently, there are 52 multi-purpose fast neutron research reactor (MBIR) in Russia and they make up about 20 percent of global research fleet. Overall, over 130 research reactors have been built based on Russian technology and 20 of these research reactors are built abroad and are operational⁵. Whereas South Africa has one operational research centre – Pelindaba nuclear centre – near Pretoria. They produce the largest range of medical isotopes in Africa⁶.

Rosatom integrated offer

Rosatom incorporates a complete range of nuclear energy power products and services. They ensure sustainable national nuclear energy system development on a long-term basis. They also provide outstanding opportunities for local industry involvement and development. Lastly, an optimal solution for newcomers in nuclear energy power technology. Furthermore, the advantage of working

¹ ESI Africa (above) (2016).

² COP17 (above) (2015).

³ Rosatom, "Rosatom integrated offer in nuclear energy" (2016a)

⁴ Rosatom, "The VVER today: Evolution, design and safety" (2016b)

⁵ Rosatom (above) (2016a)

⁶ D Albright, "Highly enriched – uranium inventories in South Africa: Status as of end of 2014" (2015).

with Rosatom include reliable and proven technologies, industrial capacity, financial resources, state support and more than 65 years of continuous experience and success in the field¹.

Lastly, Rosatom offers state services on cost sharing thus allowing distribution of the financial burden between project participants in accordance with the shares in the project. Rosatom's involvement in the project either as an owner or a share in it provides stability and sustainability for the entire lifespan of the plant. Furthermore, project financing can be covered by inter-governmental agreements by means export credits or government credits from the Russian Federation state. Rosatom offers integrated solutions that enable the chance for a broad involvement of national companies in the project. Rosatom's policy includes localization of up to 85 percent of the total project cost in different forms. SOE's have the opportunity to offer their services for NPP engineering and construction, plant equipment production and independent work on maintenance and modernization².

The localisation opportunity arises from the transfer of Russian technologies to state companies thus giving these companies the chance to reach a new level in their technology and manufacturing. In addition, Rosatom's approach creates an environment that attracts third-party state companies to participate in the project. This creates additional revenue for new opportunities and new jobs for state companies and offers the chance to achieve a new level of quality development and economic sustainability. NPP construction benefits the entire state, it creates jobs and provides additional tax revenue for the state. Optimal localization attracts investments to the state and one of the benefits of localization provided by Rosatom is that it transfers the 'know how' in business venture thus providing added value for the local economy³.

Court Ruling on Nuclear deal

South Africa's attempts to procure nuclear energy to supplement the growing demand to energy has not widely accepted by the general public with a number of non-government organisations (NGOs) such as Earth Life and the Southern Africa Faith Communities Environment Institute (SAFCEI) at the forefront of ensuring the dismantling of the alleged nuclear deal. Moreover, following substantial pressure by these groups the state's Western Cape High Court subsequently ruled that the deal was indeed unconstitutional and unlawful as wrong procedures were followed, rather than the proposed deal being a case of being too costly for the state taxpayers and government investments to afford. Furthermore, the Western Cape High Court fundamentally found the state's nuclear proposed Intergovernmental Agreements (IGA) with various other nuclear vendor states such as the United States, France and South Korea to be unlawful. Additionally, the court asserts that state Parliament ought to approve any nuclear deal provided that the state Department of Energy has identified the need for nuclear energy with Russia's SOE, Rosatom the most likely strong contender to secure the contract^{4 5 6 7}. In contrast, the Western Cape Court rejected the state government's claim of the nuclear agreement between the Russian Federation and the Republic of South Africa being a simple bilateral international framework agreement for a nuclear corporation and concluding rather that it laid a fundamental basis for a binding and exclusive agreement in relation to procuring new nuclear energy plants. Subsequently, the DoE further stressed that the government has not yet entered into any binding deal nor has a contract been signed for the procurement of nuclear energy. And the

¹ Rosatom, (above) (2016a).

² Rosatom, (above) (2016a).

³ See further Rosatom, (above). (2016a).

⁴ L Peyper, 'Court sets aside nuclear deal with Russia, other countries' (2017). Available from <https://www.fin24.com/Economy/breaking-court-sets-aside-nuclear-deals-with-russia-other-countries-20170426> Accessed 16 February 2018

⁵ See further Z Dantie, 'SAFCEI press release on high court ruling on proposed nuclear deal'. (2017). Available from <http://mjc.org.za/2017/04/28/safcei-press-release-on-high-court-ruling-on-proposed-nuclear-deal/> Accessed 16 February 2018

⁶ Business Reporter. '#NuclearDeal: Full Judgement'. (2017). Available from <https://www.iol.co.za/business-report/energy/nucleardeal-full-judgment-8826414> Accessed 16 February 2018

⁷ See further #United Behind. 'Stop the nuclear deal' (2017). Available from <https://unitebehind.org.za/wp-content/uploads/unitebehind-pamphlet-english.pdf> Accessed 16 February 2018

department maintains that only an IGA had been signed with the United States, South Korea, China, France and Russia¹

Conclusion

The production of energy has been and continues to be one of the main contributing factors to social and economic development in South Africa. Sustainable energy systems are able to meet present energy demand needs without compromising the ability of future generations to satisfy their own energy requirements. Thus, it is important that the government implements an energy policy that ensures the state's decrease in carbon emissions. Changes in government policies and technological developments coupled together with macroeconomic conditions and decreased energy prices are imperative for a continued sustainable development. These factors affect both the demand for energy services and the rate of investment supply of infrastructure. Nuclear energy can be considered as a viable option in supplying baseload energy for the state along with the adoption of a nuclear policy. South Africa has maintained a clean record regarding development and maintenance of nuclear facilities. A successful IGA between the Russian Federation government and the Republic of South Africa government will result in a number of nuclear fleets being developed.

LITERATURE:

Albright, D. (2015). *Highly enriched uranium inventories in South Africa: Status as of end of 2014*. Available from https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Highly_Enriched_Uranium_Inventories_in_South_Africa_November_2015.pdf HYPERLINK “https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Highly_Enriched_Uranium_Inventories_in_South_Africa_November_2015.pdf” HYPERLINK “https://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Highly_Enriched_Uranium_Inventories_in_South_Africa_November_2015.pdf”

Barry, M. and Ramachandran, G. (2012). *Power generation technology data for integrated resource plan of South Africa*. Available from http://www.doe-irp.co.za/content/EpriEskom_2012July24_Rev5.pdf Accessed 21 September 2017

Barton, B., Redgwell, C., Ronne, A. and Zillman, D. N. (2004). ‘Energy security in the twenty-first century’. In Barton, B., Redgwell, C., Ronne, A. and Zillman, D. N. (eds). *Energy security: Managing risk in a dynamic legal and regulatory environment*. New York: Oxford University Press

Bieldt, F. (2015). *Role of nuclear technology in South Africa* (Master's Dissertation). North West. North West University. Available from http://dspace.nwu.ac.za/bitstream/handle/10394/14460/Bieldt_F_2015.pdf;sequence=1 Accessed 5 October 2017

Business Reporter. (2017). #NuclearDeal: Full judgment'. Available from <https://www.iol.co.za/business-report/energy/nucleardeal-full-judgment-8826414> Accessed 16 February 2018

COP17. (2015). *Nuclear energy: Koeberg power station*. Available from <http://www.eskom.co.za/AboutElectricity/FactsFigures/Documents/Nuclear.pdf> Accessed 27 September 2017

Dantie, Z. (2017). *SAFCEI press release on high court ruling on proposed nuclear deal*. Available from <http://mjc.org.za/2017/04/28/safcei-press-release-on-high-court-ruling-on-proposed-nuclear-deal/> Accessed 16 February 2018

Delta Natural Gas. (2015). *Future role of gas in South Africa's power and industrial development mix*. Available from [http://5737034557ef5b8c02c0e46513b98f90.cdn.ilink247.com/ClientFiles/econometrix/Econometrix/Company/Documents/The_future_role_of_gas_in_South_Africa_\(2OctF\).pdf](http://5737034557ef5b8c02c0e46513b98f90.cdn.ilink247.com/ClientFiles/econometrix/Econometrix/Company/Documents/The_future_role_of_gas_in_South_Africa_(2OctF).pdf) Accessed 3 October 2017

Department of Minerals and Energy. (1998). *White paper on the energy policy of the Republic of South Africa*. Available from http://www.energy.gov.za/files/policies/whitepaper_energypolicy_1998.pdf Accessed 19 September 2017

¹ See L. Ensor, ‘Court rules basis of SA-Russia nuclear deal was binding’ (2017). Available from <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2017-04-27-court-ruling-u-turns-states-claim-sa-russia-nuclear-deal-is-nonbinding/> Accessed 16 February 2018

Department of Minerals and Energy. (2008). *Nuclear energy policy for the Republic of South Africa*. Available from http://www.energy.gov.za/files/policies/policy_nuclear_energy_2008.pdf Accessed 18 September 2017

DoE. (2015). *Strategic plan: 2015 – 2020*. Available at <http://www.energy.gov.za/files/aboutus/DoE-Strategic-Plan-2015-2020.pdf> 19 September 2017

DoE. (2017). *Speech by Minister of Energy during the DoE budget vote for 2017/18 financial year at parliament of RSA*. Available at <https://www.esi-africa.com/wp-content/uploads/2017/05/Budget-Speech-for-Minister-Kubayi-19-May-2017.pdf> Accessed 18 September 2017

Energy Research Centre. (2004). *Energy for sustainable development: South African profile*. Cape Town: University of Cape Town

Ensor, L. (2017). *Court rules basis of SA-Russia nuclear deal was binding*. Available from <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2017-04-27-court-ruling-upturns-states-claim-sa-russia-nuclear-deal-is-nonbinding/> Accessed 16 February 2018

ESI Africa. (2016). 'Eskom's Koeberg nuclear experience'. *Africa's Power Journal*. Available from <https://www.esi-africa.com/features/eskoms-koeberg-nuclear-experience/> Accessed 25 September 2017

Eskom. (2013). *Koeberg nuclear power station*. Available from http://www.eskom.co.za/Whatweredoing/ElectricityGeneration/KoebergNuclearPowerStation/MoreAboutNuclearSafety/Documents/NU_0001NuclearEnergyBasicCycleRev61.pdf Accessed 26 September 2017

Gautam, S. (2015). *Power plant engineering (WBSCTE)*. India: Vikas Publishing House PVT LTD

Greenhalgh, G. (1989). *The future of nuclear power*. London: Graham & Trotman

Hals, T. and Flitter, E. (2017). 'How two cutting edge U.S. nuclear projects bankrupted Westinghouse', *Reuters*. Available from <http://www.reuters.com/article/us-toshiba-accounting-westinghouse-nucle-idUSKBN17Y0CQ>

International Energy Agency. (2002). *World energy outlook*. Paris: IEA

Kirillov, A. (2016). *Nuclear: Everything you need to know*. Available from <http://www.niasa.co.za/Portals/20/Documents/2016/Nuclear%20-%20-%20Everything%20you%20need%20to%20know.pdf> Accessed 20 September 2017

Mosher, D., (2017), *A forgotten war tech could safely power Earth for millions of years*. Viewed 01 March 2017 at <http://www.iflscience.com/technology/a-forgotten-war-technology-could-safely-power-earth-for-millions-of-years-heres-why-we-arent-using-it/> Accessed 1 October 2017

Pearce, F. (2017). 'Industry meltdown: Is the era of nuclear power coming to an end?'. *Yale School of Forestry & Environmental Studies*. Available at <https://e360.yale.edu/features/industry-meltdown-is-era-of-nuclear-power-coming-to-an-end> Accessed 21 September 2017

Peyper, L. (2017). *Court sets aside nuclear deal with Russia, other countries*. Available from <https://www.fin24.com/Economy/breaking-court-sets-aside-nuclear-deals-with-russia-other-countries-20170426> Accessed 16 February 2018

Rosatom. (2016a). *Rosatom integrated offer in nuclear energy*. Moscow: Rosatom.

Rosatom. (2016b). *The VVER today: Evolution, design and safety*. Moscow: Rosatom

United Behind. (2017). *Stop the nuclear deal*. Available from <https://unitebehind.org.za/wp-content/uploads/unitebehind-pamphlet-english.pdf> Accessed 16 February 2018

Winkler, H. (2006). *Energy policies for sustainable development in South Africa's residential and electricity sectors: Implications for mitigating climate change*. (Doctoral dissertation, University of Cape Town, South Africa). Available from http://www.erc.uct.ac.za/sites/default/files/image_tool/images/119/Papers-2006/06Winkler-PhD.pdf

БЕСЕДА С АВТОРОМ

**КАРЕН НЕРСЕСОВИЧ БРУТЕНЦ
«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ»**

Москва, «Международные отношения», 1998

Редакция «Казанского журнала международного права и международных отношений» продолжает свой проект по созданию исторической хроники деятельности Международного отдела ЦК КПСС.

Хорошей возможностью для этого стала книга бывшего первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенца «Тридцать лет на Старой площади». Мы встретились с автором книги и задали ему как традиционные вопросы о том, что осталось за страницами его произведения, так и об особом предмете нашего исследования – Международном отделе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Главный редактор КЖМП А.Б. Мезяев: Карен Нерсесович, Вы были Первым заместителем руководителя одного из, возможно, самых таинственных органов власти Советского Союза – Международного отдела ЦК КПСС. Не могли бы Вы рассказать об этом органе, о том, каковы были его полномочия и какого его было место в общей системе власти в СССР?

Карен Нерсесович Брутенц: Действительно, более трех десятков лет я проработал в Международном отделе ЦК КПСС. Пришел я туда референтом, вернувшись из Праги, из журнала «Проблемы мира и социализма». В 1990 г. я был переведен с должности первого

заместителя заведующего Международным отделом ЦК советником к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Как Вы правильно выразились, Александр Борисович, наш отдел за рубежом называли «таинственным», о его функциях любили рассуждать зарубежные советологи. Сферой деятельности Отдела были связи КПСС с коммунистическими, рабочими, социалистическими партиями зарубежных стран. Зарубежные специалисты по СССР часто утверждали, что мы активно участвуем в выработке внешней политики и даже стоим над МИДом. На самом деле это было не так. Конечно, главное слово принадлежало, если не говорить о руководстве страны, МИДу. Мы участвовали во внешнеполитических делах только тогда, когда был представлен, скажем, общественный элемент. Тогда МИД стремился, так сказать, консультироваться с нами, и мы в этом смысле активно участвовали в данном процессе. Мы также участвовали в выработке главных партийных документов, в том числе по международным вопросам, это было второе направление нашей работы. В-третьих, наш Отдел, в том числе и ваш покорный слуга, участвовали, и не всегда приятным образом (не всегда это вызывало удовлетворение), в подготовке международных выступлений руководителей нашей партии и страны. Конечно, было и участие в разработке определенных вопросов внешней политики, потому что в соответствующих выступлениях руководитель партии сразу занимал позицию, которая официально становилась позицией страны, ну и так далее. Вот, собственно, такой беглый список вопросов, которыми занимался наш Отдел.

Редакция КЖМП: Приходилось ли Вам, как представителю Международного отдела ЦК, сталкиваться с МИДом? Я имею в виду столкновение позиций. Были ли такие ситуации, когда Вы считали, что МИД занял неверную позицию, а Вы знали вопрос лучше?

К.Брутенц: Да, конечно, такие вопросы бывали, и нередко. Но не стоит особенно преувеличивать эти моменты, это были рабочие процессы. В особенности должен сказать, что на уровне не самого высшего руководства Отдела и МИДа отношения были всегда хорошие, а если ссорились начальники, то подчиненные подмигивали друг другу, старались это дело как-то отрегулировать. У меня, например, были отличные отношения с первым заместителем министра иностранных дел Корниенко.¹ Более сложными были отношения нашего заведующего, секретаря ЦК Бориса Николаевича Пономарева и министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко. Что касается наиболее серьезного расхождения между нашим Отделом и МИДом, – это, наверное, был вопрос о вводе советских войск в Афганистан. Этот вопрос долго и нервно обсуждался, но обсуждался неофициально. Наш начальник Пономарев четко высказывался против этого. Вызывает он меня вдруг и говорит: «Напишите заключение по Афганистану». Я спрашиваю: «Какое?». Он говорит: «Надо ли вводить войска туда или нет, запритесь, чтобы никто не мешал». Я поднялся к себе и стал готовить требуемую бумагу, но в соответствии с настроением своего начальника. Вдруг мне стучат в дверь: «Вас к телефону». Я отвечаю, мол, я же просил меня ни с кем не соединять. А мне в ответ: «Это Андрей Михайлович». А Андрей Михайлович – это помощник Брежнева по международным вопросам.² Деваться некуда, беру трубку. «Ну что вы там сидите, сочиняете? МИД свое мнение уже высказал». А я строю себе баррикаду, ребята уже написали, все, что надо. Я говорю: «А какое мнение?». Но он: «Вы-то что пишете?». ... Не отвечает... Ладно. Я говорю, что это опасно, что не надо вводить. Тогда он кричит мне в трубку: «Так что, американцам отдавать Афганистан?». А американцы уже вели переговоры, об этом тоже у нас не пишется – о размещении ракет в Афганистане... Я все-таки записку написал, отдал ее Борису Николаевичу. Он взял, ничего не говоря, и больше к этой записке не возвращался. Теперь не знаю судьбы ее, выкинули, наверное...

¹ *Георгий Маркович Корниенко.* С 1975 г. – заместитель, а с 1977 г. – первый заместитель министра иностранных дел СССР. В апреле 1986 г. – первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. (Прим. ред.)

² *Андрей Михайлович Александров-Агентов.* С 1947 г. – советник министра иностранных дел. В 1961-1963 гг. – референт председателя Президиума Верховного Совета СССР, с 1963 по 1986 гг. – помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС. (Прим. ред.)

А.Мезяев: Карен Нерсесович, Вы стали сотрудником Международного отдела ЦК КПСС, начав работу в секторе Африки в 1961 г. В это время на континенте происходили бурные события. Только что – всего за один 1960 год – было создано сразу почти 20 новых независимых государств. В своей книге Вы, однако, пишете, что в Советском Союзе не было определенной стратегии в отношении развития отношений со странами Африки. Как бы Вы охарактеризовали политику СССР в отношении Африки, в том числе как один из руководителей Международного отдела ЦК КПСС?

К.Н. Брутенц: К сожалению, эта политика занимала весьма второстепенное положение. Собственно, это вообще ведь болезнь Великой державы. Вот американцы ... они ведь по состоянию на сегодняшний день проиграли Африку китайцам. Но я не склонен подвергать это критике. В своей книге я написал об этом, скорее, просто как о констатации факта. Почему не склонен? Потому что у нас не хватало ни материальных ресурсов для этого, ни знаний, и даже, что меньше можно оправдать, не было и интереса. Я имею в виду не тех, кто работал в Африканском секторе. Что касается принципиальной позиции, то она была, как позиция Советского Союза в целом: это понимание того, что национально-освободительная борьба – это справедливая борьба, и, в конечном счете, она будет победоносной. Но повторяю, не было ни настоящего желания, ни возможностей проводить более активную африканскую политику.

Редакция КЖМП: В своей книге Вы также пишете, что руководство Советского Союза часто «шло на поводу» у африканских лидеров. Не могли бы Вы разъяснить, о каких конкретно ситуациях идет речь?

К.Н. Брутенц: Тут вот в чем дело. Если с лидерами европейскими и азиатскими у нашего руководства был разговор на одной платформе, условно говоря, то здесь незнанием прикрывались как экраном. И шли на некоторые вещи, которые можно было сделать иначе. Многие из африканских лидеров, как мне кажется, были крупнее некоторых нынешних лидеров. В своей книге я написал целую оду об этих лидерах ... Вы сами понимаете, что существует большая разница между лидерами, которые вышли из спокойных вод, а тем более тех, кто поднялся по бюрократической лестнице, и лидерами, которые вышли из гущи острейшей политической борьбы, а тем более из революционного дела. Вот, например, Кваме Нкрума – гигант по сравнению с теми, которых я видел потом...

Редакция КЖМП: Об Анголе... В своей книге Вы пишете о том, что в какой-то момент Политбюро ЦК КПСС приняло решение о признании ФНЛА и что только бюрократические проволочки, и в особенности протесты некоторых наших руководителей и португальских левых, помешали его реализации. В этой связи у меня два вопроса: наверное, Политбюро не само приняло такое решение, кто-то, видимо, порекомендовал это сделать, и как такое важное решение могло приниматься без консультации с руководителями стран Африки, раз они протестовали до этого принятия решения? Не могли бы Вы чуть подробнее рассказать...

К.Н. Брутенц: Сейчас я уже многие детали подзабыл, но знаю одно: тогда наши не любили консультироваться со многими. Обычно это была какая-то одна фигура, которая выбиралась как абсолютно не только приемлемая, но и основательная, которой можно доверять. В Африке такой фигуры в тот период, насколько я знаю, не было. Это первое. Второе: руководство, конечно, получило, соответствующие рекомендации, от ведомства, от Лубянки, и я, боюсь соврать, уже не помню, участвовал в деле МИД или нет. Вот так это было, а мы подключились уже поздно. Наш завсектором в это время был занят другими делами, и это прошло мимо нас. Вот так я бы ответил на Ваш вопрос, думаю, недостаточно подробно, но тем не менее...

Редакция КЖМП: Теперь о наших отношениях с Эфиопией. Вы пишете, что дважды приезжали в Эфиопию убеждать Президента Менгисту Хайле Мариаму изменить свою политику. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этих встречах. Кстати, и о том, какой интерес вызвали Ваши поездки у представителей США и Франции, они ведь даже запросили встречу с Вами до того, как вы туда поехали...

К.Н. Брутенц: Заместитель Государственного секретаря США Мерфи в связи с этим визитом запросился ко мне на прием. Я не помню точно, но американцы поступили с нами не очень по-джентельменски, и поэтому я три дня Мерфи не принимал. Он ждал, как миленький. Во время разговора он заявил мне, что США беспокоят не слишком миротворческие намерения Менгисту в отношении некоторых соседних государств. В этих фразах я уловил какой-то элемент угрозы, в том смысле, что если вы никак не прореагируете, то мы вынуждены будем вмешаться. Я не думаю, что о прямом силовом вмешательстве он говорил, но такой разговор был. Есть еще одна непонятная вещь: откуда он узнал, что я еду. Я и так спрашивал и эдак, но так ничего и не добился, искусства не хватило.

Я действительно два раза приезжал в Эфиопию. Впечатления от встреч в Менгисту Хайле Мариамом у меня были очень смешанные. Я вынужден был констатировать, что мы имеем дело с человеком умным, волевым, но также и неуправляемым. Не в том смысле, что мы им не можем им управлять, хотя это тоже было верно, а в том, что он ведет себя немножко вне здравого смысла. Инстинкты абсолютно диктаторские. Кстати, у меня там была еще задача заступиться за члена Компартии Англии, я пробовал это сделать, но это ни к чему не привело...

Редакция КЖМП: Карен Нерсесович, в своей книге Вы пишете о том, что в начале 1977 г. советско-сомалийские отношения стали ухудшаться и дело дошло до того, что Леонид Ильич Брежнев отказался встретиться с Президентом Сомали Сиадом Барре, который просил принять его. Насколько это была типичная ситуация, когда наше руководство отказывало принять какого-то президента, и почему все-таки было принято решение отказаться от встречи, а не, например, использовать эту встречу как возможность попытаться убедить в своей правоте, в конце концов, оказать давление для принятия благоприятного для нас решения?

К.Н. Брутенц: В приеме отказывали редко. Другое дело – часто откладывали, тянули, и этот элемент был связан, начиная со второй половины 70-х годов, с состоянием Л.И. Брежнева. Будучи во Владивостоке, Леонид Ильич встречался с Президентом США Фордом, а после этого – резкий скачок давления. Рекомендацией врачей был сделать перерыв в работе. Но Леонид Ильич отреагировал типично нашим способом: «Как же, монгольские товарищи

меня ждут, уже договорились» и так далее. И несмотря на все предостережения, он полетел в Монголию, и там у него случился инсульт. После этого он уже часто был неработоспособен. Иногда у него наступали светлые промежутки и были большие перерывы в относительно благополучном состоянии. Причем состояние менялось даже в течение дня. Я видел его иногда с совершенно отсутствующими глазами... В связи с его особенностями речи его превратили в комичную фигуру, а на самом деле он был человек совсем не глупый. Поэтому там бывали такие переживания. А по поводу конкретно этого случая с Президентом Сомали я точно не помню, придумывать не буду.

Редакция КЖМП: Учитывая, что наш журнал международно-правовой, я не мог пройти мимо описываемого Вами эпизода, где Вы участвовали, правда, невольно, в подготовке одного международного договора. Это был договор СССР и Марокко.

К.Н. Брутенц: Однажды мне пришла записка МИД с визой Кириленко¹ с предложением одобрить рыболовное соглашение СССР с Марокко, парафированное «рыбным» министром Ишковым. Читаю текст и вижу, что Марокко дает согласие – а мы его принимаем – на лов Советским Союзом рыбы в морской зоне Западной Сахары. Иначе говоря, пользуясь небрежностью министра, марокканцы обходным путем, через рыболовное соглашение, получали признание СССР их территориальных притязаний. Это скандал, вероятны серьезные осложнения с Алжиром. После разговора с подписавшим бумагу замминистра иностранных дел Ильичевым, который признал ошибку, я звоню Кириленко, и он неохотно, но дает согласие на мою записку-возражение. Я испытывал удовлетворение от содеянного, но через пару дней, в субботу, раздался звонок Кириленко: «Интеллигент легкомысленный! Это будет стоить 600 тысяч тонн рыбы, знаешь, что это означает для нашего белкового баланса?». Оказалось, прибывший в Москву премьер-министр Марокко Осман отказался подписать соглашение без упомянутого положения, поскольку оно было одобрено королем. Отмахнувшись от моих объяснений, Андрей Павлович сказал: «Сейчас к тебе придет Ишков, найдите выход. Обязательно». Министр через пять минут был у меня, формула была найдена – один из тех дипломатических бессодержательных ребусов, которые каждая сторона может понимать, как ей угодно. Марокканцы же, убедившись, что большего не добьются, уступили. Любопытно: заключенное соглашение получило положительный отклик в Алжире, там сочли, что Москва не поддалась на уловки Марокко.

¹ Андрей Петрович Кириленко – член Политбюро ЦК КПСС (1962-1982).

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

*Российская инициатива по запросу консультативного заключения Международного Суда ООН.....	147
*Российская инициатива по правилам поведения в области обеспечения международной информационной безопасности.....	148
*Российская инициатива по подготовке антинаркотических кадров в Комиссии ООН по наркотическим средствам.....	152

РОССИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ЗАПРОСУ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

В феврале-марте 2017 г. Специальный комитет по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации вновь вернулся к обсуждению пересмотренного рабочего документа, представленного Российской Федерацией (совместно с Беларусью).

В ходе общего обмена мнениями, состоявшегося на 284-м и 285-м заседаниях Специального комитета 21 и 22 февраля 2017 г. и на 2-м заседании Рабочей группы полного состава, Специальный комитет рассмотрел дополнительно пересмотренный рабочий документ, который был представлен Российской Федерацией (и Беларусью) и в котором было рекомендовано, в частности, запросить у Международного Суда ООН консультативное заключение о том, какие правовые последствия имеет применение государствами силы без предварительного разрешения Совета Безопасности, кроме случаев осуществления права на самооборону.

Россия напомнила о предыстории внесения этого предложения и особо отметила, что тема пересмотренного рабочего документа сохраняет актуальность и что он имеет важное значение для выработки общего понимания правовых последствий применения государствами силы без предварительного разрешения Совета Безопасности. Делегация-автор выразила сожаление по поводу того, что еще не достигнут консенсус по данному предложению, которое первоначально было внесено на рассмотрение на сессии Специального комитета 1999 г. Авторы предложения высказались за его сохранение в повестке дня Специального комитета и призвали делегации к выработке консенсусного документа, который можно было бы представить Генеральной Ассамблее.

Несколько делегаций вновь высказались в поддержку этого предложения и за продолжение его рассмотрения. Было отмечено, что данное предложение остается актуальным, и было указано, что консультативное заключение Международного Суда ООН могло бы способствовать уточнению положений Устава, касающихся применения силы.

Вновь прозвучали возражения против просьбы о запросе консультативного заключения, которые высказывались на предыдущих сессиях Специального комитета.

**РОССИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ПРАВИЛАМ
ПОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Российская Федерация (совместно с Казахстаном, Китаем, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном) представила в ООН проект

В последние годы был достигнут значительный прогресс в деле разработки и применения новых информационно-коммуникационных технологий, которые потенциально могут быть использованы в целях, не совместимых с задачами по поддержанию международной стабильности и безопасности. В настоящее время формируется международный консенсус в отношении необходимости укрепить международное сотрудничество и выработать соответствующие международные нормы, чтобы противостоять общим вызовам в сфере информационной безопасности. С этой целью Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан в 2011 г. совместно представили Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят шестой сессии правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, к которым впоследствии в качестве соавторов присоединились Казахстан и Кыргызстан. Эти правила поведения после их распространения в качестве документа Генеральной Ассамблеи стали объектом пристального международного внимания и активного международного обсуждения. Впоследствии мы пересмотрели эти правила поведения при полном учете замечаний и предложений, поступивших от всех сторон. Представляя проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» Россия (и присоединившиеся к ее инициативе страны) надеются добиться прогресса в международном обсуждении международных норм информационной безопасности и способствовать скорейшему формированию консенсуса по этому вопросу.

Приложение

**Правила поведения в области обеспечения
международной информационной безопасности**

Генеральная Ассамблея:

ссылаясь на резолюции Генеральной Ассамблеи о роли науки и техники в контексте международной безопасности, в которых, в частности, признается, что достижения науки и техники могут иметь как гражданское, так и военное применение и что необходимо поддерживать и поощрять развитие науки и техники для использования в гражданских целях;

ссылаясь также на свои резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» 53/70 от 4 декабря 1998 г., 54/49 от 1 декабря 1999 г., 55/28 от 20 ноября 2000 г., 56/19 от 29 ноября 2001 г., 57/53 от 22 ноября 2002 г., 58/32 от 8 декабря 2003 г., 59/61 от 3 декабря 2004 г., 60/45 от 8 декабря 2005 г., 61/54 от 6 декабря 2006 г., 62/17 от 5 декабря 2007 г., 63/37 от 2 декабря 2008 г., 64/25 от 2 декабря 2009 г., 65/41 от 8 декабря 2010 г., 66/24 от 13 декабря 2011 г., 67/27 от 3 декабря 2012 г. и 68/243 от 27 декабря 2013 г.;

отмечая значительный прогресс, достигнутый в разработке и внедрении новейших информационных технологий и средств телекоммуникации;

признавая необходимость предотвращения возможности использования информационно-коммуникационных технологий в целях, которые не совместимы с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности и способны оказать отрицательное воздействие на целостность государственных инфраструктур, нанося ущерб их безопасности;

подчеркивая необходимость усиления координации и укрепления сотрудничества между государствами в борьбе с преступным использованием информационных технологий и в этом контексте отмечая ту роль, которую могут сыграть Организация Объединенных Наций и другие международные и региональные организации;

подчеркивая важность безопасного, непрерывного и стабильного функционирования Интернета и необходимость защиты Интернета и других сетей информационно-коммуникационных технологий от возможного неблагоприятного воздействия и подверженности рискам; подтверждая необходимость выработки общего понимания вопросов безопасности Интернета и дальнейшего сотрудничества на национальном и международном уровнях;

вновь подтверждая, что политические полномочия по связанным с Интернетом вопросам государственной политики являются суверенным правом государств, государства имеют права и обязанности в отношении связанных с Интернетом вопросов государственной политики международного уровня;

учитывая оценки и рекомендации, содержащиеся в итоговом докладе Группы правительственных экспертов, созданной в 2012 г. в соответствии с резолюцией 66/24 на основе справедливого географического распределения, которая в соответствии со своим мандатом изучила существующие и потенциальные угрозы в сфере информационной безопасности и возможные совместные меры по их устранению, включая нормы, правила или принципы ответственного поведения государств и меры укрепления доверия в информационном пространстве, провела исследование соответствующих международных концепций, которые направлены на укрепление безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем;

подтверждая необходимость изучения общего понимания того, как нормы, основанные на положениях существующего международного права, относящихся к сфере использования информационно-коммуникационных технологий государствами, применение которого является необходимой предпосылкой для снижения рисков нарушения международного мира, безопасности и стабильности, будет применяться к поведению государств и использованию информационно-коммуникационных технологий государствами в соответствии с параграфом 16 доклада Группы правительственных экспертов от 24 июня 2013 г. (A/68/98);

отмечая, что с учетом уникальных особенностей информационно-коммуникационных технологий со временем могут быть разработаны дополнительные нормы в соответствии с параграфом 16 доклада Группы правительственных экспертов;

признавая, что доверие и безопасность в использовании информационно-коммуникационных технологий относятся к главным опорам информационного общества и что необходимо поощрять, формировать, развивать и активно внедрять устойчивую глобальную культуру кибербезопасности, как отмечается в резолюции Генеральной Ассамблеи 64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур»;

отмечая необходимость активизации усилий по преодолению цифрового разрыва путем облегчения передачи информационно-коммуникационных технологий развивающимся странам и наращивания их потенциала в вопросах передовой практики и профессиональной подготовки в области кибербезопасности, как отмечается в резолюции Генеральной Ассамблеи 64/211;

принимает следующие Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности:

1. Цели и область применения

Основная цель настоящих Правил поведения заключается в определении прав и обязанностей государств в информационном пространстве, стимулировании их конструктивного и ответственного поведения и укрепления сотрудничества между ними для противостояния общим вызовам и угрозам в информационном пространстве с тем, чтобы создать мирную, безопасную, открытую и основанную на сотрудничестве информационную среду и чтобы использование информационно-коммуникационных технологий и информационных и коммуни-

кационных сетей способствовало полномасштабному социальному и экономическому развитию и благосостоянию народов и не противоречило целям обеспечения международного мира и безопасности.

2. Правила поведения открыты для присоединения любых государств на добровольной основе.

Правила поведения

Каждое государство, добровольно соблюдающее настоящие Правила поведения, обязуется:

1. Соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и общепризнанные принципы и нормы международного права, которые включают, помимо прочего, уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств, уважение прав и основных свобод человека, а также уважение многообразия истории, культуры и социального устройства всех стран.

2. Не использовать информационно-коммуникационные технологии и информационные и коммуникационные сети для осуществления действий, которые противоречат задачам поддержания международного мира и безопасности.

3. Не использовать информационно-коммуникационные технологии и информационные и коммуникационные сети для вмешательства во внутренние дела других государств и в целях подрыва их политической, экономической и социальной стабильности.

4. Сотрудничать в борьбе с преступной или террористической деятельностью с использованием информационно-коммуникационных технологий и информационных и коммуникационных сетей и сдерживать распространение информации террористического, сепаратистского или экстремистского характера, а также разжигающей ненависть на национальной, расовой или религиозной почве.

5. Прикладывать усилия к обеспечению безопасности на всех этапах поставок продукции и предоставления услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий, предотвращать использование другими государствами своей доминирующей позиции в сфере информационных технологий, включая, среди прочего, доминирование в основных ресурсах, критической инфраструктуре, ключевых технологиях, продуктах и услугах информационно-коммуникационных технологий и информационных и коммуникационных сетях, для подрыва права государств на независимый контроль над продуктами и услугами информационно-коммуникационных технологий или для создания угроз их политической, экономической и социальной безопасности.

6. Подтверждать права и обязанности каждого государства, в соответствии с надлежащими нормами и правилами, в отношении законной защиты своего информационного пространства и критической информационной инфраструктуры от ущерба в результате угроз, вмешательства, атак и актов агрессии.

7. Признавать, что права, которые человек имеет в оффлайновой среде, должны также защищаться и в онлайн-среде. В полной мере уважать права и свободы в информационном пространстве, в том числе на поиск, получение, передачу и распространение информации, принимая во внимание то, что в соответствии с Международным пактом о политических и гражданских правах (ст. 19) пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми:

a) для уважения прав и репутации других лиц;

b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

8. Все государства должны играть одинаковую роль в международном управлении Интернетом и нести равную ответственность за управление Интернетом, его безопасность, непрерывность и стабильность функционирования, а также развитие с тем, чтобы содействовать созданию многосторонних, прозрачных и демократических международных механизмов

управления Интернетом, которые позволят обеспечить справедливое распределение ресурсов, способствовать доступу для всех, а также гарантировать стабильное и безопасное функционирование Интернета.

9. Все государства должны в полной мере сотрудничать с другими заинтересованными сторонами и способствовать углублению осознания всеми элементами общества, в том числе частным сектором и институтами гражданского общества, своей ответственности за обеспечение информационной безопасности, включая формирование культуры информационной безопасности и поддержку усилий по защите объектов критической информационной инфраструктуры.

10. Развивать меры укрепления доверия в целях повышения предсказуемости и снижения вероятности недопонимания, а также риска возникновения конфликта. Эти меры включают, среди прочего, добровольный обмен информацией о национальных стратегиях и организационных структурах, направленных на обеспечение информационной безопасности страны, публикацию «белых книг» и обмен наилучшими практиками в тех случаях, когда это практически возможно и целесообразно.

11. Оказывать содействие развивающимся странам в «наращивании потенциала» в сфере информационной безопасности и по преодолению «цифрового разрыва».

12. Укреплять двустороннее, региональное и международное сотрудничество. Способствовать тому, чтобы Организация Объединенных Наций играла важную роль в таких областях, как стимулирование выработки международных правовых норм в области информационной безопасности, мирное разрешение международных споров, повышение качественного уровня сотрудничества государств в сфере информационной безопасности, а также в других сферах. Интенсифицировать координацию между соответствующими международными организациями.

13. Любой спор, который может возникнуть в ходе деятельности, охватываемой настоящими Правилами поведения, должен разрешаться с помощью процедур мирного урегулирования, воздерживаясь от применения военной силы или угрозы силой.

Из выступления Первого заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при ООН П.В. Ильичева на заседании Совета Безопасности ООН по «формуле Арриа» по кибербезопасности:

Наш подход отражен в известной инициативе ШОС – «Правилах поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», распространенных Генеральным секретарем ООН в качестве официального документа ООН в январе 2015 г. Документ открыт для присоединения других государств в качестве соавторов.

Основная работа по выработке подобных правил поведения в настоящее время ведется в Группе правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по МИБ 2016-2017 гг., созданной в соответствии с российской резолюцией Генассамблеи А/70/237 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Мандат данной ГПЭ предусматривает продолжение исследования существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению, а также того, как международное право применяется к использованию ИКТ государствами, включая нормы, правила и принципы ответственного поведения государств, меры укрепления доверия и наращивания потенциала.

В ходе первого заседания Группы (Нью-Йорк, 29 августа – 2 сентября 2016 г.) российская сторона распространила свой вклад, подготовленный в виде концепции проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Правила ответственного поведения государств в информационном пространстве в контексте международной безопасности». Меры укрепления доверия являются важным условием предупреждения потенциально конфликтных ситуаций в сфере использования ИКТ. Большая, во многом подвижническая работа в этом отношении делается в рамках ОБСЕ. Переговорный процесс на данном треке продемонстрировал необходимость выработки эффективных, действенных мер реального доверия и конструктивного сотрудничества с учетом мнения всех заинтересованных сторон.

В декабре 2013 г. Постоянным Советом ОБСЕ был принят «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью снижения рисков возникновения конфликтов в результате ис-

пользования ИКТ». Документ носит прорывной характер, поскольку впервые на многостороннем уровне приняты важные меры доверия в информационном пространстве. С целью углубления сотрудничества между государствами – членами ОБСЕ в сфере использования ИКТ, повышения транспарентности, предсказуемости и стабильности, а также снижения рисков возникновения конфликтов в результате применения данных технологий 10 марта 2016 г. Постоянным советом ОБСЕ были утверждены дополнения к «Первоначальному перечню мер доверия ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий».

ОБ ОДОБРЕНИИ КОМИССИЕЙ ООН ПО НАРКОТИЧЕСКИМ СРЕДСТВАМ РОССИЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПО ПОДГОТОВКЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКИХ КАДРОВ

13-17 марта 2017 г. в Вене состоялась 60-я сессия Комиссии ООН по наркотическим средствам. Для российской межведомственной делегации, которую возглавлял заместитель министра иностранных дел Российской Федерации О.В. Сыромолотов, данное мероприятие носило этапный характер. Прежде всего, под эгидой Комиссии впервые состоялось совместное заседание государств-участников ШОС и руководства Управления ООН по наркотикам и преступности, в ходе которого были обсуждены основные направления выстраивания и реализации глобальной антинаркотической стратегии. Кроме того, в Вене государства-члены ОДКБ выступили со специальным заявлением, в котором высказали свою солидарную готовность наращивать взаимодействие, которое будет нацелено на отпор трансграничной наркоугрозе, включая ее афганский срез.

В рамках сессии Комиссии единогласно был принят подготовленный российской делегацией проект резолюции «Укрепление потенциала правоохранительных органов, пограничных органов и других соответствующих ведомств в целях борьбы с незаконным оборотом наркотиков посредством подготовки антинаркотических кадров». Данная резолюция, в основу которой положен российский опыт по обучению наркополицейских из государств Центральной Азии, Афганистана и Пакистана, является важным вкладом в практическое выполнение решений, которые были приняты на состоявшейся в 2016 г. в Нью-Йорке специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков.

В течение своего нынешнего четырехлетнего срока членства в Комиссии Россия выдвинула ряд получивших широкое одобрение инициатив, направленных на укрепление олимпийских и спортивных идеалов в деле противодействия наркомании, создание сети научных консультаций по поиску наиболее эффективных средств борьбы с наркотиками, пресечение связанных с наркобизнесом незаконных финансовых потоков.

Рассчитываем, что подобного рода вклад России в укрепление международного антинаркотического сотрудничества будет способствовать продолжению полноправного участия нашей страны в деятельности Комиссии ООН по наркотическим средствам по итогам предстоящих в апреле на сессии ЭКОСОС выборов в состав этого межгосударственного органа.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

**Из Послания Президента Российской Федерации
Федеральному Собранию России**

(1 марта 2018 г.)

Все проекты и приоритеты: пространственное развитие, инвестиции в инфраструктуру, в образование, здравоохранение и экологию, в новые технологии и науку, меры поддержки экономики, содействие талантам, молодёжи – всё это призвано работать на одну, стратегическую задачу – прорывное развитие России. При этом, конечно, мы не можем забывать и о надёжном обеспечении её безопасности.

Сирийская операция показала возросшие возможности Вооружённых Сил России. В последние годы проведена огромная работа по укреплению армии и флота. Оснащённость Вооружённых Сил современным оружием возросла в 3,7 раза. На вооружение принято более 300 новых образцов военной техники. В состав стратегических ядерных сил поступило 80 новых межконтинентальных баллистических ракет, 102 баллистические ракеты подводных лодок, 3 ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Борей». Перевооружены на новый ракетный комплекс «Ярс» 12 ракетных полков. Количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет – более чем в 30 раз. Значительно возросла мощь сил общего назначения, Воздушно-космических сил и Военно-Морского Флота. Всей стране и всему миру известны теперь названия наших новейших самолётов, подводных лодок, систем ПВО, ракетных комплексов морского, воздушного и наземного базирования. Всё это – новейшее, высокотехнологичное оружие последнего времени. По периметру границ России (очень важно!) создано сплошное радиолокацион-

ное поле системы предупреждения о ракетном нападении. После развала СССР появились огромные «дырки». Всё восстановлено. Сделан качественный рывок в развитии беспилотной авиации, создан Национальный центр управления обороной Российской Федерации, сформировано оперативное командование дальней морской зоны. Численность военнослужащих по контракту возросла в 2,4 раза, укомплектованность Вооружённых Сил с 70 процентов доведена до 95–100 процентов, ликвидирована многолетняя очередь на постоянное жильё. Срок его ожидания сокращён в 6 раз.

Теперь о главном в этой части, в разделе «Оборона». Речь пойдёт о новейших системах российского стратегического оружия, создаваемых нами в ответ на односторонний выход Соединённых Штатов Америки из Договора по противоракетной обороне и практическое развёртывание этой системы как на территории США, так и за пределами их национальных границ.

Должен здесь сделать небольшой экскурс в недавнее прошлое. Ещё в 2000 году США поставили перед нами вопрос о выходе Соединённых Штатов из Договора о противоракетной обороне. Россия была категорически против. Мы исходили из того, что советско-американский Договор о ПРО от 1972 года являлся краеугольным камнем системы международной безопасности. Согласно этому договору каждая из сторон имела право развернуть на своей территории только один район, защищавший её от ракетного нападения. В России такая система была развёрнута вокруг Москвы, в США – вокруг базы ракет наземного базирования «Гранд-Форкс».

Наряду с Договором об ограничении стратегических ядерных наступательных вооружений данное соглашение не только создавало определённую атмосферу доверия, но и гарантировало от бездумного, опасного для всего человечества применения одной из сторон ядерного оружия, поскольку ограниченность систем противоракетной обороны делало потенциального агрессора уязвимым для ответного удара.

Мы долго уговаривали американцев не разрушать Договор о ПРО, не нарушать стратегического баланса. Всё тщетно. В 2002 году США в одностороннем порядке вышли из этого договора. Но даже после этого мы ещё долго пытались наладить с ними конструктивный диалог. Предлагали для снятия озабоченности и сохранения атмосферы доверия наладить совместную работу в этой области. В какой-то момент мне показалось, что компромисс может быть найден, но нет. Все наши предложения, именно все наши предложения были отклонены. Мы заявили тогда, что будем вынуждены для обеспечения своей собственной безопасности совершенствовать современные ударные комплексы. В ответ нам было сказано: «США создают систему глобальной ПРО не против вас, не против России, а вы делайте что хотите. Будем исходить из того, что это не против нас, не против Соединённых Штатов».

Откуда взялась такая позиция, в целом понятно. После развала СССР Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом, – за границей её так и называли, Советская Россия, – если говорить о наших национальных границах, утратила 23,8 процента территории, 48,5 процента населения, 41 процент валового общественного продукта, 39,4 процента промышленного потенциала (я обращаю внимание, почти половину), 44,6 процента военного потенциала в связи с разделом Вооружённых Сил СССР между бывшими союзными республиками. Техника в Российской армии устаревала, сами Вооружённые Силы находились, прямо скажем, в плачевном состоянии. На Кавказе шла гражданская война, а на наших ведущих предприятиях по обогащению урана сидели американские инспектора.

Вопрос одно время стоял даже не о том, можем ли мы развивать систему стратегического оружия, некоторые задавались вопросом о том, в состоянии ли наша страна вообще безопасно содержать и обслуживать ядерное оружие, доставшееся нам после развала СССР. Россия была вся в долгах, без кредитов МВФ и Мирового банка экономика не работала, социальную сферу содержать было невозможно.

Видимо, у наших партнёров сложилось устойчивое мнение, что возрождение экономики, промышленности, оборонно-промышленного комплекса и Вооружённых Сил нашей страны до уровня, обеспечивающего необходимый стратегический потенциал, в обозримой историче-

ской перспективе невозможно. А если это так, то нет и никакого смысла считаться с мнением России, нужно идти дальше и добиваться окончательного одностороннего военного преимущества, а затем и диктовать свои условия во всех остальных областях.

В принципе, такую позицию, такую логику, исходя из реалий того времени, можно понять, мы сами в этом виноваты. Мы все эти годы, все 15 лет после выхода США из Договора по ПРО, настойчиво пытались вернуть американцев к серьёзному обсуждению, достижению договорённостей в сфере стратегической стабильности.

Кое-что удалось сделать. В 2010 году был подписан Договор СНВ-III между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Однако при реализации планов по строительству системы глобальной ПРО, которое продолжается и сейчас, все договорённости в рамках СНВ-III постепенно девальвируются, потому что при сокращении носителей и боезарядов одновременно и бесконтрольно одной из сторон, а именно США, наращивается количество противоракет, улучшаются их качественные характеристики, создаются новые позиционные районы, что в конечном итоге, если мы ничего не будем делать, приведёт к полному обесцениванию российского ядерного потенциала. Ну просто он будет весь перехватываться, вот и всё.

Несмотря на наши многочисленные протесты и призывы, американская машина заработала, конвейер пошёл. Действуют уже системы ПРО на Аляске и в Калифорнии, как результат расширения НАТО на восток появились два района ПРО в Восточной Европе: в Румынии он уже создан, в Польше завершается развёртывание. Дальность используемых противоракет будет расти, планируется развернуть их в Японии и Южной Корее. В состав глобальной системы ПРО США входит и морская группировка – это пять крейсеров и 30 эсминцев, насколько нам известно, развёрнутых в районах в непосредственной близости от территории России. Ничего здесь не преувеличиваю, работа и сегодня идёт полным ходом.

А что же сделали мы, кроме протестов и предупреждений? Чем ответила на этот вызов Россия? Вот чем.

1. САРМАТ

Все эти годы после одностороннего выхода США из Договора по ПРО мы напряжённо работали над перспективной техникой и вооружением. Это позволило нам сделать стремительный, большой шаг в создании новых образцов стратегического оружия. Напомню, что система глобальной ПРО США создаётся главным образом для борьбы с ракетами стратегического назначения, летящими по баллистической траектории. Это оружие составляет основу наших Сил ядерного сдерживания. Так же как, впрочем, и других государств «ядерного клуба». В этой связи в России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы. Кроме того, мы приступили к разработке нового поколения ракет. В частности, в настоящее время Министерство обороны совместно с предприятиями ракетно-космической отрасли начало активную фазу испытаний нового ракетного комплекса с тяжёлой межконтинентальной ракетой. Мы назвали его «Сармат». Данный ракетный комплекс придёт на смену комплексу «Воевода», созданному ещё в Советском Союзе. Все и всегда признавали его высокую боевую мощь. Наши зарубежные коллеги, как вы знаете, присвоили ему даже весьма угрожающее наименование. Но возможности ракеты «Сармат» значительно выше. При весе свыше 200 тонн она имеет короткий активный участок полёта, что затрудняет её перехват средствами ПРО. Дальность новой тяжёлой ракеты, количество и мощность боевых блоков – больше, чем у «Воеводы». «Сармат» будет оснащён широким спектром ядерных боеприпасов большой мощности, в том числе гиперзвуковых, и самыми современными системами преодоления ПРО. Высокие характеристики по защищённости пусковых установок и большие энергетические возможности обеспечат применение данного комплекса в любых условиях обстановки. У «Воеводы» дальность – 11 тысяч километров, у новой системы ограничений по дальности практически нет. Как видно

из видеоматериалов, он способен атаковать цели как через Северный, так и через Южный полюс. «Сармат» – это очень грозное оружие, в силу его характеристик никакие, даже перспективные системы ПРО ему не помеха. Но мы этим не ограничились. Мы начали разработку таких новых видов стратегического оружия, которые вообще не используют баллистические траектории полёта при движении к цели, а значит, и системы ПРО в борьбе с ними бесполезны и просто бессмысленны. Дальше речь пойдёт именно о таком оружии.

2. КРЫЛАТАЯ РАКЕТА ГЛОБАЛЬНОЙ ДАЛЬНОСТИ

Перспективные системы вооружения России основаны на новейших уникальных достижениях наших учёных, конструкторов, инженеров. Одно из них – создание малогабаритной сверхмощной ядерной энергетической установки, которая размещается в корпусе крылатой ракеты типа нашей новейшей ракеты Х-101 воздушного базирования или американского «Томагавка», но при этом обеспечивает в десятки раз – в десятки раз! – большую дальность полёта, которая является практически неограниченной. Низколетящая, малозаметная крылатая ракета, несущая ядерную боевую часть, с практически неограниченной дальностью, непредсказуемой траекторией полёта и возможностью обхода рубежей перехвата является неуязвимой для всех существующих и перспективных систем как ПРО, так и ПВО. Эти слова я произнесу сегодня ещё не один раз. В конце 2017 года на Центральном полигоне Российской Федерации состоялся успешный пуск новейшей российской крылатой ракеты с ядерной энергоустановкой. В ходе полёта энергоустановка вышла на заданную мощность, обеспечила необходимый уровень тяги. Проведённые пуск ракеты и комплекс наземных испытаний позволяют перейти к созданию принципиально нового типа вооружения – стратегического комплекса ядерного оружия с ракетой, оснащённой ядерной энергетической установкой. ... Поскольку дальность не ограничена, она может как угодно долго маневрировать. Как вы понимаете, ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята ещё что-нибудь придумают.

3. ПОДВОДНЫЙ БЕСПИЛОТНИК

Хорошо известно, что в мире активно проектируются и создаются беспилотные системы вооружения. Могут сказать, что в России разработаны беспилотные подводные аппараты, способные двигаться на большой глубине (знаете, я бы сказал, на очень большой глубине) и на межконтинентальную дальность со скоростью, кратно превышающей скорость подводных лодок, самых современных торпед и всех видов, даже самых скоростных, надводных кораблей. Это просто фантастика. Они обладают низкой шумностью, высокой маневренностью и практически неуязвимы для противника. Средств, которые могут им противостоять, на сегодняшний день в мире просто не существует. Беспилотные подводные аппараты могут быть оснащены как обычными, так и ядерными боеприпасами. Это позволит им поражать широкий спектр целей, в том числе авианосные группировки, береговые укрепления и инфраструктуру. В декабре 2017 года полностью завершён многолетний цикл испытаний инновационной ядерной энергоустановки для оснащения этого автономного необитаемого аппарата. Ядерная установка имеет уникально малые габариты и при этом сверхвысокую энерговооружённость. При объёме в сто раз меньше, чем у установок современных атомных подводных лодок, имеет большую мощность и в 200 раз меньшее время выхода на боевой режим, то есть на максимальную мощность. Результаты проведённых испытаний дали нам возможность приступить к созданию принципиально нового вида стратегического оружия, оснащённого ядерными боеприпасами большой мощности.

4. КИНЖАЛ

Хорошо известно, что страны с высоким уровнем научного потенциала и передовыми технологиями активно разрабатывают так называемое гиперзвуковое оружие. Сверхзвуковая скорость измеряется, как известно, махами в честь австрийского учёного Эрнста Маха, кото-

рый занимался исследованиями в этой области. Один мах – 1062 километра в час на высоте 11 километров. Одна скорость звука – один мах, от одного до пяти – сверхзвук, от пяти и больше – гиперзвук. Обладание таким оружием, безусловно, даёт серьёзные преимущества в сфере вооружённой борьбы. Его мощь, могущество, как говорят военные эксперты, может быть огромным, а скорость делает неуязвимым для сегодняшних систем ПРО и ПВО, поскольку противоракеты, по-простому сказать, их просто не догоняют. В этой связи понятно, почему ведущие армии мира стремятся обладать таким идеальным на сегодняшний день оружием.

Уважаемые друзья! У России такое оружие есть. Уже есть. Важнейшим этапом современных систем вооружений стало создание высокоточного гиперзвукового авиационно-ракетного комплекса, также, как вы уже поняли наверняка, не имеющего мировых аналогов. Его испытания успешно завершены, и, более того, с 1 декабря прошлого года комплекс приступил к несению опытно-боевого дежурства на аэродромах Южного военного округа.

Уникальные лётно-технические характеристики высокоскоростного самолёта-носителя позволяют доставлять ракету в точку сброса за считанные минуты. При этом ракета, летящая с гиперзвуковой скоростью, превышающей скорость звука в десять раз, ещё и осуществляет маневрирование на всех участках траектории полёта, что позволяет ей также гарантированно преодолевать все существующие и, я думаю, перспективные системы противовоздушной и противоракетной обороны, доставляя к цели на дальность более двух тысяч километров ядерные и обычные боезаряды. Мы назвали эту систему «Кинжал».

5. АВАНГАРД

Настоящим технологическим прорывом является создание перспективного ракетного комплекса стратегического назначения с принципиально новым боевым оснащением – планирующим крылатым блоком, испытания которого также успешно завершены.

Ещё раз повторю, что мы неоднократно говорили нашим американским и европейским партнёрам – членам НАТО о том, что будем предпринимать необходимые меры для нейтрализации угроз, которые возникают для нас в связи с развёртыванием глобальной ПРО США. Говорили об этом и в ходе переговоров, и даже публично. Ещё в 2004 году, после учений стратегических ядерных сил, в ходе которых впервые была испытана система, о которой я сейчас говорю, на встрече с прессой я сказал. Неловко себя цитировать, но просто сегодня это будет к месту. Итак, было сказано:

«В условиях качественного и количественного роста военного потенциала других государств России необходим прорыв к тому, чтобы иметь оружие и технику нового поколения. В этой связи могу вас с удовлетворением проинформировать о том, что в результате проведённых в ходе этих учений экспериментов, положительно закончившихся экспериментов, мы окончательно убедились и подтвердили – в недалёком будущем на вооружение Российской армии, Ракетных войск стратегического назначения, будут поставлены новейшие технические комплексы, которые в состоянии поражать цели на межконтинентальной глубине с гиперзвуковой скоростью и высокой точностью, с возможностью глубокого манёвра как по высоте, так и по курсу. Должен сказать, что в том, что только что прозвучало, каждое слово имеет значение. Таких систем вооружения в данный момент нет ни у одной страны мира».

Конечно, каждое слово имеет значение, потому что речь шла именно о возможности обхода рубежей перехвата. Для чего мы это всё делали? Для чего мы это говорили? Мы не делали, как видите, никакой тайны из наших планов, а говорили об этом открыто и для того, чтобы прежде всего побудить наших партнёров к переговорам. Повторяю, это был 2004 год. Даже удивительно, но, несмотря на все проблемы, с которыми мы сталкивались в экономике, в финансах, в оборонной промышленности, в армии, всё-таки Россия оставалась и остаётся крупнейшей ядерной державой. Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. Послушайте сейчас.

Итак, от существующих типов боевого оснащения эта система отличается способностью совершать полёты в плотных слоях атмосферы на межконтинентальную дальность на гиперзвуковой скорости, превышающей число Маха более чем в 20 раз.

При движении к цели планирующий крылатый блок, как я и говорил в 2004 году, осуществляет глубокое маневрирование, как боковое (причём на несколько тысяч километров), так и по высоте. Это делает его абсолютно неуязвимым для любых средств противовоздушной и противоракетной обороны.

Использование новых композитных материалов позволило решить проблему длительного управляемого полёта планирующего крылатого блока практически в условиях плазмообразования. Он идёт к цели как метеорит, как горящий шар, как огненный шар. Температура на поверхности изделия достигает 1600–2000 градусов по Цельсию, крылатый блок при этом надёжно управляется.

В силу понятных причин мы не можем сегодня показать истинный облик, истинный внешний вид этого изделия. Даже это сегодня имеет значение, серьёзное значение. Думаю, всем это понятно. Но уверяю вас, всё это есть в наличии и хорошо работает. Более того, предприятия промышленности России приступили к серийному производству этой системы – этого ещё одного нового вида стратегического оружия России. Мы назвали его «Авангард».

6. ЛАЗЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Мы хорошо знаем и о том, что ряд государств работает над созданием перспективного оружия на новых физических принципах. Есть все основания полагать, что и здесь мы на шаг впереди. Во всяком случае, там, где нужнее всего. Так, существенные результаты достигнуты в создании лазерного оружия. И это уже не просто теория или проекты, и даже не просто начало производства. С прошлого года в войска уже поступают боевые лазерные комплексы. Не хочу в этой части вдаваться в детали, просто пока не время. Но специалисты поймут, что наличие таких боевых комплексов кратно расширяет возможности России, именно кратно, в сфере обеспечения своей безопасности. Тем, кто интересуется военной техникой, также хотел бы предложить, попросил бы, чтобы они предложили название и этой новой технике, этому новейшему комплексу.

Конечно, мы ещё будем заниматься доводкой, развитием, совершенствованием наших новейших систем оружия. И, разумеется, я сегодня сказал далеко не обо всех наших достижениях и перспективных разработках. Но на сегодня достаточно. Особо подчеркну, что созданные и создаваемые образцы нового стратегического оружия, по сути, новых видов стратегического оружия, – это не задел времён Советского Союза. В ходе работы мы, конечно, опирались на некоторые идеи наших гениальных предшественников, но всё, о чём я сегодня сказал, – это новейшие разработки последних лет, это результат усилий десятков, десятков научных организаций, конструкторских бюро, институтов. Над этим тихо, скромно, без всякого самолюбования, с полной отдачей сил и на протяжении многих лет работали тысячи, именно тысячи наших специалистов, замечательных учёных, конструкторов, инженеров, увлечённых своим делом талантливых рабочих. Среди них очень много молодых людей. Все они, так же как и наши военнослужащие, которые демонстрировали в боевых условиях лучшие качества российского воинства, все они и есть настоящие герои нашего времени. Хочу сейчас обратиться к каждому из них и сказать: конечно, будут и премии, и награды, и почётные звания, но я знаю, со многими из вас неоднократно встречался лично, что вы работаете не ради наград. Главное – надёжно обеспечить безопасность Отечества и нашего народа. И как глава Российского государства от имени народа России сердечно благодарю вас за труд и за его результаты. Они так нужны нашей Родине сегодня!

В основе всех перспективных военных разработок, как я уже сказал, лежат выдающиеся достижения, которые могут, должны и будут в своё время использоваться в высокотехнологичных гражданских отраслях производства. Но что хочу особо отметить: такое уникальное,

сложнейшее оружие может успешно разрабатываться и производиться только государством с высочайшим уровнем фундаментальной науки и образования, мощной исследовательской, технологической, промышленной, кадровой базой. И вы видите, что всеми этими ресурсами Россия располагает. Мы будем наращивать этот потенциал, концентрировать эти возможности на решении тех масштабных задач, которые стоят перед страной в экономике, в социальной сфере, в инфраструктуре. И такое уверенное долгосрочное развитие России всегда будет надёжно защищено. Повторю, каждая из названных систем оружия уникальна и важна, но ещё более значимо то, что всё это вместе даёт возможность специалистам Минобороны и Генерального штаба создавать перспективную, комплексную систему обороны страны, в которой каждому новейшему инструменту вооружённой борьбы отводится своя роль. Наряду с имеющимся и уже стоящим на боевом дежурстве оружием стратегического назначения, которое мы также постоянно совершенствуем, Россия получает такую систему обороны, которая надёжно обеспечит её безопасность на длительную перспективу.

Конечно, ещё многое предстоит сделать в сфере военного строительства, но уже сегодня мы с полным основанием можем заявить: в России современная, с учётом огромности нашей территории компактная, высокотехнологичная армия, сердцем которой является преданный своей Родине, готовый на любые жертвы ради своего народа офицерский корпус. Техника, оружие, даже самое современное, рано или поздно появится в других армиях мира. Это нас абсолютно не волнует, у нас это уже есть и будет ещё лучше. Главное – в другом. Таких людей, таких офицеров, как наш лётчик гвардии майор Роман Филипов, у них не будет никогда!

Надеюсь, что всё, что было сказано сегодня, отрезвит любого потенциального агрессора, а такие недружественные шаги по отношению к России, как развёртывание системы ПРО, приближение инфраструктуры НАТО к нашим границам и тому подобное, с военной точки зрения становятся неэффективными, с финансовой – неоправданно затратными и в конечном итоге просто бессмысленными для тех, кто это инициирует и делает. Обо всём, что было сказано сегодня, мы так или иначе должны были проинформировать наших партнёров в соответствии с принятыми на себя ранее международными обязательствами. В нужное время и в нужном объёме специалисты МИДа и Минобороны ещё не раз обсудят с ними эти вопросы, если, конечно, наши партнёры этого захотят. Со своей стороны отмечу, что все работы по укреплению обороноспособности России проводились и проводятся нами в рамках действующих соглашений в области контроля над вооружениями, ничего мы не нарушаем. Особо подчеркну: растущая военная мощь России никому не угрожает, у нас не было и нет планов использования этого потенциала в наступательных, а тем более в агрессивных целях. Мы никому не угрожаем, ни на кого не собираемся нападать, ничего ни у кого, угрожая оружием, не собираемся отнять: у нас у самих всё есть. Наоборот, считаю необходимым подчеркнуть (и это очень важно): растущая военная мощь России – это надёжная гарантия мира на нашей планете, поскольку эта мощь сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие и баланс сил в мире, что, как известно, было и остаётся одним из важнейших факторов международной безопасности после Второй мировой войны и до наших дней. А тем, кто на протяжении последних 15 лет старается раздуть гонку вооружений, пытается получить в отношении России односторонние преимущества, вводит незаконные с международно-правовой точки зрения ограничения и санкции с целью сдержать развитие нашей страны, в том числе в военной области, скажу: всё, чему вы пытались помешать, воспрепятствовать, проводя такую политику, уже свершилось. Сдержать Россию не удалось! Теперь нужно осознать эту реальность, убедиться в том, что всё, что мною было сегодня сказано, это не блеф, – а это не блеф, поверьте, – подумать, отправить на заслуженный отдых тех, кто живёт прошлым и не в состоянии заглянуть в будущее, прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется «Планета Земля».

В этой связи хотел бы здесь отметить ещё одно обстоятельство. Большую озабоченность вызывают и некоторые положения обновлённого обзора ядерной стратегии США, в котором расширяются возможности снижения и снижается порок применения ядерного оружия. И ку-

дуарно можно кого угодно и как угодно успокаивать, но мы читаем то, что написано. А написано так, что она может быть пущена в ход в ответ на удары обычными вооружениями или даже на киберугрозу. Отмечу, в нашей военной доктрине Россия оставляет за собой право использовать ядерное оружие только в ответ на применение против неё или её союзников ядерных и других видов оружия массового поражения или в случае агрессии против нас с применением обычного вооружения, когда под угрозу поставлено само существование государства. Всё очень чётко, ясно, конкретно. В этой связи считаю своим долгом заявить следующее. Любое применение ядерного оружия против России или её союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями. Ни у кого на этот счёт не должно быть никаких сомнений. Не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновлённой, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации. Мы всегда вам об этом говорили. Все эти предложения остаются в силе, Россия к этому готова. Наша политика никогда не будет основываться на претензиях на исключительность, мы защищаем свои интересы и уважаем интересы других стран, руководствуемся международным правом, считаем незыблемой ключевую роль ООН. Именно такие принципы и подходы позволяют нам выстраивать прочные, добрые и равноправные отношения с абсолютным большинством государств мира. Пример тому – наше всеобъемлющее стратегическое партнёрство с Китайской Народной Республикой. Особо привилегированные стратегические отношения сложились у России с Индией. Новую динамику получают наши отношения с очень многими странами мира. Россия активно участвует в работе международных организаций. Вместе с партнёрами развиваем такие объединения и структуры, как ОДКБ, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, продвигаем позитивную повестку в ООН, «Группе двадцати», АТЭС. Мы заинтересованы в нормальном, конструктивном взаимодействии с США и Евросоюзом. Рассчитываем, что возобладает здравый смысл и наши партнёры сделают выбор в пользу честного, равноправного сотрудничества. Даже если наши позиции в чём-то не совпадают, всё равно мы остаёмся партнёрами, потому что нам вместе отвечать на сложнейшие вызовы, обеспечивать всеобщую безопасность, строить будущий мир, который становится всё более взаимосвязанным, где активно набирают динамику интеграционные процессы.

Вместе с партнёрами по Евразийскому экономическому союзу намерены сделать его глобально конкурентным интеграционным объединением. На повестке дня создание в ЕвразЭС общего рынка электроэнергии, нефти, нефтепродуктов и газа, гармонизация финансовых рынков, работа таможенных служб. Продолжим работать и над проектом по созданию большого евразийского партнёрства. Весь мир проходит сейчас через переломный период, и лидером станет тот, кто готов и способен к изменениям, тот, кто действует, идёт вперёд. Такую волю наша страна, наш народ проявляли на всех определяющих исторических этапах нашего развития. За последние без малого 30 лет мы добились таких перемен, для которых другим государствам понадобились столетия. Шли, идём и будем идти своим уверенным курсом. Были и будем вместе. Наша сплочённость – самая прочная основа для дальнейшего развития. В предстоящие годы нам надо ещё больше укрепить своё единство, чтобы мы работали как одна команда, которая понимает, что перемены необходимы, и готова отдавать свои силы, знания, опыт, талант для достижения общих целей. Вызовы, большие задачи наполняют особым смыслом нашу жизнь. Нам надо быть смелыми в замыслах, делах и поступках, брать на себя инициативу, ответственность, становиться сильнее, а значит – приносить пользу своей семье, детям, всей стране, менять мир, жизнь страны к лучшему, создавать Россию, о которой мы вместе мечтаем. И тогда предстоящее десятилетие, весь XXI век, безусловно, станут временем наших ярких побед, нашего общего успеха. Я верю, так и будет.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ ГАНЫ

Мезяев А.Б.

Поэзия Ганы, как любая другая поэзия, многоплановая. В ней есть самые разные темы: и героическая, и лирическая, и философская... Но африканская поэзия в целом и поэзия Ганы, в частности, отличается особо пронзительной темой свободы. Эта тема – сквозная. Она звучит даже в лирике. Тема свободы... А в международно-правовом лексиконе – тема реализации народами колонии «Золтой Берег» своего права на самоопределение.

6 марта – особый день в истории Ганы. Именно в этот день в 1844 г. британцы принудили короля народа фанти признать свою власть. Но именно в этот день в 1957 г. народ Ганы прогнал ненавистных колонизаторов со своей земли.

Так воспевают этот день Эндрю Аманква Опоку:

Шестого марта пятьдесят седьмого
Был возвещен час нашего рожденья.
В двенадцатом часу, на площадь выйдя,
Народа толпы ждали в нетерпении...
И стрелки башенных часов, что были
Для глаз магнитом – глаз толпы миллионной, –
Пробили полночь наконец,
Пробили,
Оповестив мир, в дрему погруженный,
И тех, кто жил ради того лишь дня,
Чтоб увидеть, как на ветру звеня,
Наш новый флаг взмывает гордо ввысь.
Взмывает ввысь под возгласы «Свобода!»

А вот посвящение Дню Независимости, написанное Джойс Адду:

Сегодня день, наш первый день,
День Независимости нашей.
Мрак прошлого –
Он резче оттеняет
Сегодняшний великий свет страны.
Мрак прошлого –
Забытые невзгоды и беда,
Навеки канувшие в Лету,
Забытые тому подобно,
Как осужденный жизнь
Всю провести в темнице,
Но вдруг освобожденный не вспоминает никогда
Кошмаров заточенья.

О тех героях национально-освободительного движения, да и простых замученных колониальными войнами, всех тех, кто не дожил до дня освобождения, пишет известный политический деятель Уилям Дюбуа (США), по происхождению – ганец:

Салют и еще салют
Мертвецам всех войн!
Миллион мертвецов на живого!
Салют и прощай!

Кеннет Макней-Стюарт в своей «Песне и Гане» воспеваает свою свободную Родину:

Я воспеваю Гану –
Страну своего народа –
В патриотической песне,
Язык мой – язык патриота.
...
Я песню пою о свободе,
О нашей любимой Гане,
Четкая поступь ритма
Соразмерна с моими шагами.
Крепнет песня свободы,
Нарастает ее крещендо,
Возрождается мощь былая
Черного континента.

Самое распространенное слово в поэзии Ганы – это, конечно, «свобода». Так и называется стихотворение Дж. Оту:

Свобода! Словно гром могучий,
Звучит то слово – гордый гимн.
Оно нежней любых созвучий,
Живут и умирают с ним!

В патриотической поэзии Ганы ярко проявляются черты самых главных вопросов, которые встали перед новым свободным государством. Как отмечается в статьях, посвященных первому Президенту Ганы Кваме Нкруме, его страстное желание было провести социально-экономические преобразования «немедленно». Конечно, он понимал, какие трудности будут стоять перед новым ганским обществом, но энтузиазм свободного и независимого развития был столь высок, что порой затмевал любые «реалистические» оценки. Вот как выразил этот энтузиазм М.Дей-Ананг в своем стихотворении «Вперед! Время не ждет!»:

Со скоростью звука
Я мчусь
Сквозь годы,
Листаю века,
Ломаю преграды.
Вперед! Вперед!
Время не ждет!
Мне вырваться надо
Из мрака,

Мне надо
Достигнуть высот
Реактивного века.
Так будет!
Хотя это вам не по вкусу.
Так будет!
Хотя это вас раздражает.
Умерьте злость,
Не болтайте напрасно –
Меня удержать
Вы не можете больше.

А вот как выражает свое нетерпение в построении новой жизни Бенибонгор Блэй:

Встань, юность Африки, в порыве смелом,
Сжимая стяг в израненных руках!
Не сникнет наше знамя под обстрелом,
Нас не согнут бессилие и страх.
Мы боремся не за свои доходы
И не за власть: наш путь ведет вперед,
Над Африкой пылает стяг свободы,
И вспять никто из нас не повернет.
Грозятся нам, но мы не из пугливых –
Оружие уймет врагов крикливых.

Стремление идти вперед готово даже забыть жестокое прошлое. Впрочем, нет, не забыть, но и не оказаться в кандалах прошлого, которые будут тянуть назад, не позволяя устремиться в будущее. Вот как разрешила эту коллизию – в то время мучившую сознание миллионов граждан новой свободной страны – поэтесса Адду Джойс:

Забудем, братья, о былом,
Оно на берегу другом,
Ведь мы – единая семья –
Живем под солнцем новой эры!
Страна моя, любовь моя,
Источник гордости и веры!

Очень меткое замечание о поэзии Ганы сделал известный советский поэт Евгений Долматовский, кстати, сделавший блестящие и проникновенные переводы многих африканских поэтов. Он отмечал, что в стихах разных поэтов Ганы вы встретите энтузиазм и гнев, напор и страсть, но вы не найдете в них элегичности, спокойствия, безмятежности. Он писал: «Для поэзии Ганы характерно доведение любой темы до накала – и радости, и горя, и борьбы, и любви».¹

Конечно, как мы уже отмечали, поэзия Ганы – не только патриотическая. Есть здесь и размышления о традиционном понимании мироздания, о «вечном»... И здесь поэзия Ганы сливается с общей африканской поэзией. Ощущение себя ганских поэтов как поэтов африканских или, если угодно, панафриканских, не случайно. Конечно, это отражение философии африканцев, известной в разных африканских культурах под разными названиями (убунту, умуджа и др.), но означающих одно и то же, понятное и – самое главное – естественное для всех.

¹ Долматовский Е. Поэзия Республики Гана // Поэты Ганы. – М., 1963. – С. 8.

Вот как выразил это всеафриканское восприятие жизни Майкл Дей-Ананг: «Мы живы только тем, что отдано другим...».¹ И это совсем не пафос, это – существо африканского мировоззрения и африканской философии, которая, впрочем, не оторвана от жизни. Но такое ощущение жизни, безусловно, имеет и совсем новую основу. Завоевание независимости Ганной – первой среди стран Тропической Африки – поставило вопрос об африканском единстве не только как вопрос культуры, но и как вопрос выживания нового независимого государства среди моря хищников мира капитализма и империализма.

Завоевание независимости поставило вопрос выбора пути новой жизни. Особенно ярко сложность этого выбора проявляется в стихотворении Майкла Дей-Ананга «Куда идешь ты, Африка?».

Следует отметить особую судьбу этого стихотворения в СССР. Оно было переведено на русский язык четыре раза!

Вот, например, как звучат поэтические строки Дей-Ананга в переводе Е.Гальпериной:

Африка, ты подняла паруса,
Но куда же твой путь?
Назад?
К временам там-тамов
И плясок в тени
Солнцем целованных пальм?
Назад?
К тем первозданным дням,
Когда девушки были стыдливы,
А юноши не отступали
От путей, освященных веками.
Боясь проклятья древних богов?
Назад?
К хижинам, крытым соломой,
Где жили согласие и радость.
Назад, к временам Суеверья?

Или вперед?
Вперед, но куда?
К мрачным, угрюмым трущобам,
Набитым людьми,
Где поселились нужда и бессильное горе,
Вперед, но куда же?
К заводам,
К нечеловеческой мельнице фабрик,
Чтоб в нескончаемой смене
Размалывать годы твои?

Вперед, но куда?
К пляскам смерти, к дьявольским пыткам,
К средневековью,
Где арийское жадное коршунье
Бомбит и терзает людей «низшей породы».
Вперед, к Цивилизации?

¹ М. Дей-Ананг, «Смерть», пер. А. Симонова.

Вперед, к неумолимым законам,
Взрывающим рынки,
Превращая сердца в холодную сталь,
Заставляя сжигать
Зерно, что могло бы насытить полмира?

Или назад?
Назад, к древним истокам.
Когда человек человеку был братом
И почитал божество
Чистой душой, не знавшей оков?

Африка, ты подняла паруса,
Но куда же твой путь?¹

А вот как звучит то же стихотворение в переводе М.Кудинова:

Под звездным балдахином неба
Сидел я и смотрел,
Как медленно,
Как терпеливо
Плывет луна
Дорогою своей.

Ее не волновало
И не тревожило совсем,
Какую встречу
Ей уготовила Природа.
Молчаливо
Луна среди холодных облаков
Плыла и улыбалась.

И тогда,
О Африка,
Страна великих фараонов
И пирамид огромных,
Тогда подумал я,
О Родина моя,
Что ты похожа на Луну.
И также, как она,
Ты подняла свой парус.
Но куда,
Куда ты держишь путь,
О Африка?
Назад?
К тем дням далеким,
Когда гремели барабаны,
Сопровождая праздничные пляски
Под пальмами,

¹ «Куда ты идешь, Африка?» // В ритмах тамтама. Поэты Африки. Академия наук СССР. Институт Африки. Изд-во восточной литературы. – М., 1961. – С. 67-69.

Обласканными солнцем?
Назад?
К тем дням наивным,
Когда боялась девушка взглянуть
На юношу, а он боялся
Богов, что к нам из древности пришли?
Назад?
К тем хижинам невзрачным,
Где добродушие царило
И покой?
Назад? К эпохе суеверий?

Или вперед?
Вперед? К чему?
К труппам, где дышать не могут люди,
Где нищета,
Болезни и лишения
Пристанище себе нашли,
Где мрак и ужас
Смотрят на прохожих?
Вперед? К чему?
К заводам, где людей
Как жерновами,
Перемальвает время?

Вперед? К чему?
К плетям средневековья?
К морали хищников,
Которые себя
Арийцами считают
И, вооружась,
Охотятся на тех, кто к низшей расе
Причислен ими был?
Вперед к «цивилизации»?

Вперед?
А что же впереди?
Доходы грязные.
Смертельная борьба,
Законы хитрые
Адама Смита,
которые вверх дном перевернули
Торговлю мировую
И вместо сердца
Камень в грудь вложили.
И вот зерно
В огонь бросают, в море,
В то время, как другая половина мира
На смерть голодную обречена.

Или назад вернуться?
К тем временам далеким,
Когда боялись люди Бога,
Когда душой бесхитростной стремились
Постичь его веленья?

Луна
Плывет, расправив паруса,
Плывет по звездному простору.
Родина моя! Плави и ты,
Плыви путем своим.
И все же
Скажи мне, Африка,
Куда ты держишь путь?¹

В переводе Михаила Курганцева Африка уже не идет, а плывет:

Я под звездами неба
В раздумье сидел,
И луна над моей головой
Проплывала
Спокойно и неторопливо,
Словно лодка под парусом,
Тихо плыла
Извечным путем,
Принимая покорно
Начертанный свыше удел,
Не сомневаясь ни в чем,
Не пытаюсь что-либо менять
В своей безмятежной судьбе.

Словно корабль,
Распустивший все паруса,
Луна проплывала по небу,
Улыбаясь земле –
Несколько высокомерно,
Не без оснований.

И снова думать я стал
О тебе,
Моя Африка,
Родина,
Древний очаг фараонов,
Земля пирамид,
Созданных чьей-то
Непостижимой волей.

¹ «Куда ты держишь путь, о Африка?» // Поэты Ганы / Под ред. Е.Долматовского. – Издат. иностр. лит-ры, 1963. – С. 66-68.

Африка, Родина,
Словно луна, ты плывешь,
Развернув свой парус.
Но куда?

Неужели назад?
В прошлое наше,
Туда,
Где на рассвете
Гремели тамтамы –
Солнце будили от сна,
Что оно целовало пальмы,
Под сенью которых
Мы собирались для танца?

В прошлое?
К тем простодушным годам,
Когда опасаясь мести богов,
Девушки честь берегли,
Юноши не поддавались соблазнам?
В прошлое,
В тьму тростниковых лачуг,
Где таились
Наивная вера,
И доброта,
И надежда,
И все предрассудки?

А может, вперед?
Но куда?
В городские клоаки,
Где и жилища, и люди –
Гнилой и дешевый хлам,
Где обездолены все,
И проносятся дни
Без просвета и цели,
Где заводы –
Проклятые мельницы! –
Перемальвают,
Растирая в муку,
Превращая в ничто
Нашу краткую жизни?

Вперед?
Неужели туда,
Где воздух,
Отравленный запахом трупов,
Радует зверя-арийца?
К цивилизации?
К той,
Что засыпала нас

Гранатами,
Бомбами,
Пулями,
Ядом,
Картечью
И доказала тем самым –
По-моему, очень логично,
Что мы,
Чернокожие, –
Низшая раса?

Вперед?
В грохот контейнеров
И мир всемогущих банкнот?
В игру,
Где расплата смертельная
Скоро грянет?

Вперед?
Туда, где мудрость Адама Смита
Породила безумье,
Когда вокруг голодают народы,
А рядом – сжигают гору еды,
Которая всех бы спасла?

Куда ты плывешь,
Моя Африка?
Назад?
К первозданной морали,
К истокам простым бытия?
Туда, где сохраняются
Страх перед Богом
И сострадание к ближним?
Назад,
К чистой, наивной жизни,
К прозрачному свету души,
Распахнутой для добра?

Неторопливо, тихо
Плывет луна
По звездной реке.
И ты плыви, моя Родина,
Африка,
Развернув паруса.

Но куда ты плывешь?
И видишь ли берег
Обетованной земли?¹

¹ «Куда ты плывешь, моя Африка?» // Ритмы. Африканская лирика XX века в переводах Михаила Курганцева. – М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1978. – С. 83-86.

Наконец, в последний раз это яркое произведение Дей-Ананга было опубликовано в сборнике африканской поэзии, вышедшем в фундаментальном издании Библиотеки всемирной литературы в 1973 г. в переводе А.Симонова:

Под звездным куполом небес
Сидел я, наблюдая,
Как тихая,
Спокойная Луна,
Расправив паруса,
Плыла своей дорогой.

Ей словно было все равно,
Какой удел назначен ей природой...
Она плыла,
Не ведая сомнений,
И молчаливо улыбалась
Чуть свысока.

И тут,
О Африка,
Земля великих фараонов
И пирамид, чье сотворенье
Подчинено неведомым законам,
О Африка, Отечество мое,
Тут я подумал о тебе:
Ты, как Луна, плывешь,
Взнесши парус.
Но куда?
Ответь мне, Африка!
Куда?
Назад?

Туда, где не смолкали барабаны,
Где пальмы, исцелованные солнцем,
Отбрасывали тень на хороводы.
Назад? К наивным временам,
Когда из страха пред богами
Девицы бережно хранили честь свою
И юноши пороков избегали.
Назад?
Под крыши тростниковых хижин,
Где среди тьмы царили доброта,
И утешительство,
И суеверье?

Или вперед?
Вперед! Куда?
К трущобам,
Где люди и дома, как мусорная куча,
Где нищета с бездольем свили
Себе гнездо,

Где все – тоска и мрак?
Вперед! Что там?
Там фабрика,
Чудовищная мельница,
Которая, как тяжкое проклятье,
Дробит в песок отпущенный нам срок.

Вперед! Вперед?
Туда, где смрадный дух
Средневековых зверств,
Где ястребы арийского происхождения
Под жадный клекот бомб и пушек
Доказывают миру превосходство
Над низшей расой?
Вперед, к цивилизации?

Вперед – к грохочущим машинам
И беспардонным барышам –
Надежному залогу
Смертельной схватки?
Вперед,
К хитросплетениям законов
Адама Смита,
Которые переворачивают рынки,
А сердцу
Дают такую крепкую закалку,
Что люди могут сжечь и утаить
То, чем полмира можно прокормить?
И пусть полмира с голоду сдыхают?

Назад?
К источнику всех нравственных начал –
Любви ко ближнему
И страху перед Богом,
Которые живут в непосвященных душах –
Свободных, радостных,
Открытых для добра?

Луна плывет
Спокойно и безмолвно
По звездами усыпанному небу
Издrevле предначертанным путем;
Плыви и ты, Отечество мое.
Изведаны дороги. Парус поднят.
Плыви, о Африка!
Плыви же! Но куда?
Куда?¹

¹ «Куда ты, Африка?» // Поэзия Африки. Библиотека всемирной литературы. – М.: Художественная лит-ра, 1973. – Т. 121. – С. 123-124.

Образ Ганы, как корабля, причем корабля панафриканского (не случайно колония «Золотой Берег» была названа в качестве независимого государства, как «Гана» – великая империя прошлого, выходящая далеко за пределы границ современной Республики Гана), был нарисован еще первым Президентом страны Кваме Нкрумой. В своей «автобиографии» он писал: «Как судно, только что спущенное в воду, мы в одиночестве глядим в лицо опасностям открытого моря. Нам приходится полагаться на своих моряков и на своего капитана и его искусство вождения судна. И гордо стоя на капитанском мостике этого одинокого судна, когда оно уверенно выходит в плавание, я поднимаю руку, чтобы заслонить глаза от ослепительного африканского солнца. И пристально вглядываюсь в горизонт. Впереди еще столько новых испытаний».¹

Вопрос о том, куда же «плывет» Африка, заданный шесть десятков лет назад, актуален и сегодня. И актуален он не только для Африки. Через яркие образы культуры народов африканского континента поэты Ганы задают вопросы, которые, как оказалось, актуальны для всей человеческой цивилизации...

¹ Нкрума К. Автобиография. – М.: Изд. иностранной лит-ры, 1961. – С. 271.

FOUNDERS:

Russian Association of International Law
Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan
The Supreme Court of the Republic of Tatarstan
Ombudsman for the Republic of Tatarstan
University of Management “TISBI”
Members of the Editorial Board

EDITORIAL BOARD:

Editor in Chief – Head of the Department of International Law, Law Faculty, University of Management “TISBI”, Professor Dr. Alexander Mezyaev

Executive Secretary - PhD, Associate Professor of International Law University of Management “TISBI” Evgeniy Motrokhin

Members of the Editorial Board: RM Valeev, LL.D., Professor; GR Shaikhutdinova, LL.D., Professor; L.H.Mingazov, LL.D., Professor; AG Gataullin, LL.D., Professor; E.Yu.Motrohin, PhD, Associate Professor; NE Tyurina, LL.D, Associate Professor; A.R.Kayumova, LL.D, Associate Professor; N.G.Nugaeva, PhD, Associate Professor; R.Sh. Garipov, PhD, Associate Professor. R.A.Sharifullin, PhD., Professor.

CONTACT INFORMATION:

***Mailing address:** 420012, Kazan, Mushtari street, 13. University of Management “TISBI.”
Faculty of Law. Department of International Law. Head of the Department Dr Prof A.Mezyaev

* **E-mail address:** alexmezyaev@gmail.com

* **Fax:** +7 - (843) - 294-83-23

* **Phone:** +7 9050-21-49-67

***Website:** www.kjil.ru

*Opinions of the authors do not necessarily represent the opinion
of the editors or of the founders of the journal.*